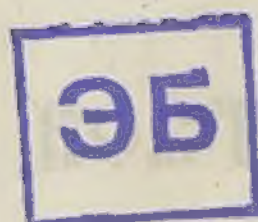

E $\frac{63}{41}$

СВѢТЪ СЪ ВОСТОКА.

1887.

E 41

СРЪТЪ СЪ РОСТОКЪ

Взгледъ на Католическое Православіе сравнительно съ Папствомъ и Протестантствомъ.

СОЧИНЕНІЕ ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ И ФИЛОСОФІИ, ПРОФЕССОРА

І. І. Овербека.

„Ex Oriente lux“

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

Братиками Елеонскимъ и Демьяновскимъ.

ИЗДАНИЕ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СВЯТО-ДУХОВСКАГО БРАТСТВА.

ВИЛЬНА

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЫРКИНА

на углу Нѣмецкой улицы, въ домъ Здановича, напротивъ театра.

1867.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Первоначальная мысль перевести на Русскій языкъ брошюру Профессора Овербека: Die orthodoxe katholische Anschauung im Gegensatz zum Papstthum und Jesuitismus, sowie zum Protestantismus, принадлежитъ бывшему Главному Начальнику Сѣверо-Западнаго Края Константину Петровичу фонъ-Кауфману. По отбытіи Константина Петровича изъ Сѣверо-Западнаго Края, Виленское Св. Духовское Православное Братство, примѣняясь къ своему Уставу (*), изданіе упомянутаго перевода приняло на себя. Члены Совѣта Братства въ одно изъ своихъ засѣданій поручили двумъ Братчикамъ сдѣлать переводъ, который нынѣ и предлагается вниманію читателей.

Рѣшеніе Братства—принять на себя изданіе брошюры протестантскаго писателя—вполнѣ оправдывается содержаниемъ и характеромъ сочиненія; печатая сочиненіе, направленное въ защиту Православной Церкви, Братство возобновляетъ плодотворную литературную дѣятельность древняго Виленскаго Св. Духовскаго Братства. Сочиненіе: «Взглядъ на Католическое Православіе» и проч. принадлежитъ извѣстному протестантскому ученому Овербеку, изъявившему желаніе войти въ общеніе съ Православною Церквію, — послѣ внимательнаго и добросовѣстнаго, какъ видно изъ самаго сочиненія, изученія Ея Вѣры и учрежденій. Уже при самомъ своемъ появленіи (въ 1865 г.) оно обратило на себя вниманіе русской духовной журналистики и въ отрывкахъ было напеча-

(*) Устава В. Св. Дух. Бр. Ст. III, пун. 6.

тано въ Православскомъ Обозрѣніи и Духовной Бесѣдѣ за 1865 годъ. О появленіи этого сочиненія, какъ о немаловажномъ событіи, говоритъ въ своей Всеподданнѣйшей докладной запискѣ въ 1866 году г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

Брошюра г. Овербека, по своему направленію и основнымъ взглядамъ на Православіе, Россію и Востокъ, рѣдкое и едва ли не безпримѣрное явленіе въ литературѣ Западной Европы, всегда почти нерасположенной къ Православному Востоку—вообще и къ Православной Россіи—въ особенности. Вопреки своимъ собратіямъ по вѣрѣ, національности и наукѣ на Западѣ Европы, Овербекъ посмотрѣлъ на Православный Востокъ взглядомъ свободного отъ всякихъ предубѣжденій и предзанятыхъ мыслей изслѣдователя, изучилъ по возможности ученіе и учрежденія Православной Церкви Востока и среди смятенія и броженія умовъ, происходящаго нынѣ въ латинскомъ и протестантскомъ мірѣ, нашелъ успокоеніе для своего духа въ Православной Истинѣ, которая, какъ «Свѣтъ съ Востока» озарила его умъ. Обрѣвши истинную Церковь на Востокъ, онъ неудовлетворился своимъ личнымъ успокоеніемъ, а возревновалъ о спасеніи своихъ заблудшихъ братій, которымъ и указываетъ «Свѣтъ съ Востока» радостными словами, которыми изобилуетъ по преимуществу III глава брошюры. Принадлежа къ другому племени и воспитанный въ понятіяхъ и преданіяхъ гордаго своею цивилизаціей Запада, г. Овербекъ сзумѣлъ оцѣнить по достоинству сокровища, которыми владѣетъ Греческій и Словянскій Востокъ и не постыдился высказать на Западѣ свою горячую вѣру въ близкое торжество Православной Истины, Православной свободы и Православной науки.

Изъ примѣра Овербека и подобныхъ ему безпристрастныхъ изслѣдователей Православной Церкви мы убѣждаемся,

что эта Церковь, чуждая искусственныхъ средствъ и дѣйствій пропаганды, какія употребляетъ Римъ для распространенія папской власти, одерживаетъ победы надъ умами и убѣжденіями одною благодатною силою чистой Христовой истины.

Въ виду совершающихся нынѣ событій на Востокъ Европы особенно знаменательны и сочувственны намъ, православнымъ, чаянія будущей славы и торжества Православнаго Востока, высказанныя г. Овербекомъ въ опроверженіе ложныхъ мнѣній о Православной Церкви Деллингера. Въ Турціи Словянскія и Греческія племена борются за свою политическую свободу съ Турками и за независимость религіозныхъ убѣжденій, за Вѣру отцевъ съ Римскими Папами. Въ Западномъ краѣ Россіи происходитъ живая борьба Православія съ латинствомъ: и тамъ и здѣсь мы видимъ уже не мало опытовъ торжества Православія. Не доказываютъ ли всѣ эти событія, что чаянія Овербека не несбыточны?

Обращаемъ вниманіе читателей и на IV главу брошюры. Здѣсь г. Овербекъ созидаетъ (теоретически) зданіе Православной Церкви на Западѣ. И это созиданіе нельзя назвать несбыточнымъ. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастающее сочувствіе и вниманіе къ Православной Церкви — въ Англіи и Америкѣ (гдѣ съ недавняго времени стали издаваться спеціальныя журналы для ознакомленія публики съ ученіемъ и учрежденіями Православной Церкви) показываетъ, что закладка зданія этой церкви на Западѣ Европы начинаетъ изъ области гаданій переходить въ дѣйствительность. Г. Овербекъ вмѣстѣ съ бывшимъ Аббатомъ Гѣте Д-ромъ Нилемъ и Джунковскимъ принесъ и съ своей стороны, камень который пригодится при возведеніи зданія Православ. Церкви на Западѣ.

Искренность и горячность убѣжденія, съ которыми авторъ высказываетъ въ брошюрѣ свой взглядъ на разные исповѣданія, сдѣлали и рѣчь его необыкновенно живою, сильною и по мѣстамъ даже рѣзкою. Замѣчательны и приемы автора въ защищеніи Православія и въ опроверженіи заблужденій латинянъ и протестантовъ. Оставляя въ сторонѣ подробный полемическій разборъ разныхъ частныхъ ошибочныхъ мнѣній и заблужденій инославныхъ исповѣданій, онъ не наполняетъ своего сочиненія ссылками и цитатами, а нѣсколькими выразительными и мѣткими словами характеризуетъ, по преимуществу, духъ и направленіе извѣстнаго инославнаго исповѣданія. Особенно ярко и выразительно очерчены недостатки и слабости папскаго-іезуитскаго латинства. Переводчики сочли своимъ долгомъ придерживаться, какъ можно ближе, подлинника и особенно сильныя слова и обороты передавать, по возможности, равносильными-русскими, на томъ основаніи, что у Овербека почти каждое слово-фактъ (Words are things) (*). Въ Главѣ четвертой — «о Западной Православной Церкви», допущены авторомъ нѣкоторыя выраженія не вполне согласныя съ Православною истиною, напр. объ опрѣснокѣхъ, о времени пресуществленія хлѣба и вина о томъ, будто Пр. Церковь не рѣшила, признавать ли или нѣтъ Пр. Дѣву зачатую въ первородномъ грѣхѣ и т. п. Выраженія эти допущены авторомъ, какъ кажется, потому, что для успешнѣйшаго соединенія Запада съ Правос. Церковію онъ самопроизвольно сдѣлалъ нѣкоторыя уступки со стороны послѣдней. Переводчики сочли необходимо нужнымъ сопровождать неправославныя выраженія автора примѣчаніями.

(*) См. предисловіе автора.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Взоры всѣхъ обращены на Римъ и на судъ Божій, который надъ нимъ совершается. Только упорное невниманіе къ современнымъ историческимъ событіямъ можетъ отрицать, что папство вступило въ новый періодъ своего развитія. Нельзя сказать, чтобы въ этотъ періодъ папство дѣлало шагъ назадъ; потому что въ жизни, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и учрежденій, существуетъ одно только движеніе—поступательное. Если организація извѣстнаго учрежденія правильна и здорова, т. е. если она опирается на истину; то каждый его шагъ впередъ ведетъ къ процвѣтанію; а если, напротивъ, въ основаніи учрежденія лежитъ ложь, то и оно можетъ идти впередъ и на нѣкоторое время даже обмануть глазъ наблюдателя успѣшнымъ развитіемъ своихъ силъ; но въ концѣ концовъ окажется, что каждый шагъ его впередъ былъ лишь шагомъ къ его упадку. Когда подобная судьба постигаетъ великое, даже величайшее человѣческое учрежденіе; то наблюдатель чувствуетъ тѣмъ большую потребность отыскивать причины упадка и изслѣдовать жизнь и духъ этого учрежденія.

Духъ папства—іезуитизмъ и основаніе его—ложь, ложь тѣмъ болѣе опасная, что папство выдаетъ себя за Бо-

II

гомъ-положенное основаніе церкви, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее достоинства Божественнаго учрежденія; такъ что могла бы угрожать опасность даже существованію церкви, если бы это было возможно. Властолюбіе и гордость—наслѣдственный грѣхъ Рима. Когда у него не стало его побѣдоносныхъ орловъ, онъ высылалъ свои догматы и каноны для завоеванія свѣта. Все, что осмѣливалось сопротивляться, было уничтожаемо молніею его гнѣва. Римъ устарѣлъ, но его страсти не остыли. Старецъ все еще мечетъ молніи, но онѣ уже болѣе не зажигаютъ. Онъ все еще устанавливаетъ догматы, но никто уже въ нихъ не вѣритъ.

Римъ принесъ церкви безконечное зло. Онъ раздѣлилъ на двѣ половины *) Единую Католическую Церковь, которую Христосъ основалъ и поставилъ учительницею истины; и затѣмъ, когда западной половиной (христіанства) стало не подъ силу долѣе выносить его притязаній и развращенія Рима, онъ сдѣлался виновникомъ новаго, не менѣе гибельнаго, раскола. Такъ Римъ разорвалъ Церковь Христову!

Но Господь и зло направляетъ къ добру. Послѣ того, какъ папа оторвалъ Западную церковь отъ Восточной, *Восточная Церковь, согласно свидѣтельству исторіи, сохранила бывшее до того единымъ католическое ученіе неизмѣннымъ до настоящаго времени и ждетъ съ нетерпѣніемъ воссоединенія всей христіанской Церкви.* Если бы Лютеръ жилъ въ Восточной Церкви, то онъ не имѣлъ бы причинъ ее оставить; такъ какъ первыя укоризны, которыя онъ справедливо сдѣлалъ Римской церкви, не могли

*) Римъ не раздѣлилъ церквей на двѣ половины, а самъ отдѣлился отъ церкви. Здѣсь авторъ выражается неточно. Пер.

III

имѣть мѣста въ Восточной. Но Лютеръ, по своей горячности, пошелъ дальше: онъ посягнулъ даже на то, что осталось Божественнаго въ Римской церкви; отрекся отъ этого и этимъ поступкомъ навлекъ проклятіе на протестантство: оно замѣнило положительную истину личными мнѣніями, отвергло Преданіе, отъ котораго не можетъ отказаться христіанство, какъ явленіе, имѣющее свою исторію. Если преобразовать христіанство въ философскую систему (допустимъ, что она будетъ основана даже на крайнемъ почтеніи къ Библии); то это, быть можетъ, показалось бы иному и прекраснымъ и удобнымъ; но такая система всего менѣе была бы христіанствомъ, т. е. Церковью, основанною Христомъ. Если мы желаемъ найти настоящее христіанство; то должны искать его въ первобытной Церкви, а такая Церковь должна гдѣ нибудь *существовать*: историческія явленія не *возсоздаются* логически.

«Три знаменитые города (говоритъ Фальмерайеръ) существуютъ на землѣ, — *Іерусалимъ, Римъ и Константинополь*; это три міровыхъ кольца, въ которыхъ соединяются нити судебъ рода человѣческаго. Покуда нашъ родъ будетъ жить на землѣ, до тѣхъ поръ онъ не перестанетъ подчиняться магическому вліянію этихъ трехъ вѣчныхъ городовъ.» Сначала *Іерусалимъ* былъ столицею христіанскаго міра. Послѣ разрушенія Іерусалима первенство должно было перейти и перешло къ *Риму*, имѣвшему на это право: въ немъ была знаменитѣйшая Апостольская Церковь. Но право это было человѣческое, возникшее историческимъ путемъ, а не установленное Богомъ и не утвержденное Божественнымъ авторитетомъ. Когда же Римъ сталъ утверждать, что это право дано ему Богомъ,

то чрезъ это онъ отпалъ отъ истины и сдѣлался, по отношенію къ Каѳолической Церкви, еретическимъ и схизматическимъ. Если, по ходу церковно-историческихъ событій, Риму принадлежало первое, а *Константинополю* второе мѣсто въ церкви; то, съ другой стороны, злоупотребляя правомъ первенства, Римъ лишилъ себя этого права, и его первенство перешло къ Константинополю. Вся Православная Восточная Церковь находится въ союзѣ Вѣры съ Константинополемъ; но никогда Константинопольскому патріарху не вздумается занять, по Божественному праву (*jure divino*) высшее мѣсто, чѣмъ какое занимаетъ въ церкви всякій другой епископъ. Но если Востокъ сохранилъ чистоту Каѳолической вѣры, то, съ другой стороны, и *Западная церковь* должна сохранить свой отличительный характеръ. Она имѣетъ свою собственную древне-апостольскую литургію, свое западное богослуженіе, свое церковное управленіе и свои обряды, которые развились на почвѣ и изъ духа Запада и столько же отличаются отъ восточной символической, сколько характеръ западныхъ народовъ отличается отъ характера восточныхъ. *И такъ наша задача возстановить чистую, не испорченную Западную церковь, на основаніяхъ общаго каѳолическаго ученія, неизмѣнно сохраниннаго Востокомъ.*

«Отъ слова до дѣла еще далеко» (*Del dicho al hecho hay gran trecho*) говоритъ пословица; но въ настоящемъ случаѣ она не справедлива; такъ какъ трудность пути отъ слова къ дѣлу не болѣе твердости нашей воли. Для насъ не существуетъ труднаго, длиннаго и напраснаго пути прежнихъ попытокъ къ соединенію Церквей, посредствомъ которыхъ думали вдругъ соединить эти два большихъ тѣла, не обращая вниманія на пагубу и всю его обста-

новку и упуская изъ виду протестанство. Итъ: мы обращаемся къ отдѣльнымъ личностямъ, строимъ такое зданіе единенія, для котораго и римскіе католики и протестанты должны дать намъ матеріалы, и строимъ, начиная *снизу*: мы убѣждены, что Православная Церковь приметъ насъ въ свое церковное общеніе. Попытки построить единеніе *сверху* не удалась: медленное созиданіе снизу ожидаетъ вѣрный успѣхъ. Пьюмэнъ (Arologia pro vita sua стр. 98) прекрасно выразилъ эту мысль. «Въ минуты тихаго размышленія, говоритъ онъ, меня посѣщала мысль, что освобожденіе творится не массою, но небольшимъ числомъ избранныхъ, — не (цѣлыми) корпораціями, но отдѣльными личностями» *). Такъ и я теперь весело приступаю къ труду, при полномъ сознаніи добраго дѣла; я бросаю искру въ груды долгое время собиравшихся горючихъ матеріаловъ и молю Бога, дабы они загорѣлись пламенемъ ревности, которое привело бы къ *христіанскому единенію*.

Какъ долго Истинная, Католическая Церковь была въ забвеніи! Притязанія Рима, его человѣческія постановленія и его страсть къ преслѣдованіямъ опозорили славное имя «*католикъ*,» имя, которымъ папство несправедливо завладѣло для себя одного, которымъ оно злоупотребляло и которому мы должны возвратить его прежнюю честь. *Духъ вселенскаго Православія зиждется на вѣрѣ, любви, убѣжденіи, свободѣ, благочестіи и усовершенствованіи*.

Въ заключеніе я долженъ еще замѣтить, что первая глава «Папство и іезуитство,» появившаяся семь лѣтъ

*) Especially when I was left by myself, the thought came upon me that deliverance is wrought, not by the many but by the few not by bodies but by persons.

тому назадъ въ «Geltzers Monats Blattern,» подъ заглавіемъ «Взглядъ на наше время,» въ настоящемъ трудѣ существенно измѣнена и дополнена. Къ сожалѣнію, мы получили слишкомъ поздно второй томъ «Исторіи раздѣленія церквей» Пихлера (Geschichte der kirchlichen Trennung), чтобы сдѣлать изъ него болѣе обширное употребленіе.

Лети мое слово,—и да благословитъ его Богъ!

Words are Things; and a small drop of ink,
Falling, like dew, upon a thought, produces
That which makes thousands, perhaps millions, think.

(Слова-дѣла: ничтожная капля чернилъ, подобно росѣ, оживотворя мысль, приводитъ то, что заставляетъ мыслить тысячи, быть можетъ, милліоны).

И. И. Овербекъ.

31 марта 1865 г.

ГЛАВА I.

ПАПСТВО И ІЕЗУИТСТВО.

Всеякій согласится съ тѣмъ, что вѣра, какъ жизненное начало, проникаетъ собою міръ и человѣчество. Чѣмъ сильнѣе пробуждается это начало въ извѣстномъ народѣ въ извѣстное время; тѣмъ сильнѣе становится проявленіе истинной жизни у этого народа. Всѣ прочіе двигатели человѣческаго рода на пути усовершенствованія: наука, искусство, промышленность, сами по себѣ еще не обуславливаютъ ни истиннаго преуспѣянія, ни здороваго проявленія жизни народа; они, напротивъ, являются часто опасными врагами этой жизни, если не находятся въ гармонической связи съ вѣрою, а становятся во враждебную, по отношенію къ ней, независимость и самостоятельность (*). Посмотримъ вокругъ насъ:

(*) Наука свободна и независима; она можетъ и должна противостоять богословскимъ мифамъ, когда они, какъ это нередко бывало, оказывались ничтожными или даже приводили къ ересямъ. Этимъ мы хотимъ здѣсь сказать только то, что религія, какъ Божественная истина, должна указывать крайній предѣлъ и быть регуляторомъ при открытіи новыхъ человѣческихъ истинъ, т. е. одна истина не должна противорѣчить другой; и какъ скоро признаны Божественныя истины, то, естественно, ни одно положеніе или фактъ, если они противорѣчатъ этимъ истинамъ, не могутъ имѣть притязаній на истинность. А если люди отвергнутъ Божественную истину, то, слѣдуя за блудящими огнями человѣческаго ума, злоупотребляющаго своими правами и взимающагося на разумъ Божій, они непремѣнно впадутъ въ безысходныя заблужденія, если только благодетельные удары судьбы и гнѣва Божія не обратятъ этихъ людей на путь истины.

мы увидимъ замѣчательное броженіе умовъ, вызываемое религіозными вопросами и долженствующее, по этому, повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Народы затронуты въ самой глубокой своей основѣ—въ религін; мы видимъ борьбу умовъ за истину съ двумя врагами, во первыхъ—съ матеріализмомъ, который унижаетъ высокое достоинство человѣка и его назначеніе, отнимая у него Бога и низводя самаго человѣка на степень животнаго; во вторыхъ—борьбу съ отлично-организованной силой, которая съ суровою петершимостію объявляетъ, что она одна завѣдуетъ истиною и одна только можетъ защищать и распространять ее по мудрому плану. Однимъ словомъ мы видимъ готовыми къ борьбѣ: съ одной стороны жизнь, вновь пробужденную, дѣятельную, почерпающую свою силу въ стремленіи къ католической вѣрѣ, съ другой—Римское церковное могущество, развиваемое въ іезуитствѣ и чрезъ іезуитство. Оставляя до времени въ сторонѣ вопросъ о матеріализмѣ, мы здѣсь намѣрены говорить только о движеніи, совершающемся въ вѣроисповѣдной области.

Долгое время два главнѣйшія христіанскія западныя неповѣданія—латинское и протестантское находились во взаимныхъ мирныхъ отношеніяхъ. Миръ, конечно, вещь желанная и хорошая. Тѣмъ не менѣе ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не пожелаетъ, чтобы врачъ оставилъ его въ покоѣ въ ту минуту, когда ему нужно бороться съ опасною болѣзнію; напротивъ, онъ скорѣе согласится подвергнуться самымъ мучительнымъ операціямъ. Потому-то и Самъ Спаситель *принесъ*, какъ Самъ Онъ говоритъ ученикамъ, *на землю не миръ, а мечъ*, т. е. вражду между тѣми, которые должны бы жить въ самомъ тѣсномъ союзѣ. И такъ христіане жили спокойно и не замѣчали, какъ язва невѣрія или равнодушія къ вѣрѣ вкоренялась въ самомъ ихъ сердцѣ.

Архіепіскопъ Кёльнскій, Климентъ Августъ, сразу раздѣлялъ оба неповѣданія тѣмъ, что началъ на смѣ-

шанные браки и такимъ образомъ возвратилъ то и другое исповѣданія въ предѣлы области, принадлежащей каждому изъ нихъ, т. е., провелъ рѣзкую пограничную линію между ними. Точно также онъ очистилъ свою церковь отъ гермезіанства и изъ самаго сердца ея вырвалъ показавшіеся въ ней раціоналистическіе побѣги; этимъ онъ подалъ поводъ протестантамъ обратить вниманіе и на собственную церковную почву, страшно опустошенную раціонализмомъ. Всякій споръ ведетъ къ ожесточенію умовъ: такъ и въ этомъ случаѣ явилась между-исповѣдная ненависть, которая стала ослабѣвать едва по истеченіи десятилѣтія. Но въ то же время мы видимъ, какъ развивается богатая, благодѣтельная дѣятельность въ области существенныхъ христіанскихъ вѣрованій,—дѣятельность, подающая самыя блестящія надежды. Точно также мы видимъ, какъ невѣріе и безправственность, преслѣдуемая и гонимая изъ храма вновь ожившею церковью, побуждаемая местию, тѣснѣе сплотились вокругъ нѣкоторыхъ изъ своихъ предводителей, и въ 1848 году повели въ огонь свои полчища, чтобы низвергнуть престолы и алтари. Вѣрующіе обоихъ исповѣданій также соединились и съ Божіею помощію поразили злаго врага. Послѣ этого стали дѣлить добычу; при этомъ противоположныя стремленія того и другого исповѣданія не замедлили обнаружиться. На долю католиковъ пришлась лучшая часть—неограниченная церковная автономія и сверхъ того уступка, на которую недалековидные между протестантами согласились, считая ее мелочью, именно: *возвращеніе* въ протестантскую Германію *іезуитовъ*, изгнанныхъ изъ самаго сердца католическаго міра. Орденъ іезуитовъ былъ удаленъ изъ Рима не какою-либо партіею политическихъ мародеровъ и противъ воли Римскаго народа; напротивъ цѣлый народъ не чувствуетъ къ нему ни малѣйшаго расположенія, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться во время пребыванія моего въ Римѣ. Теперь-то іезуи-

ты — эти изгнанные отсюда бѣглецы — наводнили свободную, снова для нихъ открытую Германію, которая давно забыла ихъ и до сихъ поръ лишь издали удивлялась ихъ необыкновенному могуществу. Германія добровольно приняла ихъ по тому чувству состраданія, по которому и врагъ не отказывается въ пріютѣ бѣдному изгнаннику.

Какъ удивились всеѣ, когда увидѣли въ іезуитахъ скромныхъ, простыхъ людей и не замѣтили въ нихъ ни лукавства, ни свѣтскихъ манеръ, ни непризваннаго вмѣшательства въ семейныя дѣла. Протестанты нападали на Шпиндлера, Евгенія Сю и другихъ писателей за то, что они несправедливо представляли орденъ въ каррикатурномъ видѣ и безусловно отдались беззаботному покою. Говорили, что бояться вліянія такихъ людей значило бы сознаться въ несостоятельности чистаго Евангельскаго дѣла; — что католики вполне правы, говоря, «что лишь дѣло, лишенное разумныхъ и прочихъ основаній, можетъ ожидать своей гибели отъ горсти іезуитовъ.» По этому несколько не удивительно, что іезуиты нашли себѣ панегиристовъ даже между протестантами и что между послѣдними нашлись и такіе, которые были не прочь у нихъ даже поучиться.

Такъ іезуиты появились скромными и покорными. Они открыли благодатную (?) миссіонерскую дѣятельность: отклоняли грѣшниковъ отъ порочной жизни, возбуждали любовь къ религіи и вскорѣ сдѣлались любимцами народа, въ особенности женскаго пола. Въ послѣднемъ обстоятельстве болѣе проницательный наблюдатель долженъ былъ сейчасъ же замѣтить неуксусную и богатую послѣдствіями тактику, потому что ключъ въ семью находится въ рукахъ жены; и какъ бы ни велика была дѣятельность мужа внѣ семьи, но внутри ея незамѣтное и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльное вліяніе женщины зна-

читъ несравненно болѣе. Не въ сферѣ публичной дѣятельности мужа, будь онъ второй Вилльямъ Питтъ или Ришельё, готовится будущая судьба семьи и народа, а въ тихомъ и сокровенномъ кругу материнскаго вліянія *женщины*. Этотъ-то психологическій тактъ іезуитовъ дѣйствовать прежде всего на женщинъ ведетъ къ несомнѣнному успѣху, хотя эта іезуитская тактика проходила незамѣченною; потому что она не касалась какихъ либо видныхъ явленій и историческихъ фактовъ. Но вскорѣ затѣмъ іезуитовъ разгадали по ихъ миссіонерскимъ проповѣдямъ.

Орденъ іезуитовъ учрежденъ для испроверженія протестантства; слѣдовательно онъ есть учрежденіе, имѣющее своей задачей вести полемику. Между тѣмъ въ проповѣдяхъ іезуитовъ не замѣчалось никакой полемики, и это обстоятельство привлекало къ нимъ протестантовъ и дѣлало послѣднихъ даже снисходительными; а іезуиты непремѣннымъ условіемъ своихъ успѣховъ полагали то, чтобы расположить въ свою пользу протестантскія правительства и народы и этимъ путемъ ввести ихъ въ заблужденіе относительно настоящей цѣли своего дѣла.

На это съ большимъ основаніемъ могутъ возразить, что «лучшею, благороднѣйшею и успѣшнѣйшею полемикою будетъ та, которая ограничится спокойнымъ и яснымъ изложеніемъ догматовъ, не вдаваясь въ дальнѣйшее обсужденіе противоположныхъ вѣроисповѣдныхъ миѣній: при этомъ каждый самъ въ состояніи сдѣлать сравненіе». Если даже допустимъ на время, что іезуиты ограничивались этою приличною и почтенною сферою дѣятельности; то нельзя и здѣсь не замѣтить великой неискренности въ ихъ образѣ дѣйствій. Они, справедливо возставая противъ всѣхъ недостатковъ католическаго общества, не касались однако въ своихъ проповѣдяхъ смѣшанныхъ браковъ, т. е. такого вопроса, ко-

тораго они не могли пройти молчаніемъ, не дѣлаясь неискренними и не считая его маловажнымъ. Но обходили ли они дѣйствительно этотъ вопросъ?

Нисколько: они этотъ вопросъ, равно какъ и опроверженіе миѣній не латинскихъ, перенесли въ ту область, въ которой не встрѣчали ни противниковъ, ни даже свидѣтелей, т. е. въ конфессіоналъ (исповѣдальню). Здѣсь они являлись полными хозяевами, привлекали умы такъ называемымъ у нихъ *пробабилизмомъ* (*), который иго Христово старается сдѣлать совершенно удобнымъ для человѣческой природы; но за то съ неумолимою строгостію требовали вѣрности всѣмъ, даже ничтожнымъ, особенностямъ Римской церкви. *Внѣшняя* церковность, обрядность и служеніе ей считаются у іезуитовъ главнымъ дѣломъ, и кающихся (*pönitenten*) они подзадориваютъ содѣйствовать ея наружному блеску словомъ и дѣломъ, т. е. нѣкоторыми приношеніями. Это тайное вліяніе ускользаетъ отъ всякаго контроля, отъ всякаго противодѣйствія, потому что оно не можетъ быть доказано юридически и обнаруживается только въ своихъ послѣдствіяхъ.

Такое, хорошо рассчитанное, вліяніе іезуитовъ, преимущественно на женщинъ, открываетъ имъ здѣсь золотое дно: въ конфессіоналѣ возбуждаютъ въ женщинахъ чувство благотворительности въ пользу іезуитскихъ учреж-

(*) „Кто руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ правдоподобнымъ миѣніемъ (*opinio probabilis*); тотъ можетъ быть спокоенъ, ибо ни въ какомъ случаѣ не грѣшитъ. Правдоподобнымъ признается всякое миѣніе, основанное на доводахъ сколько нибудь уважительныхъ. Если миѣніе имѣетъ за себя авторитетъ нѣсколькихъ мужей благочестивыхъ, мудрыхъ и опытныхъ, или даже одного такого мужа; то оно правдоподобно и на практикѣ безопасно.“ (Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Ю. Самарина. Москва 1866 г. стр. 135). Въ эгомъ, весьма искусно составленномъ анализѣ іезуитской морали и практики, приведенъ слѣдующій образчикъ, заимствованный г. Самаринымъ изъ іезуитскихъ сочиненій, примѣненія такъ называемаго пробабилизма къ практикѣ: „Когда обѣ стороны (тяжущіяся) приводятъ въ свою пользу основанія одинаково правдоподобныя, судья можетъ взять деньги отъ одного изъ тяжущихся, чтобы произнести приговоръ въ его пользу.“ Правдоподобіе, значить, придумано для оправданія преступленій. Подробности объ этомъ см. стр. 135—151 указанной книги. П е р.

деній; а всегда ли знаетъ мужъ, сколько жена издерживаетъ такимъ путемъ, и не издерживаетъ ли она больше, чѣмъ позволяютъ средства мужа? Объ этомъ мы судить не беремся; но невольно возбуждаются разные подозрѣнія, когда посмотришь на то, какъ нищенствующіе іезуиты успѣваютъ приобрѣтать въ два—три года великолѣпные дома. Если это приписать повсемѣстно пробуждающемуся религіозному чувству, то отчего же другіе монашескіе ордена не могутъ похвалиться такимъ же легкимъ и быстрымъ успѣхомъ? Если чистая религіозная ревность привязываетъ народъ къ іезуитамъ и іезуитовъ къ народу и въ особенности къ женщинамъ; то отчего же происходитъ отчужденіе паствы отъ настоящихъ ея пастырей — приходскихъ священниковъ?

Во всѣхъ значительныхъ городахъ возникаетъ раздоръ между іезуитами и приходскимъ духовенствомъ; а нужно замѣтить—приходское духовенство вообще состоитъ изъ людей достойнѣйшихъ и усердно преданныхъ своему долгу. Пестинный пастырь, проникнутый христіанскимъ духомъ, не можетъ производить и поддерживать подобный раздоръ въ своемъ приходѣ; такой раздоръ бываетъ слѣдствіемъ непобѣдимаго властолюбія іезуитовъ, стремящихся во чтобы-то ни стало занять первенствующее мѣсто.

Эти скромные и простые люди, о которыхъ выше было говорено, скорѣ окрѣпли: они съ искусствомъ умѣли завлечь въ свои ряды знаменитѣйшихъ богослововъ и священниковъ, которые увлеклись великою идеею и надѣялись найти осуществленіе своего идеала въ ордени іезуитовъ. Нѣтъ еще и девяти лѣтъ (*), какъ іезуиты появились у насъ (въ Германіи) и нашли гостепріимный пріемъ у нашего очага; а нынѣ они въ католической Германіи уже полные хозяева. Повсюду они имѣютъ

(*) Эта глава написана 8 лѣтъ тому назадъ.

дома, хорошо устроенныя имѣнія и множество членовъ ордена. Мѣста ихъ поселеній выбраны умно, какъ операціонныя пункты полководца, стремящагося къ завоеваніямъ; гдѣ они разъ утвердились, оттуда трудно бываетъ выжить ихъ; напротивъ они больше и больше захватываютъ въ свою сѣть, пока не достигнутъ полного господства. Господство іезуитовъ тѣмъ тягостнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ менѣе они сами способны дѣлать уступки; они не облакаются наружными признаками власти, но все порабощаютъ себѣ силою общественнаго мнѣнія и нравственнаго гнета, который бываетъ тягостнѣе физическаго. Въ настоящее время не многіе Германскіе епископы осмѣляются открыто высказаться противъ іезуитовъ; но многіе по необходимости сознаютъ и чувствуютъ тяжелый гнетъ и думаютъ про себя: «я неповиненъ въ томъ, что ихъ (іезуитовъ) призвали. Между тѣмъ они сѣли мнѣ на шею!»

Протестанты позволили іезуитамъ успѣться; между тѣмъ мало-по-малу и самымъ близорукимъ должны были стать явными властолюбивыя стремленія ордена. Но когда іезуиты старались забрать въ свои руки воспитаніе и обученіе юношества и главный надзоръ за школами и гимназіями; то Пруссія первая сказала свое слово и оградил насъ такимъ образомъ съ этой стороны отъ вреднаго вліянія іезуитскихъ стремленій. Какой опасности мы подверглись бы, если бы сдѣлана была безразсудная уступка, это мы видимъ изъ примѣра Австріи, въ которой, особенно со времени конкордата (*), іезуитскія школы сдѣлались преобладающими. Іезуиты охотнѣе всего устрояютъ пансіоны, въ которыхъ ученики постоянно живутъ и гдѣ воспитаніе и обученіе тѣсно связаны между собою. Главное правило въ *учебной* ихъ практикѣ—дѣйствовать на честолюбіе, а въ *воспитательной*—дѣйствовать мягко и снисходительно до поблаж-

(*) Конкордаты этотъ заключены въ 1847.

ки. Результатомъ всего этого является: безпредѣльная привязанность воспитанниковъ къ наставникамъ, поверхностныя познанія въ наукахъ и искусствахъ. Порядокъ, опрятность, пзщество въ этихъ заведеніяхъ и тонкій тактъ въ обращеніи привлекаютъ туда высшія сословія; дворянство указываетъ дорогу другимъ сословіямъ, и вскорѣ эти заведенія дѣлаются модными. Туда стекаются молодость, деньги и слѣбныя похвалы: выходятъ же изъ заведеній іезуитовъ молодые пустые люди, но съ прекрасными манерами, снабженные, щегольства ради, нѣсколькими христіанскими понятіями, которыя однако нисколько не мѣшаютъ имъ наслаждаться жизнью и свѣтомъ,—архипаписты, но не болѣе того.

Іезуиты въ короткое время сумѣли овладѣть движеніемъ пробуждающейся жизни въ католическомъ мірѣ,—сумѣли отождествить латинство съ іезуитствомъ и—болѣе того—стать во главѣ латинства. Они ввели въ употребленіе свои сочиненія и учебники, распространили ультрамонтанскія правила ордена (Placita) и старались обратить все вниманіе христіанъ на то, что исключительно принадлежит Римской церкви;—и имъ удалось достигнуть этой цѣли, даже болѣе того—пріобрѣсти право рѣшительнаго голоса въ дѣлахъ Римской церкви. Последнее обстоятельство необходимо, для большей убѣдительности, пояснить точнѣе. Въ орденѣ іезуитовъ требуется, кромѣ трехъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, еще четвертый обѣтъ безусловнаго и неограниченнаго повиновенія папѣ:—обѣтъ важный, но легко исполнимый; потому что, если папа строго ссобразуется съ видами іезуитовъ, то и имъ не трудно повиноваться папѣ, т. е. въ сущности дѣла--самимъ себѣ. Такимъ образомъ четвертый обѣтъ оказывается обѣтомъ вполне эгоистическимъ, потому что іезуиты даютъ обѣтъ послушанія самимъ себѣ. Если бы папѣ вздумалось потребовать чего нибудь негоднаго іезуитамъ, то съ ихъ послушаніемъ повторилось бы тоже, что было при Кли-

ментъ XIV, когда благочестивые отцы, не обращая вниманія и на папское отлученіе, продолжали подъ защитою еретическихъ и схизматическихъ (?) государей быть тѣмъ, чѣмъ Римъ болѣе уже не признавалъ ихъ. Они до того далеко ушли въ своемъ ослѣпленіи, что считали себя незамѣнимыми, хотѣли быть болѣе строгими католиками, чѣмъ самъ папа. Отсюда и возникла римская поговорка: *il rара nero vale piu del rара bianco* т. е. черный папа (генераль іезуитовъ *) значить болѣе, чѣмъ бѣлый папа (папа одѣвается всегда въ бѣлую рясу). Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ на самомъ дѣлѣ стоитъ выше папы, и притомъ такъ ловко ворочаетъ имъ, что папа и не замѣчаетъ этого, а воображаетъ, что дѣйствуетъ самостоятельно. Слѣдовательно главный, жизненный вопросъ ордена состоитъ въ слѣдующемъ: *«какимъ образомъ устроить, чтобы исключительная и безграничная власть во всемъ, что касается церковнаго ученія и жизни, принадлежала намъ, а съ нимъ — и намъ!»*

Задача состояла слѣдовательно въ томъ, чтобы свободное богословское мнѣніе школы о непогрѣшимости папы обратить въ обязательный догматъ вѣры (*dogma explicitum*). Но какъ достигнуть этого? Прежде обыкновенно частныя богословскія мнѣнія (*dogmata implicita*), за которыя стояла большая часть христіанъ, возводилась въ Римской церкви на степень догматовъ, принятыхъ и выраженныхъ церковію (*dogmata explicita*), Вселенскими Соборами. А если, по обстоятельствамъ времени, невозможно было собрать Вселенскій Соборъ, и однако извѣстное мнѣніе пріобрѣтало догматическую важность, то все таки считали необходимымъ сознать въ ближайшемъ времени Вселенскій Соборъ съ тѣмъ, чтобы онъ утвердилъ формальнымъ опредѣленіемъ извѣстное догматическое положеніе. Ученіе о непогрѣшимости папы

(*) Генераль іезуитовъ носитъ черное платіе.

уже давно обсуждалось въ богословскихъ школахъ и это весьма естественно; такъ какъ ученіе это самое рѣзкое, но въ тоже время неизбѣжное послѣдствіе папства.

Много есть заблужденій, проистекающихъ изъ началъ хорошихъ и весьма близкихъ къ истинѣ. Эти заблужденія могутъ долго и свободно развиваться; но за то, когда сдѣланы будутъ изъ нихъ послѣдніе выводы, рѣзко бросятся въ глаза ихъ внутренняя ложь: это самое и случилось съ ученіемъ о непогрѣшимости (папы). «*Истина не боится выводовъ,*» безъ сомнѣнія прекрасное изрѣченіе; но бывають случаи, когда выводы служатъ пробнымъ камнемъ истины (*). Многіе мирились съ папствомъ въ его болѣе мягкомъ, ограниченномъ видѣ, пока имъ не были раскрыты глаза послѣднимъ словомъ папства объ его непогрѣшимости.

Не слѣдуетъ забывать, что іезуиты служили и служатъ передовыми дѣятелями въ пользу этого вопроса. Но они также замѣтили, что благороднѣйшіе и даровитѣйшіе люди Римской церкви, т. е. всѣ люди съ самостоятельными и независимыми убѣжденіями возстанутъ противъ нихъ; и по этому они хорошо поняли всю пользу благоразумной, выжидательной системы. Какъ опытный полководецъ подводитъ свои мины и дѣлаетъ рекогносцировки противъ непріятеля подъ личиною видимаго бездѣйствія, такъ и іезуиты избѣгали открытыхъ нападеній. Планъ ихъ дѣйствій былъ слѣдующій (они его не высказывали, но онъ самъ собою ясно обнаруживается въ ихъ дѣятельности): «Доселѣ, думали они, догматы вѣры устанавлились исключительно постановленіями соборовъ. Этотъ путь длиненъ, неудобенъ и въ настоящемъ случаѣ оказывается неблагопріятнымъ. Нужно безусловное повиновеніе, которое уже принадлежало папѣ въ церковномъ

(*) „Truth does not regard consequences,“ was a noble saying; but there are some cases in which the consequences are a test of truth. Goldwin Smith „The study of history.“ Oxford et London 1861. p. 25.

управленіи, перенести и въ область догмата, потому что церковное управленіе и ученіе тѣсно связаны между собою. Были уже примѣры и случаи, когда папа объявлялъ еретическими и запрещалъ богословскія мнѣнія нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ, напр. Гермеса (*), Ботэна (**), Гюнтера и др., и папское запрещеніе добровольно принималось и исполнялось всѣми. Но изъ примѣровъ еще нельзя вывести общаго правила; и тѣмъ болѣе въ указанномъ случаѣ, потому что здѣсь судья долженъ рѣшать свое собственное дѣло. Было бы слишкомъ смѣло, если бы судья сказалъ: «я—судья изрекаю приговоръ, что я—судья правъ». Многочисленные противники тѣмъ смѣлѣе возстали бы противъ насъ, что они совершенно законно могли бы утверждать, что въ теченіи восемнадцати съ половиною столѣтій было неслыханнымъ дѣломъ въ христіанскомъ мірѣ, чтобы дѣла вѣры рѣшались какъ нибудь иначе, а не вселенскимъ соборомъ.—Если мы теперь примемъ вызовъ враговъ, и не отразимъ ихъ удара, то на всегда уже потеряемъ удобное для того время, и, болѣе того, исчезнетъ вѣра въ наше всемогущество; нашъ орденъ перестанетъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ обществомъ, окруженнымъ магическимъ блескомъ и силою. Положимъ, невѣроятно, чтобы мы все потеряли въ борьбѣ; но для насъ и нашего вліянія далеко не безразлично и то, какъ мы побѣдимъ, т. е. будетъ ли на нашей сторонѣ общее согласіе, или нѣтъ.—Будемъ же выжидать и приготовляться. Путь, котораго намъ слѣдуетъ держаться, ясно намѣченъ: мы сами должны прокладывать его, т. е. мы должны вести дѣло къ тому, чтобы этотъ догматъ (о не-

(*) Гермесъ († 1831) въ Боннѣ, въ противоположность римскимъ притязаніямъ на безусловный авторитетъ, старался придать римскому католицизму новую опору, выясняя согласіе его съ разумомъ. Пер.

(**) Въ противоположность Гермесу, Ботэнъ, французскій богословъ, утверждалъ, что истину Римско-католической церкви нельзя, да притомъ и не нужно, доказывать разумными доводами.—Пер.

погрѣшимости папы) былъ рѣшенъ однимъ папою, а никакъ не вселенскимъ соборомъ.» Этой цѣли іезуиты достигали тѣмъ, что въ богословскихъ лекціяхъ, сочиненіяхъ, особенно въ руководствахъ по каноническому праву, доставляли полное торжество системѣ папства надъ системою епископальнаго управленія.

Въ южныхъ странахъ Европы этотъ путь былъ въполнѣ подготовленъ, а въ сѣверныхъ—увлеченіе въ пользу только что появившихся здѣсь іезуитовъ было такъ велико, что почва для ихъ дѣятельности была совершенно удобна. Во Франціи свободный духъ галликанизма (*) грозилъ было сопротивленіемъ; но и въ этой странѣ римская пропаганда доставила, особенно со времени февральской революціи, перевѣсъ ультрамонтанству надъ епископальной системою. Такимъ образомъ почва повсюду была приготовлена: такъ какъ и Великобританія и неевропейскія страны получали священниковъ своихъ изъ Рима, или-же находились съ нимъ въ самомъ тѣсномъ сыновнемъ союзѣ. Не смотря на все эти выгодныя условія, умные іезуиты находили, что еще не время обнародовать новый догматъ и тѣмъ подняться на высоту могущества. Рѣшено было произвести опытъ надъ другимъ догматомъ, чтобы узнать, удобо-проходимъ ли избранный ими путь и выдержатъ ли мосты? Для этой цѣли послужило мифическое (ложное) богословской школы о нецорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (**), которое положили

(*) Такъ называется особое, свободное направление въ латинской церкви, существующее въ Франціи (Галлія—Галликанизмъ), отвергающее главенство и непогрѣшимость папы и требующее независимости и самостоятельности въ дѣлахъ церкви для епархіальныхъ епископовъ.

(**) Кто желаетъ знать православное ученіе объ этомъ предметѣ, тому мы рекомендуемъ сочиненіе А. Н. Муравьева, бывшаго оберъ-прокуроромъ св. Синода. Сочиненіе это переведено на Англіійскій языкъ I. М. Нилемъ въ его „Voices from the East.“ London 1859. Въ книгѣ Нила помѣщено шесть статей и писемъ Муравьева, которыя, правда, были переведены на французскій языкъ, но весьма не точно въ *Question religieuse d'orient et d'occident*. Moscou 1856 et S. P. B. 1858. Нилъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду опроверженіе извращенныхъ взглядовъ Питтиніуса (*L'Eglise Orientale*) и Ггарриа (*La Russie sera-t-elle catholique?*).

возвести въ догматъ. Протестанты не поняли силы и значенія этого факта.—Много писали и говорили о томъ, что значеніе для насъ Христа Спасителя, какъ нашего единственнаго Искупителя, умаляется такимъ возвышеніемъ Дѣвы-Маріи,—что изъ новаго догмата вытекаетъ ученіе о безгрѣшности предковъ Пресвятой Дѣвы и т. д.; но все это или преувеличено или происходитъ отъ невѣрнаго пониманія новаго догмата. *Эта іезуитская затѣя имѣла полное значеніе не для настоящаго, но для будущаго*: удачное установленіе новаго порядка утвержденія догматовъ должно было служить вѣрнымъ ручательствомъ тому, что и догматъ о непогрѣшимости папы объявится и будетъ принятъ безъ затрудненій. Отсюда-то вышло настоящее всеобщее броженіе умовъ: объявленіе догмата было встрѣчено молчаніемъ, такъ какъ ему не придавали особеннаго значенія; но потомъ замѣтили, что молчаніемъ въ этомъ случаѣ связали себѣ руки; потому что по праву такихъ людей можно будетъ обличить въ непослѣдовательности, если они перемѣнятъ свой образъ дѣйствій при утвержденіи новаго догмата (о непогрѣшимости). Догматъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи для католиковъ не имѣетъ особеннаго значенія; потому что не прибавляетъ ничего существенно-новаго къ латинскому ученію о Дѣвѣ Маріи, и почитаніе Ея отъ этого нисколько не видоизмѣняется. Новаго въ этомъ догматѣ только то, что онъ ослабляетъ дѣтски-сердечное благоговѣніе къ Дѣвѣ Маріи: до сихъ поръ католикъ представлялъ себѣ Марію Матерію въ полномъ смыслѣ, Которая имѣетъ общія съ нимъ страданія и тягости (*) и по этому тѣмъ живѣе можетъ ему сочувствовать; а теперь новый догматъ ставитъ Ее далеко отъ него и окружаютъ Ее величіемъ недоступнымъ и потому наводящимъ страхъ. Онъ думаетъ: «увы! Она не чувствовала и не испытывала, что

(*) Кромѣ страданій отъ грѣха. Авторъ выражается здѣсь не совсѣмъ точно.

значить воздыхать подъ тяжелымъ бременемъ грѣха и вины; она не знаетъ, что такое упорная борьба со злой тройственною похотью въ сердцѣ; Ей не трудно было, при Ея исключительномъ положеніи, достигнуть высшей степени чловѣческаго совершенства; а миѣ что поможетъ подражать этому образцу, съ которымъ я никакъ не могу сравняться, потому что этотъ образецъ жилъ и дѣйствовалъ при другихъ условіяхъ.» (*). Въ сущности новый догматъ не увеличилъ почитанія Божіей Матери, или лучше, подражанія Ей, какъ прекрасному и высокому образцу, а напротивъ умалилъ. Папа Пій IX представлялъ то основаніе благовременности утвержденія новаго догмата, что такимъ образомъ увеличится честь Божіей Матери. Этотъ папа—чловѣкъ съ глубокимъ чувствомъ, проникнутый дѣйствительно по отношенію къ Дѣвѣ Маріи дѣтскою любовію, глубокою и горячею. Онъ въ продолженіе своей жизни не разъ испыталъ Ея чудотворное и благодѣтельное попеченіе о себѣ, и хотѣлъ воздать Ей такое же благодареніе, какъ признательный сынъ, который употребляетъ первыя, заработанныя имъ деньги на то, чтобы купить матери дорогое платье, не думая о томъ, желаетъ ли она того и къ лицу ли ей обновка. Первою и самою большею заботою папы было почитать свою Матерь — Марію Дѣву. — Іезуиты слѣдовательно дѣйствовали благоразумно и осмотрительно, когда затрогивали въ папѣ эту слабую струну и рассчитывали при этомъ встрѣтить сочувствіе и въ массахъ. Они поступали умно, возвышая *наружное* почитаніе Дѣвы Маріи на счетъ *внутренняго*, которое имѣетъ глубочайшее основаніе въ оправданіи и освященіи непорочной Дѣвы искупительными заслугами Спасителя. Такимъ образомъ они возвышали значеніе виѣшней стороны христіанства.

(*) Здѣсь авторъ навязываетъ воображаемому католику протестантскій взглядъ на Богородицу. П е р.

Поклоненіе виѣшности зависитъ отъ поверхностности; поверхностность связана съ безсодержательностію, а вслѣдствіе безсодержательности человѣкъ преклоняется предъ сильною волею и умомъ: вотъ рѣшеніе загадки. Чествованіе Дѣвы Маріи не увеличивалось вслѣдствіе объявленія новаго догмата. За то большій блескъ и великолѣпіе обрядовъ празднованія въ честь Богородицы привлекаетъ массы народа, хотя и отталкиваетъ людей мыслящихъ. Гдѣ глаза слишкомъ разбѣгаются, обоняніе слишкомъ раздражено, и вообще всѣ виѣшнія чувства слишкомъ возбуждены, тамъ нѣтъ болѣе мѣста для дѣятельности ума и сердца. Потому-то человѣкомъ, слишкомъ занятымъ виѣшностію, легко управлять.

Наконецъ іезуиты благоразумно поступили и въ выборѣ предмета для возведенія его въ догматъ: потому что они въ своей полемикѣ по этому случаю опирались на общее поклоненіе Дѣвѣ Маріи: «Марія, ты одна истребила ереси во всемъ мірѣ.» (*Maria, tu sola interemisti haereses in universo mundo. Antiphona in festo conceptionis B. M. V.*). Своєю ревностію въ пользу новаго догмата они нѣкоторымъ образомъ приумножали честь Заступницы христіанъ. Но всѣ тѣ побужденія, которыми они старались объяснить, почему именно они хлопотали объ утвержденіи догмата о непорочномъ зачатіи, такъ ничтожны, что они совершенно исчезаютъ передъ дѣйствительнымъ побужденіемъ—сдѣлать пробу на этомъ невинномъ догматическомъ положеніи: они хотѣли узнать, новый способъ утвержденія догматовъ встрѣтитъ-ли сопротивленіе и можно-ли будетъ этимъ способомъ воспользоваться для утвержденія ново-возникающаго догмата о непогрѣшимости папы? Дальнѣйшіе виды іезуитовъ требовали возможно болѣе удачнаго выбора пробнаго догмата; а ихъ осмотрительность ручалась за то, что они выберутъ удачно.

Необходимо впрочемъ обратить вниманіе на обстоя-

тельства, предшествовавшія этому новому догматическому явленію. Окончательный приговоръ не вдругъ былъ произнесенъ. Заранѣе епископы католическаго міра получили отъ папы приглашеніе съестись по этому дѣлу съ своими богословскими факультетами и донести папѣ о народномъ мнѣніи въ ихъ епархіяхъ объ этомъ предметѣ. При этомъ однако папа нисколько не скрывалъ, что онъ самъ вполне убѣжденъ въ истинѣ догмата, который онъ имѣлъ обнародовать, — обстоятельство, которое неминуемо должно было безусловно вліять на рѣшенія большей части епископовъ. Одно здѣсь странно, что папа спрашиваетъ о народномъ мнѣніи въ епархіяхъ и этимъ какъ будто придастъ вѣсъ и силу народному мнѣнію; тогда какъ(*) о чистотѣ католическаго ученія могутъ свидѣтельствовать только епископы; а мірянамъ въ этомъ дѣлѣ не дано право голоса. Это оповѣщеніе, очевидно, не имѣло особаго значенія, и объясняется лишь желаніемъ папы узнать, не встрѣтитъ-ли въ народѣ отпора новый догматъ его и не произведетъ-ли онъ раскола, принесло ли уже плодъ прежде посѣянное имъ сѣмя, т. е., достаточно ли подготовленъ народъ къ принятію новаго догмата? Последнее оказалось вѣрнымъ, такъ какъ молитвенники іезуитовъ распространены были въ народѣ. Когда такимъ путемъ получили въ Римѣ одобреніе епископовъ и добился видимаго согласія всей церкви, сущей въ разсѣяніи (*Ecclesiae dispersae*); то осмѣлились уже идти дальше. Было бы только получено общее мнѣніе церкви; а какъ оно получено, отъ каждаго ли епископа порознь, или отъ всѣхъ епископовъ на соборѣ, это все равно. Но въ этомъ-то выводѣ и кроется ложь; такъ какъ, по ученію церкви, непогрѣшимость принадлежитъ не каждому епископу, взятому отдѣльно, а всѣмъ епископамъ, вмѣстѣ взятымъ. Каждому ясно, что на соборѣ, при свободномъ обсужденіи различныхъ

(*) По мнѣнію папистовъ.

миѣній и сомнѣній, возникающихъ при разсмотрѣніи даннаго вопроса, въ концѣ можетъ быть полученъ иной результатъ, чѣмъ тогда, когда каждый епископъ отвѣчаетъ въ отдѣльности на вопросъ, въ которомъ напередъ притомъ указывался и самый отвѣтъ. Во всей жизни церкви должно быть видно взаимодѣйствіе Духа Божія и свободной воли человека; но въ данномъ случаѣ человѣческая свобода была крайне стѣснена: вмѣсто собора было употреблено іезуитское правило *divide et impera* (раздѣляй и управляй). Когда новый догматъ былъ совсѣмъ готовъ, такъ что ожидали только его обнародованія; тогда папа собралъ въ Римѣ значительное число епископовъ, даже больше, чѣмъ собиралось ихъ на нѣкоторые важнѣйшіе соборы; при чемъ однако папа рѣшительно объявилъ, что онъ призвалъ ихъ не какъ членовъ собора для рѣшенія вопроса, а только для участія въ торжественномъ праздникѣ при обнародованіи новаго догмата.

Нужно обратить вниманіе еще на одну предосторожность: для того, чтобы новый способъ утвержденія догматовъ не показался слишкомъ страннымъ, сочли необходимымъ растянуть дѣло и обставить его нѣсколькими формальностями, собраніями и совѣщаніями. При этомъ папа снова настойчиво заявилъ, что онъ, для утвержденія новаго догмата, не созываетъ собора; и въ этомъ заявленіи его обозначилась вся *суть* новаго способа утверждать догматы, т. е. что папа одинъ можетъ творить новые догматы. Предварительныя совѣщанія съ епископами были сдѣланы не на основаніи церковныхъ каноновъ, а были дѣломъ исключительнаго произвола папы.

Вникая еще глубже въ дѣло, мы убѣждаемся, что въ догматѣ о непорочномъ зачатіи *уже высказывается* и догматъ о непогрѣшимости папы и, болѣе того, *последній употребленъ былъ въ дѣло при утвержденіи перваго*. Именно: на основаніи догмата о непогрѣшимости, папа, въ сознаніи своего всемогущества, рѣшилъ и объявилъ дог-

мать о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Признавъ этотъ догматъ, Римская церковь тѣмъ самымъ торжественно признала обязательную силу папскихъ опредѣленій, закрѣпила за приговорами папы достоинство божественной истины, т. е. *провозгласила его непогрѣшимостью*. Послѣ этого самое обнародованіе и окончательное утвержденіе догмата о папской непогрѣшимости было дѣломъ уже весьма легкимъ, простою и пустою формальностію и не должно было встрѣтить какихъ либо препятствій (*). Потому что, если бы кто сталъ противорѣчить; то его можно было-бы спросить: «почему вѣруешь въ непорочное зачатіе Дѣвы Маріи?» Отвѣтъ долженъ послѣдовать такой: «потому что такъ сказалъ папа.» Ergo — папа не погрѣшимъ. Ученіе о такъ называемомъ безмолвномъ согласіи (*tacitus consensus*) церкви, приплетенное сюда для подкрѣпленія извѣстнаго папскаго мнѣнія, есть просто папское изобрѣтеніе, несогласное съ церковно-историческою практикою, по которой частныя мнѣнія не прежде признавались догматическими, и слѣ-

(*) Пихлеръ („Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident“ 1864 I стр. 496) рассказываетъ любопытный случай, о которомъ я семь лѣтъ тому назадъ, когда писалъ эту главу, ничего не зналъ, такъ какъ Пипципюсъ сдѣлалъ это дѣло извѣстнымъ только въ 1860 г.—Пихлеръ говоритъ: „Относительно притязаній папъ на личную непогрѣшимость, Пипципюсъ ссылается еще въ 1860 г., а потомъ въ своемъ возраженіи самому папѣ, въ 1862 году, на случай, о которомъ мы прежде ничего не слышали. Положеніе, говоритъ онъ, которое мы занимали во время собора въ Римѣ въ 1854 году, дало намъ возможность узнать о томъ, что на этомъ собраніи, состоявшемъ почти изъ однихъ Романскихъ, (Французскихъ, Итальянскихъ и Испанскихъ) епископовъ, одинъ изъ кардиналовъ сдѣлалъ отъ имени апостольскаго престола такое предложеніе, что „для ученія о непогрѣшимости папы сдѣлано уже все; слѣдуетъ только, безъ всякихъ околичностей, обнародовать его, какъ догматъ.“ Слова его были встрѣчены сначала глухимъ молчаніемъ, а потомъ ропотомъ; раздались восклицанія: „это напасть! это гибель!“ Два епископа встали и протестовали, и такимъ образомъ предложеніе осталось безъ послѣдствій.“ Возгласы „напасть! гибель!“ очевидно небыли глубоко обдуманы; потому что на этомъ „многочисленномъ собраніи нашлось только два прелата“, у которыхъ хватило духу протестовать. Римъ отказался отъ обнародованія новаго догмата, потому что объявить за разъ двѣ новости было бы слишкомъ много; кромѣ того ему былъ нуженъ *пробныи камени*, а не постановленіе собора. Проба же оказалась въ высшей степени удачною. Даже *immaculata conceptio* встрѣчала болѣе противниковъ.

довательно обязательными для всѣхъ, какъ когда утвердить ихъ ближайшій вселенскій соборъ.

Въ этомъ то—болѣзнь нашего вѣка и отсюда происходитъ глухое броженіе умовъ въ католической церкви, при видѣ такого догматическаго направленія. Іезуитское участіе въ этомъ дѣлѣ слишкомъ замѣтно; въ немъ сливаются іезуитскіе и папскіе интересы. При обнаруженіи новаго догмата общее мнѣніе ожидало большаго церковнаго раскола; точно также, какъ при запрещеніи системы Гюнтера, ожидали поголовнаго сопротивленія со стороны послѣдователей этого богослова: ни то, ни другое не сбылось, и къ счастью. Что бы вышло изъ этого? Какое то полу-латинское ученіе, похожее на янсенизмъ (*), замкнутое въ самомъ себѣ. При всемъ томъ въ Римско-католической церкви происходитъ глухое броженіе умовъ, и даровитѣйшими людьми высказывается недовольство, и это характеризуетъ наше время. Броженіе пока еще глухо; чувствуются только гнетъ и неудовлетворительность настоящаго положенія дѣлъ въ католической церкви; но не имѣютъ еще яснаго понятія объ истинной Католической Вѣрѣ и жизни.

Было бы по истинѣ несчастьемъ, если бы процессъ этого броженія преждевременно разрѣшился повсемѣстнымъ взрывомъ: онъ долженъ пройти весь путь естественнаго развитія и привести къ тому убѣжденію, что въ христіанствѣ возможны только два направленія: или *полновластіе папства*, или же *католическая свобода*; средины тутъ нѣтъ. Для недовольныхъ тою церковію, въ которой папство послѣдовательно достигло послѣдней степени своего развитія, возможенъ одинъ исходъ, имен-

(*) Благочестивый Французскій епископъ Лисеній въ сочиненіи своемъ „Августинъ“ (1635) обновилъ древнее строгое ученіе блаженнаго Августина о благодати, въ противодѣйствіе распушенной іезуитской морали. Его послѣдователи образовали во Франціи строго аскетическое общество, которое боролось съ іезуитами и съ папскою властію, и въ этой борьбѣ дѣйствовало за одно съ галликанизмомъ. Пер.

но—переходъ въ Церковь Православную, Католическую, Церковь духа и свободы.

Доселѣ мы указывали только ту роль, которую іезуитство играетъ въ римской церкви; но не входили въ ближайшее разсмотрѣніе самаго этого учрежденія. Орденъ или превозносятся до небесъ (*), или проклинаютъ; но рѣдко съ безпристрастіемъ оцѣниваютъ его историческое значеніе. По своему виду орденъ не свѣтелъ, какъ ангелъ, но и не черенъ, какъ дьяволъ; онъ не совершенъ, какъ всякое *человѣческое* учрежденіе, и тѣмъ болѣе не совершенъ, что приписываетъ себѣ ангельскія совершенства и не допускаетъ ни какихъ улучшеній: пусть они (іезуиты) будутъ такими, какъ есть, или пусть ихъ вовсе небудетъ (*sint ut sunt, aut non sint*) (**). Тѣмъ не менѣе орденъ — учрежденіе великое; основатель его былъ чело-вѣкъ исполнискаго ума; онъ до такой степени вѣрно постигъ духъ папства и претворилъ его въ плоть и кровь свою, что учредилъ образцовое папство въ самомъ папствѣ и основалъ общество, которое папѣ оставалось лишь взять себѣ за образецъ въ дѣлахъ церковнаго управленія и навязывать устройство его всей церкви для того, чтобы достигнуть вершины своего могущества. *Сильное повиновеніе старшимъ, основанное на ихъ непогрѣшимости* — вотъ та таинственная сила, всегда присущая папству, но доселѣ скрытая, какъ бы въ почкѣ, и неразвернувшаяся полнымъ цвѣтомъ, которую Игнатій Лойола подслушалъ у папства, вывелъ на свѣтъ Божій и на ко-

(*) Для примѣра довольно привести слова Сервантеса, который такъ выражается объ іезуитахъ: объ этихъ благословенныхъ людяхъ я слышалъ такія рѣчи, что если смотрѣть на нихъ, какъ на политикановъ, то людей умнѣ ихъ нѣтъ на свѣтѣ и не многіе также могутъ сравниться съ ними, какъ руководителями на пути къ небу. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются: праведность, католическое ученіе, чрезвычайное благоразуміе и глубокое смиреніе, лежащее въ основаніи нашего спасенія. *Novelas ejemplares (los dos perros)*.

(**) Слова іезуитскаго генерала Рикчи, сказанныя папѣ Клименту XIV въ отвѣтъ на требованіе его преобразовать орденъ. Пер.

торой основалъ свое общество. — Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ основатель ордена. Я дѣлаю выдержки изъ одной поучительной книги, которая, несмотря на свою важность, кажется, мало извѣстна: это-письма провинціаловъ къ настоятелямъ ордена іезуитовъ (*Epistolae praepositorum generalium ad superiores societatis Jesu. Dilingae 1612*). Въ началѣ книги помѣщено письмо генерала ордена Еверарда Меркуріана, которое указываетъ на безусловное повиновеніе, какъ на зерно іезуитства. Затѣмъ слѣдуетъ шесть писемъ генерала Клавдія Аквивы, которыя требуютъ такогже безусловнаго послушанія старшимъ: здѣсь нѣтъ и рѣчи о томъ, что старшіе могутъ требовать исполненія приказаній, противныхъ совѣсти подчиненнаго, и что послѣдній всегда обязанъ повиноваться болѣе Богу, чѣмъ человѣку. Во второй части, не носящей особаго оглавленія, но съ отдѣльною нумераціею страницъ, мы находимъ: *Epistolae ad patres et fratres Societatis Jesu* (Посланія къ отцамъ и братьямъ ордена), т. е. выборъ болѣе замѣчательныхъ писемъ генераловъ Ордена, сдѣланный Бернардомъ де Ангелисъ 1606 г. Здѣсь по праву первое мѣсто занимаетъ письмо Ігнатія Лойолы *de obedientiae virtute* (о добродѣтели послушанія). Въ немъ на третьей страницѣ мы читаемъ: «Слѣдуетъ повиноваться старшему и тогда, когда онъ не украшенъ умомъ, добротою и другими какими-либо дарованіями; слѣдуетъ повиноваться по одному тому, что онъ заступаетъ мѣсто Бога и облеченъ властію Того, Который говорилъ: *слушающій васъ, Меня слушаетъ, и отвергающійся васъ, Меня отвергается* (Лук. 10, 16). Повиновеніе старшему, пока онъ остается старшимъ, не должно умаляться оттого, что онъ слабѣе умомъ и благоразуміемъ; потому что онъ носитъ на себѣ лицо Того, премудрость Котораго не погрѣшила и Который самъ восполнитъ въ своемъ служителѣ то, чего не достаетъ ему, лишенъ ли онъ набожности или другихъ украшеній

добродѣтели». (*) На страницѣ восьмой говорится: «Кто «желаетъ всецѣло принести себя въ жертву Богу, тотъ «по необходимости долженъ, кромѣ воли, жертвовать «также и *умомъ*; это третья и высшая степень повино- «венія. Онъ долженъ не только хотѣть, но и мыслить такъ, какъ его — старшій, свое мнѣніе — подчинять его мнѣнію, поколику воля, принесенная въ жертву Богу, по объѣту, можетъ управлять умомъ» (**). На стр. семнадцатой читаемъ: «Точно также, какъ вы подчинялись католической пети- «циѣ, вы должны исполнять все, что ни прикажетъ стар- «шій, *безъ всякаго разсужденія, подчиняясь единственно «слабому влеченію обреченной на повиновеніе воли*» (***). Мы не можемъ умолчать также и о слѣдующихъ словахъ Лойо- лы на восемнадцатой стр. «Слѣдуетъ повиноваться во всемъ, что *явно* не сопряжено съ грѣхомъ»: но какого же противорѣчія можно ожидать отъ ума, который привыкъ къ слѣпому повиновенію и обязанности повиноваться «безъ малѣйшаго размышленія»? Стоитъ только надлежащимъ образомъ вышkolить разумъ и совѣсть въ школѣ казуистики, и свѣтъ совѣмъ померкнетъ. Сила привычки безпредѣльна. Стоитъ девяносто девять разъ заставить себя «слѣпо повиноваться», какъ въ сотый разъ это уже «сдѣлается само собою, безъ всякаго размышленія. На десятой страницѣ Игнатій Лойола доказываетъ необходимость слѣпаго повиновенія для приведенія въ дви-

(1) Siquidem Superiori, nesci prudentia, bonitate ceterisque quibuslibet divinis donis ornatus instructusque sit, propterea obtemperandum est; sed ob id solum quod vices gerat Dei ejusdem auctoritate fungatur qui dicit: Qui vos audit, Me audit: et qui vos spernit, Me spernit: Nec contra, sive consilio aut prudentia minus valeat, quidquam ideo de obedientia remittendum, quatenus ille Superior est; quando illius personam refert, cujus sapientia falli non potest; supplebitque ipse quidquid ministro defuerit, sive probitate aliisque ornamentis careat.

(**) Qui vero se totam penitus immolare vult Deo, praeter voluntatem intelligentiam quoque, qui tertius et summus est gradus obedientiae, offerat necesse est; ut non solum idem velit, sed etiam ut idem sentiat, quod Superior, ejusque judicio subiciat suum, quoad potest devota voluntas intelligentiam inflectere.

(***) . . . sic ad ea facienda, quaecumque Superior dixerit, caeco quodam impetu voluntatis parendi cupidae, sine ulla prorsus disquisitione feramini.

женіе всего механизма іезуитскаго о́рдена: «Какъ для небесныхъ тѣлъ и свѣтилъ существуетъ законъ, по которому одно тѣло управляетъ и движетъ другимъ, такъ что, по нѣкоей извѣстной гармоіи и порядку, меньшее свѣтило подчиняется большему; точно также должно быть и между людьми: когда одинъ управляется другимъ, а это дѣлается посредствомъ повиновенія, тогда необходимо, чтобы тотъ, кто зависить отъ мановенія другаго, подчинялся и повиновался, чтобы такимъ образомъ власть истекала изъ повелѣвающаго на повинующагося и вліяла на послѣдняго». (*) На стр. девятнадцатой говорится: «То что мы говорили о послушаніи, должно быть соблюдаемо простыми членами ордена относительно ближайшихъ начальниковъ ихъ, ректорами и начальниками отдѣльныхъ коллегій, домовъ и пр.—относительно генерала, а наконецъ генераль подчиняется тому, кого Богъ поставилъ надъ нимъ, т. е. намѣстнику Его на землѣ (**).

Такова образцовая армія, члены которой, лишеныя свободной воли, слѣпо повинуются зоркому уму и желѣзной волѣ одного генерала. Точно также и папство выражаетъ свое требованіе, чтобы и всѣ католики отреклись отъ своей мысли и воли; большая часть папистовъ уже и подчиняется приговорамъ высшей власти въ дѣлахъ вѣры съ безмысленнымъ, автоматическимъ послушаніемъ. *Errure si muove* — церковь есть живое, органическое учрежденіе, нѣто таинственное тѣло Христова нельзя связать, нельзя заковать въ цѣпи по ногамъ и по рукамъ. Святый Духъ расторгнетъ наконецъ эти

(*) *Nam ut in corporibus globisque coelestibus, ut alius alium afficiat moveatque, requiritur; ut certa quadam convenientia et ordine inferior orbis superiori subiciatur: sic in hominibus, quam alter alterius auctoritate movetur, quod per obedientiam fit, oportet, ut is qui ab alterius nutu pendet, subserviat et obsecundet, ut virtus ab imperante ad eum derivetur et influat.*

(**) *Atque haec, quae de obedientia diximus, aequè privatis erga proximos Superiores, atque Rectoribus Praepositisque localibus erga Provinciales, Provincialibus erga Generalem, Generali denique erga illum, quem Deus ipsi praefecit, nempe suum in terris Vicarium observanda sunt.*

цѣли и низвергнуть безжизненную главу для того, чтобы господь Іисусъ Христосъ былъ единственною живою Главою своего тѣла.

Отчего же происходитъ, что папство, нашедши въ іезуитствѣ подкрѣпленіе себѣ, или лучше — свое совершеннѣйшее отображеніе, давно не исчезло? Необходимо предположить, что въ іезуитствѣ существуетъ, рядомъ съ разрушающимъ началомъ, и начало охранительное. Дѣйствительно такъ. Основатель ордена въ своихъ духовныхъ упражненіяхъ (*exercitia spiritualia*) примѣнилъ къ жизни христіанскія истины во всемъ ихъ практическомъ значеніи; и упражненія его рассчитаны на то, чтобы посредствомъ періодическихъ повтореній, укрѣпить впечатлѣніе въ умѣ, воображеніи и волѣ и такимъ образомъ дать жизни прочное христіанское направленіе. И не принадлежащій къ ордену, ознакомившись съ «духовными упражненіями», скоро испытаетъ на самомъ себѣ, какое высокое значеніе они имѣютъ для христіанской жизни и долженъ будетъ сознаться въ томъ, что Игнатій хорошо сообразилъ ихъ съ своей задачей и безъ лицемѣрія. (!) Если же онъ ошѣбался въ правѣлахъ своего ордена, то онъ ошѣбался паравѣ съ многими благочестивыми папами, которые твердо убѣждены были въ божественномъ происхожденіи папства. Папство же и повиновеніе непогрѣшному начальнику — одно и тоже. Впрочемъ и въ «духовныхъ упражненіяхъ» іезуитство проглядываетъ особенно въ той важной роли, которая въ нихъ усвоится духовнику; послѣдній посредствомъ этихъ упражненій полагаетъ основаніе послушанію, а въ орденѣ развивается это послушаніе еще болѣе. Само собою разумѣется, что мы этимъ не думаемъ умалять ни должности христіанскаго пастыря, ни послушанія; указываемъ только тому и другому другія границы, чѣмъ — іезуиты. Дѣло, начатое Игнатіемъ въ его «духовныхъ упражненіяхъ», успѣшно продолжали Родригесъ, Аванцинъ въ своихъ знаменитыхъ

«размышленіяхъ.» и шные. Другое христіанское начало, удержанное въ орденѣ іезуитовъ; есть цѣломудріе его членовъ. Хотя примѣры нарушенія цѣломудрія могутъ встрѣчаться и въ этомъ орденѣ, но они такъ рѣдки, что составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Орденъ іезуитовъ въ этомъ отношеніи, на сколько намъ извѣстно, чище всѣхъ другихъ орденовъ. А цѣломудріе есть важнѣйшая добродѣтель, которая надолго упрочиваетъ жизненность, какъ всякаго отдѣльнаго лица, такъ и всякаго общества. Но, скажутъ, какъ же примирить съ этимъ ту легкую мораль, которая излагается въ іезуитскихъ учебникахъ, какъ напр. приводяція въ ужасъ миѣнія о цѣломудріи у Эскобара Мендозы? (*) Отвѣтъ на это простъ. Іезуиты имѣютъ за собою, само посебѣ достойное уваженія, правило Бернарда — быть строгимъ къ самому себѣ и снисходительнымъ къ другимъ, чтобы быть всѣмъ для всѣхъ. Какъ ни прекрасно это правило, но злоупотреблять имъ опасно: когда снисходительность перейдетъ законную мѣру, она станетъ преступленіемъ. Давать довѣрчивымъ христіанамъ въ руководство теорію *пробаблизма* — развѣ не значитъ играть совѣстію, душою и спасеніемъ ихъ? При трудности рѣшить положительно сомнительный вопросъ совѣсти, очевидно не можетъ быть примѣненъ *туціоризмъ*, требующій или полной увѣренности, или бездѣйствія. Но если данныя, говоря въ пользу одного рѣшенія, сильнѣе тѣхъ, которыя находятся на сторонѣ другаго, то естественно склоняться на сторону перваго. Трудно было бы повѣрить тому, что теоріи *правдоподобнаго* миѣнія іезуиты отдавали предпочтеніе предъ теоріей *правдоподобнѣйшаго* (**), если бы

(*) Code des Jesuites d'après plus de trois cents ouvrages des casuistes jesuites. Clèves 1843 p. 49. Книжка эта состоитъ изъ однихъ доказательствъ и цитатъ, съ точнымъ обозначеніемъ сочиненія, тома и страницы.

(**) Вотъ слова объ этомъ предметѣ знаменитаго іезуитскаго казуиста Бупенбаума: „нисколько не грѣша, можно слѣдовать миѣнію правдоподобному, да же чужому (въ противоположность голосу совѣсти) и монте безопасному

всякая теорія, льстящая человѣческимъ слабостямъ, вообще не встрѣчала хорошаго приѣма между людьми. Узкія ворота, ведущія въ животъ, все болѣе и болѣе расширяются, пока путь несдѣлается совсѣмъ широкимъ и удобнымъ. Блэзъ Паскаль первый бросилъ вѣрный свѣтъ на іезуитскую мораль въ знаменитыхъ письмахъ къ провинціалу (*Lettres écrites à un Provincial* 1656). Іезуиты напрасно писали опроверженія на нихъ; они были не въ состояніи опровергнуть доказательствъ Паскаля, и папѣ Александру VII пришлось подвергнуть запрещенію какъ «Апологию іезуитской морали» Пиррота, такъ и письма Паскаля.

Первое спосное опроверженіе «писемъ къ провинціалу», написанное іезуитомъ Даніелемъ, появилось 40 лѣтъ спустя послѣ изданія «писемъ». Сочинитель однако неберется опровергать упреки, сдѣланные іезуитамъ, но ограничивается разборомъ только второстепенныхъ пунктовъ и защитою идеи ордена противъ ошибокъ его членовъ. Такъ онъ говоритъ, что іезуиты не *изобрѣли*, но *застали* готовую излишне снисходительную мораль (*laxismus*). Правда, что и протестанты, какъ напр. Георгій Каликетъ (1634), придерживались ученія о пробаблизмѣ, а Конрадъ Дюрръ (1662) допускалъ во многихъ случаяхъ ложь. между тѣмъ другіе протестанты допускали такъ называемую у казуистовъ умышленную оговорку (*restrictio mentalis*): но дѣло въ томъ, что эти протестанты говорили только отъ себя, между тѣмъ какъ устройство ордена іезуитовъ исключаетъ отвѣтственность каждаго члена порознь взятаго, и взваливаетъ ее на плечи ордену; такъ какъ безъ дозволенія начальниковъ ни одно сочиненіе члена ордена не можетъ появиться въ печати. Такимъ образомъ каждый членъ

отвергнувъ правдоподобнѣйшее и свое собственное, лишьбы не подвергался чрезъ это опасности или ущербу ближній и принимаемое мнѣніе было все таки правдоподобно. Іезуиты стр. 13.

ордена можетъ умыть свои руки. какъ скоро его сочиненіе прошло чрезъ цензуру ордена. *но самый орденъ подлежитъ ответственности.* Если нѣкоторые протестантскіе моралисты и потворствовали *лакцизму*, а немногіе іезуиты *ригоризму*: то это еще нисколько не доказываетъ, чтобы орденъ слѣдовалъ въ ученіи о нравственности свободному направленію. развивающемуся подъ вліяніемъ духа времени. *Пробабиллизмъ*, который, по своему существу, также старъ, какъ и падшій человѣкъ, нашелъ въ іезуитствѣ сродную себѣ почву и достигъ въ немъ и черезъ него самаго цвѣтущаго состоянія: іезуитство съ любовію приняло пробабиллизмъ и тѣмъ показало, что онъ есть существенная черта іезуитства. Не правда-ли? Исторія обличить во лжи всякаго, кто захотѣлъбы опровергать это. Если же орденъ въ своихъ интересахъ вздумаетъ опровергать это: то *пусть онъ объявитъ пробабиллизмъ постыднымъ ученіемъ, и откажется отъ него.* Но этого не будетъ и быть неможетъ безъ ущерба для авторитета папства: съ тѣхъ поръ, какъ Григорій XVI дозволилъ слѣдовать пробабиллизму Альфонса Лигурійскаго (основатель ордена редemptористовъ, похожаго на орденъ іезуитовъ), никто не смѣетъ клеймить пробабиллизмъ именемъ безнравственнаго. Уже этими одними словами ясно обнаруживается солидарность и сродство папства и іезуитства.

Для подтвержденія и пополненія вышесказаннаго приведемъ нѣсколько мнѣній объ іезуитахъ изъ сочиненій людей компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. И прежде всего послушаемъ знаменитаго англійскаго историка Маколея, который, вполнѣ признавая свѣтлыя стороны ордена, при-совокупляетъ (Исторія Англіи Гл. 6):

Орденъ іезуитовъ съ удивительною энергіею, безкорыстіемъ и самоотверженіемъ соединялъ въ себѣ и великіе пороки. Утверждали, и не безъ основанія, что пылкій общественный духъ, заставлявшій іезуита забывать о своемъ покоѣ, о своей свободѣ и жизни, за-

ставлялъ его также забывать объ истинѣ и пощаждѣ; что никакія средства . способствующія интересу его религіи , не казались ему незаконными , и что подѣ именемъ интереса своей религіи онъ слишкомъ часто разумѣлъ интересъ своего ордена . Утверждали , что въ самыхъ ужасныхъ интригахъ и заговорахъ . упоминаемыхъ исторіею , ясно можно прослѣдить участіе іезуита : что , постоянный только въ привязанности къ своему ордену , къ которому принадлежалъ . онъ въ нѣкоторыхъ странахъ бывалъ самымъ опаснымъ врагомъ свободы , а въ другихъ самымъ опаснымъ врагомъ порядка . *Великія победы . которыми онъ хвалился . что совершилъ ихъ во пользу церкви . были . по мнѣнію многихъ знаменитыхъ членовъ этой церкви . больше кажущимися . нежели действительными . Въ самомъ дѣлѣ . онъ трудился . по видимому . съ удивительнымъ усильемъ надъ тѣмъ . чтобы покорить міръ законамъ церкви ; но онъ трудился . ослабляя ся законы . сообразно съ страстями міра .* Въмѣсто того , чтобы усиливаться поднять человѣческую природу на ту высокую ступень , которая указана ей Божественнымъ ученіемъ и примѣромъ Богочеловѣка , онъ понижалъ эту ступень до тѣхъ поръ . пока она не очутилась ниже уровня человѣческой природы . Онъ хвастался массами обращенныхъ . которыхъ онъ крестилъ въ отдаленныхъ странахъ Востока : но разсказывали . что отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ обращенныхъ были лукаво скрыты тѣ истины . на которыхъ зиждется все Евангельское ученіе . а другимъ позволялось спасаться отъ преслѣдованій поклоненіемъ ложнымъ богамъ . лишь-бы они внутренно повторяли : « Отче нашъ » и « Богородице » . И не въ однихъ только языческихъ странахъ были употребляемы подобныя ухищренія . Неудивительно . что люди всѣхъ сословій , и въ особенности высшего сословія . толпились у конфессіоналовъ въ іезуитскихъ храмахъ : ибо никто не отходилъ отъ этихъ конфессіоналовъ неудовлетвореннымъ . Тамъ духовникъ удовлетворялъ вся-

наго и во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ обнаруживалъ какъ разъ столько строгости, чтобы не прогнать преклоняющихся у его духовнаго трибунала въ доминиканскую или францисканскую церковь. Если онъ имѣлъ дѣло съ душою истинно-набожною, онъ говорилъ святымъ тономъ первыхъ отцовъ Церкви: но относительно той большей части людей, у которыхъ было довольно религіозности, чтобы чувствовать беспокойство о сдѣланномъ грѣхѣ, а не было достаточно ея для того, чтобы удерживаться отъ грѣха, онъ дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Такъ какъ онъ не могъ снасти ихъ отъ проступка, то старался охранить ихъ отъ угрызенія совѣсти. Для больной совѣсти у него въ распоряженіи былъ огромный запасъ средствъ, унимающихъ боль. Въ казуистическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ его собратіями и напечатанныхъ *съ одобреніемъ со старшихъ*, можно было найти ученія, утѣшительныя для всякаго рода грѣшниковъ. Банкротъ былъ тамъ наставляемъ, какъ онъ можетъ, безъ грѣха, утаить имущество отъ своихъ кредиторовъ. Слуга, какъ онъ можетъ, безъ грѣха, уйти съ господскимъ серебромъ. Сводникъ находилъ тамъ увѣреніе, что христіанинъ можетъ невинно зарабатывать свой хлѣбъ, перенося письма и посылки отъ замужней женщины къ ея любовникамъ и обратно. Храбрымъ и щепетильнымъ французскимъ дворянамъ предлагалось тамъ рѣшеніе въ пользу дуэли. Италіянцы, привыкшіе къ болѣе черной и подлой мести, съ радостію узнавали, что они могутъ, безъ зазрѣнія совѣсти, стрѣлять въ своихъ враговъ изъ за угла. Обману предоставлялось довольно свободы для уничтоженія всякой цѣнности человѣческихъ обязательствъ и свидѣтельствъ. Ионетниѣ, если гражданское общество продолжало еще держаться, если жизнь и собственность пользовались еще нѣкоторою безопасностію: то это потому, что здравый смыслъ и естественное чувство чело-вѣчности не позволяли людямъ дѣлать того, что, по

увѣренію ордена іезуитовъ, они могли бы дѣлать съ спокойною совѣстью.

Такъ странно были перемѣшаны добро и зло въ характеръ этого прославленнаго братства. и въ этой-то смѣси заключалась тайна его гигантскаго могущества. Этого могущества никогда не могли бы достигнуть простые лицемѣры. Его никогда не могли бы достигнуть также и строгіе моралисты. Его могли достигнуть только люди, съ искреннимъ энтузіазмомъ стремившіеся къ великой цѣли и въ то же время не затруднявшіеся въ выборѣ средствъ.

Сначала іезуиты обязаны были папѣ особеннымъ послушаніемъ. Ихъ призваніемъ было столько же успокоивать всякое волненіе внутри церкви, какъ и отражать нападенія на нее отъявленныхъ ея враговъ. Ихъ ученіе было высшимъ проявленіемъ того, что мы по сторону Альцовъ называемъ ультрамонтанскимъ, и почти столькоже расходилось съ ученіемъ Bossueta, какъ и Лютера. Они предавали проклятію галликанскія вольности, право Вселенскихъ Соборовъ на повѣрку папскихъ дѣйствій и притязаніе епископовъ на непосредственное полученіе своей власти отъ Бога. Ленецъ, *отъ имени всего братства*, провозгласилъ въ Тридентѣ, среди рукоплесканій креатуръ Пія IV и ропота французскихъ и испанскихъ прелатовъ, что *управленіе вѣрующими передано Христомъ одному папѣ, что въ одномъ папѣ сосредоточено все священноначаліе, и что только чрезъ одного папу священники и епископы получаютъ духовную власть*» (Pallavicino, lib. XVIII, cap. XV).

Заключительныя слова Маколей показываютъ, что Ленецъ (іезуитскій генералъ) уже ясно сознавалъ неизбежное послѣдствіе развитія папской системы. Папство необходимо должно было пережить этотъ процессъ своего развитія, точно также, какъ человѣкъ переживаетъ процессъ развитія своего организма.

Слѣдующія свидѣтельства, принадлежащія исключительно римскимъ католикамъ, благонамѣренность которыхъ въ дѣлахъ вѣры всеми признана, еще болѣе пояснятъ дѣло. Генераль *фонъ-Радовицъ* въ своихъ бесѣдахъ о современномъ положеніи государства и церкви (2-е изд. 1846 г. стр. 439) говоритъ, что онъ не имѣетъ средствъ основательно взвѣсить тѣ выгоды, которыхъ можно ожидать отъ возрожденія ордена; «я чувствую тѣмъ не менѣе, присовокупляетъ онъ, что настоящее положеніе іезуитовъ—*иссчастіе для католической церкви.*» Далѣе на стр. 442 говорится: «Возможно ли, чтобы въ настоящее время, при совершенно другихъ обстоятельствахъ, много обѣщающій орденъ іезуитовъ могъ сдѣлать что нибудь полезное? Болѣе чѣмъ сомнительно. Умы людей сильныхъ, наука, воспитаніе находятся нынѣ въ другихъ рукахъ! Когда для церкви настанетъ день обновленія; тогда она явится въ новомъ видѣ, который пока скрытъ еще въ темномъ будущемъ.»

Далѣе приведемъ слова *Беды Вебера* Бенедиктинца и городского священника во Франкфуртѣ на Майнѣ. Онъ блисталъ, какъ и Радовицъ, въ церкви Св. Ап. Павла. Къ нему можно очень кстати примѣнить то, что онъ самъ говоритъ о Радовицѣ: «Это человекъ..., на челѣ котораго ясно видится печать высокаго ума. Онъ превосходно говоритъ и чуждъ всего мірскаго (*totus teres atque rotundus*). его рѣчь, при строго-логической отчетливости, дышетъ покоряющею сердца добротою, которая ни къ кому такъ не идетъ, какъ къ такимъ даровитымъ людямъ.»

Въ своихъ интересныхъ характеристикахъ (Франк. на Майнѣ 1853 г.) говоритъ онъ (очеркъ: Мелеръ въ Меранѣ 1836 г. на стр. 7 -8): «у Мелера былъ свой взглядъ на орденъ іезуитовъ. Хотя онъ и высказываетъ свое уваженіе къ ордену, признанному церковію и къ знаменитымъ его членамъ: тѣмъ не менѣе однако требуетъ вѣрной оцѣнки враждебныхъ ордену данныхъ, вы-

работанныхъ временемъ. Посему онъ весьма усердно разбиралъ всѣ попытки къ возстановленію ордена и рѣшительно утверждалъ, что онѣ никогда не удадутся вслѣдствіе нерасположенности къ іезуитамъ протестантской половины Германіи и холодности къ нимъ даже многихъ католиковъ. При томъ Мёлеръ никогда не соглашался съ положеніемъ: «Jesuitae sint. ut sunt, aut plene non sint.» (Іезуиты должны остаться тѣмъ, чѣмъ они есть, или совсѣмъ перестать существовать). *Въ этихъ словахъ, по его мнѣнію, высказались неспособность іезуитовъ къ дальнѣйшему развитію, сообразному съ духомъ времени и недостатокъ въ нихъ смиренія передъ Богомъ, Который Одинъ неизмѣненъ.* Этотъ взглядъ на орденъ іезуитовъ раздѣляли многіе люди очень преданные церкви въ столицѣ Баваріи: его не чуждъ былъ даже и Деллингеръ. Потому-то Мёлеръ, вмѣстѣ съ королемъ Людовикомъ Баварскимъ и многими единомыслящими друзьями въ Германіи, для обновленія католической церкви считалъ нужнымъ пополнить недостатокъ образовательныхъ учрежденій *орденомъ Бенедиктинцевъ*: этотъ орденъ всегда чуждался политики: а сочиненіе Мёлера объ этомъ предметѣ должно было подготовить умы.»

Въ той же книгѣ (на стр. 190 въ критикѣ одной драмы Фр. Эрда) мы читаемъ: «Плущій эти строки—не іезуитъ и не намѣренъ имъ сдѣлаться. Онъ не причисляетъ къ догматамъ своей вѣры того мнѣнія, которое принимается нѣкоторыми строгими мыслителями, будто существованіе іезуитовъ безусловно необходимо для католической церкви въ ея настоящемъ положеніи. Католическая церковь существовала много вѣковъ и безъ іезуитовъ и можетъ существовать безъ нихъ до скончанія вѣковъ (*): *ибо она основана не на какой нибудь кор-*

(*) Объявленіе Спасителя о пребываніи церкви до скончанія вѣковъ — относится къ Католической Церкви, а не къ римско-католической. А по этому не справедлива увѣренность Вебера въ существованіи римской церкви до скончанія вѣковъ безъ іезуитовъ.

пораціи людей, а на камінь Ісусъ Христъ. Только дѣло рукъ человѣческихъ можетъ поддерживаться людьми, и это совершенно понятно.»

Членъ папской ораторіи въ Римѣ, *Августинъ Тейнеръ* въ своей общензвѣстной исторіи папы Климента XIV (Histoire du pontificat de Clement XIV), именно въ «Современной картинѣ» (Tableau de l'Époque) пишетъ слѣдующее о португальскихъ іезуитахъ (это безграничное вліяніе іезуитовъ описано самимъ же іезуитомъ Георгелемъ): «Они были при дворѣ не только руководителями совѣсти и поведенія принцевъ и принцессъ королевской фамиліи (directeurs de la conscience et de la conduite); но и самъ король и его министры спрашивали у нихъ совѣта въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Ни одно мѣсто въ государствѣ и церкви не замѣчалось безъ ихъ одобренія или ихъ вліянія. Высшій клиръ, вельможи и народъ на перерывѣ одни передъ другими добивались ихъ покровительства и милости.» На стр. 40—41 говорится: «Въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ ордена появилось въ Парижѣ замѣчательное официальное заявленіе провинціала іезуитовъ Стефана де-ла-Кроа, который, желая поддержать орденъ во чтобы то ни стало, принялъ «Галликанскіе члены,» присовокупляя, что если генералъ не дастъ на это своего одобренія, онъ перестанетъ ему повиноваться. Никогда генералъ іезуитовъ официально не опровергалъ этого заявленія!—Нѣсколько ранѣе въ упомянутомъ сочиненіи идетъ рѣчь о постановленіи Климента XIII (constitution Apostolicum rescendi отъ 7 Января 1763 г.) о томъ, какъ папа по апостольски, въ которомъ папа свидѣтельствуеетъ передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ о невинности ордена іезуитовъ: «Это постановленіе было тайно сфабриковано генераломъ іезуитовъ и нѣкоторыми прелатами, слѣпо преданнымъ ордену, такъ что collegія кардиналовъ, равно какъ и кардиналъ статсъ-секретарь были не мало удивлены, когда этотъ неизвѣстный имъ документъ вдругъ

явился на свѣтъ Божій. Своими неотступными просьбами іезуиты наконецъ заставили долго сопротивлявшагося папу открыто признать это постановление. Поэтому-то Климентъ XIV въносльдствіи весьма справедливо называлъ это постановление болѣе исторгнутымъ, чѣмъ испрошеннымъ (*extortam potius, quam impetratam*). Когда Карлъ III, король испанскій, вводилъ реформы въ управленіе своего государства, іезуиты фабриковали огромное количество памфлетовъ въ стихахъ и прозѣ, — распространяли ихъ по всему государству, такъ что успѣли возбудить ими въ народѣ противъ правительства общее неудовольствіе, кончившееся заговоромъ, который подвергнулъ большой опасности Мадридъ и главные города государства и даже угрожалъ жизни короля и его министровъ.» Но еще злостіѣ іезуитовъ оказались ихъ воспитанники изъ бѣлаго духовенства, которые, (какъ выражается королевскій эдиктъ), подражали своимъ наставникамъ въ фанатизмъ (*los secuaces de su fanatismo*) и какъ волки разгоняли паству (*lobos que dispan el rebaño*). Въ обвинительной запискѣ португальскаго короннаго фискала Жозе-де-Сеабра-де-Сильва говорится, что «орденъ іезуитовъ, при своемъ появленіи, остановилъ и задушилъ успѣшное развитіе наукъ въ XVI столѣтіи, такъ что, въ особенности съ того времени, какъ они овладѣли университетами въ Лиссабонѣ и Эворѣ, *не явилось ни одного замѣчательнаго богослова изъ бѣлаго духовенства, а еще меньше между прелатами и епископами*». Хотя генераль іезуитовъ взялъ назадъ неосторожный свой меморіаль, въ которомъ онъ отказывалъ папѣ въ правѣ уничтожить орденъ; «но въ то же время старался убѣдить его, что уничтоженіе ордена ляжетъ камнемъ на его совѣсть и что этимъ онъ даже можетъ лишить себя вѣчнаго спасенія». Въ т. I на стр. 404 § 72 сказано: Папа усердно занялся редакціею записки объ уничтоженіи ордена при содѣйствіи Марефоски, которому удалось откопать документы, *украденные іезуитами изъ канцеля-*

рін секретаріата бреве и изъ римскихъ бібліотекъ.» Въ т. II на стр. 267—268 сказано: Фридрихъ Великій пишетъ д'Аламберу: «я принялъ генерала іезуитовъ, который настоятельно проситъ, чтобъ я публично объявилъ себя протекторомъ ордена.» Т. II стр. 347: Ех-іезуиты распространили слухъ, что папа, послѣ подписанія бреве, лишился ума: «іезуиты съ 1773 по 1847 годъ были единственными обладателями этой постыдной тайны; подъ рукою они и говорили объ пей, но имѣли на столько стыда, чтобы спрятать у себя ключъ къ этой тайнѣ; они содрагались, при мысли, что могутъ обнаружиться предъ обществомъ ненавистныя обстоятельства и отвратительныя подробности, которыми (будто-бы) сопровождалось мнимое сумашествіе Климента XIV». Кретино-Жоли рассказываетъ эту бессмысленную выдумку, а Тейперъ разоблачаетъ ложь ея во всей подробности (стр. 347—356).

Тотчасъ послѣ смерти Климента XIV, какъ дождь посыпались на него пасквили и сатиры (т. II стр. 523—526). Его обвиняли въ томъ, что «онъ опустошилъ церковь и что онъ былъ гнуснѣйшимъ тираномъ, подобнымъ фараону и сатанѣ, что за душу его молились одни янсенисты, что онъ ученію Христа предпочелъ ересь, преслѣдовалъ католиковъ, въ особенности—духовенство, и покровительствовалъ еретикамъ, схизматикамъ и даже евреямъ; что онъ церковь продалъ свѣтской власти и заключилъ съ нею безцѣльный и смѣшной миръ подъ условіемъ уничтоженія ордена іезуитовъ и для пріобрѣтенія нѣсколькихъ пядей земли.» Послѣ всего этого слова Кретино-Жоли (стр. 526), «если имя Климента XIV до настоящаго времени прославляется и защищается, то онъ этою послѣднею честью въ исторіи обязанъ исключительно іезуитамъ» перестаютъ быть горькою пропіею.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о докторѣ А. Пихлерѣ, историческіе труды котораго имѣютъ особенную важность для Православной Церкви. Онъ без-

спорно, самый безпристрастный римско-католическій историкъ; его добросовѣстныя стремленія весьма мѣтко выражены въ эпиграфѣ, предпосланномъ его Исторіи раздѣленія церкви (1864 г.): «истина дороже родныхъ» (Φατὴρα γὰρ ὑπὲρ τοὺς ὁμογενεῖς ἡ ἀλήθεια). Онъ самъ оцѣниваетъ передъ читателемъ тѣхъ авторитетныхъ писателей, которыми пользуется и такимъ образомъ даетъ ему самому возможность составить свое собственное мнѣніе, — тогда какъ большая часть историческихъ писателей доселѣ производила эту оцѣнку келейно, въ своемъ кабинетѣ, и являлась передъ публикою съ готовыми выводами, при чемъ невѣрный вѣсъ и фальшивая монета обыкновенно прикрываются авторитетомъ (αὐτὸς ἔφα) какого либо полновѣснаго корня. Въ названномъ выше сочиненіи Пихлеръ, естественно, не разъ имѣлъ случай говорить объ отношеніи іезуитовъ къ Православной Церкви и интригахъ ихъ противъ нея. Приведемъ здѣсь лишь нѣсколько мѣстъ. Стр. 437: «Ничѣмъ нельзя оправдать тѣхъ пріемовъ, которые іезуиты употребляли во время своей миссіонерской дѣятельности въ Константинополѣ: они не побоялись патравлять Турокъ на Грековъ и Армянъ; при чемъ они намѣренно стремились къ тому, чтобы отдать мусульманамъ на страшныя мученія этихъ своихъ христіанскихъ братьевъ... Коварство, какое они употребляли для насильственного удаленія армянскаго патріарха Аведика, получило достойное возмездіе въ томъ, что повредило дѣлу самихъ іезуитовъ: обнародованъ былъ новый строгій эдиктъ противъ католиковъ, и новый, поставленный іезуитами, армянскій патріархъ въ Константинополѣ съ шестью своими приверженцами приговоренъ былъ къ смертной казни; *они впрочемъ спасли свою жизнь принятіемъ ислама.*» Стр. 515: «Іезуиты между тѣмъ продолжали въ Константинополѣ свою миссіонерскую дѣятельность; *но попрежнему безуспѣшно.*» Стр. 516: «Султанъ Мустафа II объявлялъ гаттишерифомъ, что іезуиты «не только агенты римскаго папы, но занимаются и

иніонствомъ въ его государствѣ. Іезуиты начали тогда дѣйствовать между Армянами, причемъ они воспользовались *много древнимъ предсказаніемъ* (стр. 517) *знаменитаго патріарха Нерзеса* о томъ, что воинственный Франкскій народъ изгонитъ покорителей Армянъ изъ Арменіи и возвратитъ ей прежнее ея могущество. Число обращенныхъ Армянъ было столь значительно, что іезуиты уже въ 1703 году могли помышлять о томъ, чтобы захватить въ свои руки армянскій патріархатъ... Католическій патріархъ однако былъ принужденъ противною партією запретить іезуитамъ публичную проповѣдь въ армянскихъ церквахъ... Тогда іезуиты подали *Портѣ* меморіаль, обвиняя Армянъ въ самыхъ страшныхъ заблужденіяхъ: *будто они, подобно древнимъ евреямъ, приносили въ жертву животныхъ, будто соборовали только священниковъ и то послѣ смерти...* Патріархъ Аведикъ съумѣлъ возвратитъ себѣ патріаршій престолъ тѣмъ, что *тайно далъ іезуитамъ нѣкоторыя обѣщанія*, которыхъ впослѣдствіи и не думалъ исполнять. Онъ обнародовалъ по всѣмъ церквамъ запрещеніе всѣмъ Армянамъ, подъ страхомъ отлученія, посѣщать всѣ Франкскія церкви и принимать въ свои дома ихъ священниковъ. Въ то же время триста молодыхъ людей изъ Эрзерума обвинены были передъ Портой въ томъ, что они учились у іезуитовъ; это повело къ закрытію тамошней іезуитской коллегии. Изъ Арменіи іезуиты убѣжали частію въ Персію, частію въ Константинополь и думали только о томъ, *какую бы хитрость употребить для того, чтобы овладѣть своимъ злѣйшимъ противникомъ патріархомъ Аведикомъ*. Сначала они добились низложенія патріарха Аведика и ссылки его на островъ Хіосъ; на пути къ мѣсту изгнанія онъ взятъ былъ на французскій корабль и перевезенъ черезъ Сицилію въ Марсель. Переходомъ въ латинство онъ купилъ себѣ свободу и умеръ въ Парижѣ» — Стр. 539. «Эти (римскія) коллегии и именно тѣ, которыя состоятъ подъ руководствомъ іезуитовъ (отчетъ

секретаря пропаганды Урбана Черри Иннокентію XI) *никогда не будутъ въ состояніи образовати ни одного способнаго миссіонера.* Строгая и точная ревизія ихъ совершенно необходима.»—Стр. 539: «Греческая коллегія, основанная 13 января 1577 года Григоріемъ XIII, съ цѣлію освободить отъ заблужденій Грековъ, *томящихся въ физическомъ и духовномъ плыну,* и присоединить ихъ на всегда къ латинской церкви, также не достигла своего назначенія, и въ 1677 году, ровно чрезъ сто лѣтъ со времени ея основанія, самъ секретарь пропаганды Урбанъ Черри объявилъ: «Греческая коллегія въ Римѣ приносить бо-
«лѣе вреда, чѣмъ пользы; многіе изъ ея воспитанниковъ
«дѣлаются даже врагами католицизма, *узнавши тамъ сла-*
«*быя его стороны.* На всемъ востокѣ господствуетъ общее
«убѣжденіе въ необходимости закрыть это заведеніе.»

Спрашиваемъ теперь, не проходитъ ли *духъ власто-*
любивой интриги, какъ огненный слѣдъ, черезъ всю ис-
торію ордена іезуитовъ? Можно ли говорить только о
частныхъ злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ его членовъ? Принципомъ и душою іезуитовъ было *тонко рассчитанное*
стремленіе сдѣлать свой орденъ первенствующимъ въ дѣлахъ
церкви и поставить во главѣ божественно — непогрѣшимого
папу, или же выдвинутого. Всѣ богословскія науки долж-
ны были доставить средства для этаго: догматику нужно
было усилить (т. е. выровнять, изворачивать и обога-
щать); а нравственное богословіе ослабить. Изъ тво-
реній отцевъ церкви нужно было выбрать и обработать
примѣнительно къ цѣли все то, что могло доказывать
римское главенство. Пастырское богословіе разрабаты-
валось у нихъ на счетъ нравственнаго. Іезуиты усерд-
но старались пріобрѣтать политическое вліяніе и связи
съ вліятельными людьми: это было для нихъ операціон-
нымъ базисомъ. Но при этомъ они не пренебрегали се-
мейными тайнами и низшихъ сословій, потому что эти
тайны могли послужить пригодными звеньями въ цѣпи

ихъ дѣйствій. *Иезуитство есть мечъ, рукоятъ котораго въ Римъ, а острие въздъ»* говоритъ генераль Фoa (*).

Оставьте при себѣ религіозное соболѣзнованіе о тѣхъ, которые нападаютъ на вашъ святой, святымъ отцомъ возстановленный и покровительствуемый орденъ, и *опровергайте насъ фактами, если можете!*

Въ самой католической церкви есть много такихъ лицъ, которыя со всею энергіею готовы-бы возстать противъ іезуитовъ и ихъ вліянія, а много и такихъ, которые не будутъ отрицать справедливости всего, сказаннаго нами объ іезуитахъ, но которые все таки остаются католиками папистами. Отчего же это происходитъ? Рѣшеніе этого вопроса выяснитъ еще съ большею обстоятельностью все нами сказанное; оно разовьетъ и дополнитъ нашъ взглядъ. Войдемъ на минуту въ одинъ набожный (римско-католическій) кружокъ, который такъ увлекательно описалъ протестантъ Нимейеръ. Этотъ кружокъ былъ въ Мюнстерѣ и состоялъ изъ набожныхъ людей-Бароновъ Дросте — Фишеринга, Оверберга, обращеннаго изъ протестантства, графа Фридриха Леополяда Фонъ Штольберга, Барона Фонъ Фюрстенберга, Катеркампа и Келлермана. Гдѣ можно найти такую глубокую и искреннюю религіозность, какою проникнута была жизнь людей, составлявшихъ этотъ кружокъ? (**). Въ немъ нашелъ себѣ тихое пристанище

(*) Четырнадцатый генераль ордена Тамбурины сказалъ одному собесѣднику: „знаете ли? изъ этой комнаты я управляю не только Парижемъ, но и Китаемъ и не только Китаемъ, но и всѣмъ свѣтомъ, и никто не знаетъ, какъ это происходитъ.“

(**) Вся эта тирада о Мюнстерскомъ латинскомъ кружкѣ мечтателей, тщетно искавшихъ успокоенія въ Богѣ въ Православной Церкви, написана Овербекомъ подъ вліяніемъ увлеченія идеалами и стремленіями, можетъ быть и искренними, но безплодными въ Церкви, указаннаго кружка. Увлеченіе очень понятное въ человѣкѣ, живущемъ въ той части Европы, гдѣ люди заняты, по преимуществу, меркантильными дѣлами. Пер.

Штольбергъ, бѣжавшій изъ окружающаго его невѣрующаго протестантскаго общества. Стоитъ заглянуть въ мемуары, изданные Катеркамномъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ люди этого кружка глубоко старались изучить Св. Писаніе, и какъ неослабно, съ какою искреннею любовію и усердіемъ пытались проникнуться духомъ Евангелія. Потому-то даже протестантъ Гаманнъ жилъ и умеръ въ этомъ кружкѣ и былъ любимымъ въ немъ братомъ. Самъ полуязычникъ Гёте, посѣтивши этотъ кружокъ, немогъ скрыть того удивленія, которымъ преисполнила его образцовая(?) христіанская жизнь этихъ людей. Подобнымъ же образомъ въ Южной Германіи епископъ Зайлеръ собралъ около себя кружокъ одинаково съ нимъ настроенныхъ людей, которые вмѣстѣ съ нимъ старались проникнуть (*) въ тайны Св. Писанія и человѣческаго сердца, подражая Томъ Кемпійскому. Все это были люди, проникнутые стремленіями полными той таинственности, какою исполнено Христіанство. Но то была истинная таинственность, столь далекая отъ всякаго мистицизма и квіетизма; она соединяла въ себѣ ясность пониманія съ глубиной чувства, такъ что она имѣла пожалуй болѣе сильное и продолжительное вліяніе на знаніе, чѣмъ на жизнь; потому что знаніе литературнымъ путемъ распространялось далеко изъ этихъ тѣсныхъ кружковъ; между тѣмъ, какъ не многимъ только удавалось входить въ непосредственное соприкосновеніе съ людьми этихъ кружковъ и при этомъ ощущать на себѣ возбуждающее вліяніе. Мысли Фюрстенберга и Оверберга распространялись въ образцовыхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, которыя въ свою очередь далеко распространяли оживляющій и обновляющій духъ Христіанства. И кто можетъ вполне измѣрить

(*) И, конечно, немогли, потому что, по сознанію самаго Овербека, ключъ къ пониманію Св. Писанія находится въ распоряженіи Церкви, и самые набожные и искренніе кружки имъ не владѣютъ. Пер.

глубоко проникающее вліяніе этихъ Христіанскихъ мужей и женъ на католическій міръ? Но то вѣрно, что они много способствовали оживленію того серьезнаго, научнаго смысла, который *умѣлъ (*) оцѣнивать и усвоивать себѣ все достойное вниманія въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ.*

Теперь только католическая наука стала въ уровень съ потребностями времени; такого уровня она со времени реформаціи достигала только въ сочиненіяхъ не многихъ исключительныхъ личностей. Образовались самостоятельныя богословскія школы съ живыми стремленіями, достигшія важныхъ результатовъ. Таковы школы Гермеса, Баадера, Фонъ-Дрея, Штауденмайера и Гюнтера; являются такіе люди, какъ напр.; Янгъ, Гугъ, Мёлеръ, Деллингеръ, Моверсъ, Гефеле. (**). Религіозное оживленіе нѣмецкихъ католиковъ отозвалось и за границу, и Гермесъ нашелъ себѣ подражателей во Франціи въ лицѣ де-ла-Менэ и Ботэна; и сама Италія тоже не отстала отъ общаго движенія и выставила отъ себя Росмини. Скажутъ: «какъ все это хорошо, какое духовное оживленіе въ католической церкви!» Все это прекрасно: но развѣ папская церковь одобряла это оживленіе? Все это были католическія стремленія, и даже отчасти направленные къ защитѣ католицизма передъ другими вѣроисповѣданіями; — и однако Римъ не могъ терпѣть этого свободнаго направленія. Сочиненія знаменитѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей подвергались запрещенію и такимъ образомъ ослаблялось ихъ вліяніе; даже знаменитый катихизисъ достопочтеннаго Оверберга мало по малу съумѣли уронить въ глазахъ католиковъ. И такъ всякій видитъ и понимаетъ, что на это отрадное оживленіе въ католической церкви смотрѣли сверху

(*) Сомнительно; еслибы умѣлъ, то долженъ былъ бы присоединиться къ Православной Церкви. Пер.

(**) Германскіе богословы извѣстны своими сочиненіями по изъясненію Св. Писанія (Jahn), Сравнительному Богословію (Symbolik Möhler), и по Цер. исторіи (Деллингеръ, Гефеле) Пер.

одозрительно и старался подавить его. Правда, что и эти люди ошибались и подчас впадали въ рационализм; но еслибы дали ихъ взглядамъ возможность свободно развиваться; то они оеязательнѣе и скорѣе обнаружили бы свою ложь и сами собою уничтожилисьбы. Болѣзни нельзя подавить сразу и насильственно: она на нѣкоторое время, повидимому, исчезнетъ; но за то потомъ проявится въ болѣе опасныхъ симптомахъ въ другомъ мѣстѣ организма (*) Но все же жизнь лучше смерти и неподвижнаго покоя, хотя-бы въ теченіи ея не разъ постигали человѣка возможныя болѣзни. Впрочемъ развѣ въ Римѣ понимали Гермеса и Гюнтера? Перронэ, потерѣвшій пораженіе, съ печальной миной представлялъ Гермеса въ глазахъ Брауна и Ельвениха въ каррикатурѣ и этимъ возбуждалъ въ этихъ людяхъ сожалѣніе и состраданіе. Благороднаго старца Гюнтера отиравили изъ Рима безъ всякаго оправданія (*indicta causa*) во свояси: а это все равно, что освободить отъ висѣлицы, съ тѣмъ чтобы разстрѣлять. Пигмен возстали противъ великаго человѣка и ихъ нельзя было унять даже довольно чувствительными палочными ударами: они хотѣли во чтобы то ни стало сдѣлаться смѣшными въ своей безумной ревности о пользахъ Рима.

Эта постоянная борьба папства съ религіознымъ и умственнымъ оживленіемъ посторонняго мыслителя можетъ только опечалить; но человѣка заинтересованнаго въ этой борьбѣ она должна привести къ раздумію о

(*) Папа Пій IX, конечно, иначе думаетъ объ этомъ (Синлабуръ XII). Изъ этого, какъ и изъ многихъ другихъ пунктовъ Синлабуръ видно, до какой степени коварна папская рѣчь. Мы находили въ ней частицу истины, но истины всегда искаженной или развитой односторонне. Церковь не можетъ и не должна терпѣть „заблужденій философіи“ — это весьма вѣрно, но пока философія прямо не противорѣчитъ ученію вѣры, она свободна; пока она заключаетъ въ себя только возможность сдѣлаться еретическою, — она еще не еретическая. Она мудрствуетъ еретически (*Haeresis sapit*) — зрѣла, прѣрѣвѣнная въ Римѣ; а у іезуитскихъ лицекъ тайной римской догматической полиціи удивительное чутье.

томъ, согласна ли съ волею Божіею папская власть, отрицающая и убивающая умственную дѣятельность? Въ іезуитахъ мы узнали передовыхъ бойцовъ папства, которое въ свою очередь само управлялось ими. Поэтому, естественно нужно было ожидать, что съ водвореніемъ ордена въ Германіи измѣнится характеръ научной дѣятельности. Католическая наука, только что высвободившаяся изъ казуистическихъ и схоластическихъ оковъ, достигшая положенія болѣе свободнаго и разумнаго (*), которое давало ей возможность стать наравнѣ съ наукою протестантскою, издавна привыкшею къ свободѣ, лишается теперь своей новой формы, которую называютъ чуждою и несогласною съ требованіями церкви; прежнія книги бросаются въ уголь, какъ вредныя и опасныя для настоящаго времени. А составляются ли новыя, лучшія?? О, Боже избави! Іезуиты, воспитанные въ римскомъ духѣ, не могутъ освоиться съ нѣмецкимъ образомъ мыслей и способомъ изложенія; то и другое имъ чуждо и непонятно; они предчувствовали, что богословская наука, при свободной и открытой разработкѣ своихъ вопросовъ, понеобходимости должна коснуться и папства. Поэтому-то и нужно было уничтожить это опасное направление. А какія сочиненія рекомендуются теперь молодежи въ руководство! Возвращаются къ среднимъ вѣкамъ, переписываютъ старыя жалкія книжонки, выбираютъ такія сочиненія, которыя болѣе всего пригодны для механической дрессировки: нужно же было набить головы какими нибудь свѣдѣніями, даже многи-

(*) Пій IX держится другого мнѣнія; потому что въ своемъ Силлабусѣ (N. 13) онъ называетъ „заблужденіемъ“ слѣдующую мысль: „Методы и принципы, по которымъ прежніе схоластическіе ученые разрабатывали Богословіе не соответствуютъ ни потребностямъ, ни степени развитія наукъ нашего времени.“ Сомнительно, читалъ-ли Пій и его духовные совѣтники хоть одно не схоластическое богословское сочиненіе. Они берутся судить о томъ, чего не знаютъ. Даже ультрамонтаны между образованными нѣмецкими богословами должны быть недовольны этимъ не осторожнымъ приговоромъ. Они по крайней мѣрѣ могутъ желать, чтобы папа не поворачивалъ ихъ и науку передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ми свѣдѣніями и, пожалуй, практическими; но разумѣется при этомъ не могло быть и рѣчи о какихъ-нибудь основаніяхъ, о какой-то системѣ и научной критикѣ (*) Это положеніе можно выразить такъ: «вотъ тебѣ (ученику) такое-то положеніе, рѣшенное разъ навсегда : его принимаютъ величайшіе умы и благочестивѣйшіе люди, — стало быть тебѣ маленькому человѣку тутъ нечего разсуждать. Они рѣшили этотъ вопросъ вѣрно и умно: тебѣ тутъ нечего дѣлать, слѣдовательно не спрашивай объ основаніяхъ». Такого метода ученія требуютъ эти старыя, вновь нанечатанныя, книжки. На данное положеніе въ нихъ представляются самыя разнообразныя мнѣнія по одному и тому же вопросу съ точною арифметическою оцѣнкою cadaго ; такъ что рѣшеніе учащагося въ пользу одного изъ приведенныхъ мнѣній обращается въ процессъ простаго арифметическаго сложенія и вычитанія. Безспорно, это удобный способъ усвоивать себѣ сущность вещей, получить къ тому еще въ придачу «привычку слѣпо вѣровать въ авторитеты и разучиться жить своимъ умомъ» !!

Первое мѣсто занимаетъ у іезуитовъ *Summa Theologiae* (Богословіе) Тома Аквината-книга безспорно лучшая другихъ богословій; изъ нея, при добромъ желаніи, можно былобы кое-чему научиться. Появленіе этой книги было событіемъ въ свое время ; ею пользовались въ продолженіи вѣковъ, она и въ настоящее время можетъ принести пользу ; но все таки грустно римскимъ католикамъ сознаться, что они ни на шагъ не подвинулись впередъ въ продолженіи шести сотъ лѣтъ со времени появленія этого сочиненія. Понадлежащему, въ настоя-

(*) Сравни. „Das Schulwesen der jesuiten nach den Ordensgesetzen dargestellt von D. Gustav. Weicker Halle 1863“. Кто хочетъ узнать, въ какомъ выгодномъ свѣтѣ представляютъ это дѣло сами іезуиты, того мы отсылаемъ къ книжкѣ, написанной мастерскимъ перомъ : *Ueber die alten und neuen Schulen von J. W. Karl. Mainz 1846, insbesondere Absch. V. 4 и 5.*

щее время Тома Аквинатъ долженъ былъ-бы пользоваться бѣльшимъ, чѣмъ когда либо, значеніемъ; такъ какъ основатель ордена іезуитовъ указалъ въ немъ своимъ собратьямъ образецъ. Но его вліяніе оказывается все таки незначительнымъ: не много найдется охотниковъ тратить время и терпѣніе для того, чтобы осилить полновѣсные фоліанты. Далѣе слѣдуютъ: Абелли, Гюры, Нейрагэ, Гомъ, Лигурій все схоластики и казуисты! Изъ всѣхъ угловъ и со всѣхъ сторонъ вытаскиваютъ, переводятъ и передѣлываютъ подходящіе старые молитвенники, учебники, проповѣди и правоучительныя книги. Вотъ все, что сдѣлано въ это безсмысленное время! Былобы только старо, уродливо, чудовищно и будетъ хорошо; потому что удовлетворяетъ модному вкусу, которому іезуиты задавали тонъ. Если находили въ подобной старой книгѣ измѣреніе пространства ада, описаніе адской кухни, исторію антихриста, характеристику вѣдѣмъ и т. п.; то съ умиленіемъ восклицали: «ахъ, какая непосредственно-дѣтская и счастливая вѣра была въ тѣ времена, когда мудрствованія еще не вытѣсняли чудеснаго изъ міра и изъ человѣческой жизни! Во всемъ этомъ быть можетъ больше правды, нежели полагаютъ». Такіе взгляды на вещи и дѣйствія— по душѣ іезуитамъ: если человѣкъ такъ быстро и прямо возвращается къ средневѣковымъ понятіямъ и ему разъ успѣли завязать глаза; то онъ уже безъ сопротивленія позволитъ вести себя, куда угодно.

Вездѣ, гдѣ іезуитская метода обученія и преподаванія была принята, — неминуемо должно было исчезнуть не только всякое самостоятельное изслѣдованіе богословскихъ вопросовъ, но и всякій живой интересъ къ наукѣ. Прежде изучавшій науку воспринималъ умомъ предложенный ему вопросъ, обдумывалъ его во всей широтѣ; ставилъ въ связь со всѣми другими однородными вопросами, давалъ ему надлежащее опредѣленное мѣсто въ системѣ, основанной на несомнѣнныхъ аксіомахъ

и развивающейся изъ нихъ органически: и въ такомъ способѣ изученія находилъ не только лучшее доказательство того, что вопросъ рѣшается имъ вѣрно, но и высокое личное удовлетвореніе и живѣйшій интересъ къ дѣлу, которое становилось *его собственнымъ* дѣломъ. Теперь же мы видимъ въ замѣнъ этого-мертвое и мертвящее изученіе, или скорѣе механическое заучиванье, — и только. Единственный интересъ, какой могутъ находить въ такомъ способѣ изученія, состоитъ въ томъ, что такимъ образомъ можно сдѣлаться пустымъ всезнайкой и развить въ себѣ до крайности способность къ схоластическимъ словопреніямъ. Всѣ познанія, пріобрѣтаемыя такимъ путемъ, останутся заученными, механически усвоенными, и защищаютъ такіа «познанія», взятые, такъ сказать, на прокатъ-тоже механически, подбирая софизмы къ данному случаю изъ готоваго ихъ запаса; при этомъ тотъ окажется лучшимъ ученикомъ, кто не пользеть за словомъ въ карманъ и съумѣетъ лавировать при выводѣ заключеній. А для этого достаточно простой дрессировки, достигаемой чисто практическимъ упражненіемъ: наборщикъ въ типографіи выучивается же наконецъ съ легкостію и точностію набирать шрифтъ, ему вовсе незнакомый и непонятный.

Студентъ добраго стараго времени, съ ревностію посвятившій себя изученію богословія, старался не только *изучить* предметы вѣры, но *приложить* ихъ къ своей *жизни*; поэтому онъ неутолкочивался до тѣхъ поръ, пока преподаваемыхъ ему истинъ не претворялъ въ свою плоть и кровь и пока онъ не становился частію сего существа. Лучшие люди того времени, которые старались усвоить христіанство не только головою, но и сердцемъ, — ставили себѣ задачею достигнуть того, чтобы въ нихъ вселился Христосъ. Такимъ образомъ и наука вела у нихъ *къ внутреннему единенію* со Христомъ.

Школа Зайлера оказала великія заслуги для этого направленія; а незабвенный, къ сожалѣнію очень рано

скончавшійся, Кардиналъ-князь-Епископъ Браславскій Баронъ Мельхіоръ-фонъ-Дипенброкъ, ученикъ Епископа Зайлера, былъ достойнымъ представителемъ этой школы. Онъ издалъ біографію и сочиненія Сюзо; его пастырскія посланія проникнуты были тѣмъ же духомъ христіанскаго благочестія, которымъ дышетъ и вся его жизнь.

Далеко не таковъ духъ іезуитства. Нужно было ожидать сильнаго столкновенія между этими двумя противоположными направленіями и стремленіями въ католической церкви, и они дѣйствительно встрѣтились, хотя и безъ шума. Глубокое внутреннее чувство истинныхъ католиковъ не позволило имъ увлечься шумихою полемики: они спокойно ожидали побѣды, уповая на силу истины и на правоту своего дѣла; они имѣли полное право обратиться къ іезуитамъ и ихъ дѣлу съ словами Гамалиіла: *если сіе предпріятіе и сіе дѣло отъ человековъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его.* (Дѣян. 5, 38, 39).

Правда, іезуиты съ своей стороны находили также болѣе выгоднымъ идти спокойно впередъ на избранномъ пути, не вызывая борьбы партій; но все же люди двухъ различныхъ направленій, предводимые двумя знаменитыми вождями, дѣйствовали на одномъ поприщѣ и дѣйствовали съ признаніемъ противоположности своихъ стремленій. Люди внутренняго (*) направленія слѣдовали за бл. Августиномъ, виѣшняго (**) за Томасомъ Акв. Послѣдній шелъ по стопамъ матеріалиста Аристотеля, между тѣмъ, какъ бл. Августинъ имѣлъ много родственнаго съ идеалистомъ Платономъ (***). Гюнтеръ былъ послѣдова-

(*) т. е. истинно-христіанскаго, духовнаго. Пер.

(**) т. е. іезуитскаго. Пер.

(***) Знаменательно то, что греческое богословіе никогда вполне не отвергало того, что оно въ прежнее время заимствовало изъ Платоновой философіи: нѣкоторыя формы мышленія и выраженія, говорило такъ сказать въ духѣ философскихъ идей Платона, на сколько позволяли это утвержденныя церковію дог-

телемъ Августина, точно также, какъ Паскаль и Арио. Явленіе не новое; еще въ средніе вѣка изъ ученія Платона и Аристотеля возникли два различныя направленія въ философіи—мистическое и схоластическое. Но возбуждающею силою въ западной церкви оставалось ученіе Августина. Если съ одной стороны Августинъ имѣлъ вліяніе на научное богословское образованіе Гюнтера, то съ другой стороны духъ того же Августина привлекалъ къ себѣ всѣхъ въ бесѣдахъ Эммануила Вейта и распространялъ ясное пониманіе глубокаго смысла Св. Писанія. Когда іезуиты успѣли стать твердою ногою въ Германіи, они осмѣлились вступить въ борьбу съ враждебнымъ направленіемъ. Трудъ ихъ значительно облегчился уже существованіемъ средней партіи. Дѣло въ томъ, что Климентъ Августъ, находившійся съ одной стороны въ связи съ указаннымъ благочестивымъ кружкомъ (*familia sacra*), съ другой стороны симпатизировалъ, по личнымъ наклонностямъ и по духу времени, властолюбивымъ стремленіямъ Рима и первый началъ дѣйствовать репрессивными мѣрами. Но тотъ же епископъ былъ весьма ревностнымъ дѣятелемъ для распространенія христіанскихъ понятій и правилъ въ обществѣ: онъ устроилъ общину сестеръ милосердія на широкихъ, истинно-евангелъскихъ основаніяхъ и издалъ руководство къ совершенію домашней молитвы, въ которомъ онъ сообщалъ набожнымъ христіанамъ свою опытность въ дѣлѣ молитвы. Трудно себѣ представить примиреніе въ одномъ человѣкѣ такихъ противоположностей, и это направленіе его могло возникнуть тоже въ слѣдствіе внутренней непослѣдовательности, и по этому не замедлило привести его къ іезуитству. Климентъ

маты и съ этой стороны находилось въ нѣкоторомъ родствѣ съ философіей Платона. П. Г. Курцъ; „Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte I § 360.“ Гюнтеръ скорѣе былъ бы понятъ въ Православной Церкви, чѣмъ въ римской. Вообще его сочиненія отличаются такими свойствами (свобода и теплота вѣры), которыя можетъ оцѣнивать только Православная Церковь.

Августъ былъ римскій католикъ, но не іезуитъ: чтобы быть полнымъ іезуитомъ, для этого онъ былъ слишкомъ независимъ и самостоятеленъ; онъ былъ полуіезуитомъ, самъ не желая и не замѣчая этого. Папа Григорій XVI хотѣлъ привязать его къ Риму кардинальской шапкой; но Климентъ Августъ слишкомъ цѣнилъ свою свободу, чтобы пожертвовать ею для кардинальства. Геніальный Іосифъ-фонъ-Гересъ въ послѣднее время былъ такимъ же поборникомъ римскаго дѣла. Онъ защищалъ Климента Августа въ своемъ сочиненіи «Athanasius,» имѣлъ въ тоже время много общаго съ Дипенброкомъ и преданъ былъ всею душою мистицизму. Его постигла участь Климента Brentano, Захарія Вернера и другихъ геніальныхъ людей преимущественно изъ римской школы: жизнь ихъ была наполнена бурными волненіями, они служили идеаламъ, воодушевляясь великими идеями и твореніями, хотя идеалы ихъ были не состоятельны.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ, все таки остаются два враждебныя направленія. Внутреннее направленіе приняло на себя трудную задачу обновленія внутренняго человѣка и шло противъ стремленій естественнаго человѣка. Естественно, — оно не могло устоять передъ виѣшнимъ (независимо отъ изложенныхъ выше продѣлокъ іезуитовъ, обезпечивавшихъ имъ побѣду) направленіемъ.

При томъ внутреннее направленіе опиралось на живое усвоеніе христіанства, а сила виѣшняго направленія заключалась въ искусно-составленной фалангѣ (орденѣ) іезуитовъ.

Столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ направленій въ католической церкви производитъ броженіе умовъ въ настоящее время. Это броженіе умовъ не есть проявленіе разнородныхъ, но равноправныхъ и равно развивающихся силъ, которыя встрѣчаются или сталкиваются по временамъ одна съ другою; это былъ бы здоровый жизненный процессъ, въ которомъ переработ-

ка питательныхъ веществъ производитъ броженіе, но броженіе здоровое. Нѣтъ, это борьба двухъ враждебныхъ сторонъ, которая можетъ кончиться только совершеннымъ пораженіемъ одной изъ нихъ. Не смотря на то, что обѣ партіи считаютъ себя католическими, одна изъ нихъ должна будетъ уступить и очистить мѣсто для другой. Оба направленія признаютъ въ папѣ преемника Св. Петра и намѣстника Христова на землѣ; оба принимаютъ символъ вѣры, утвержденный Тридентскимъ соборомъ, но во всемъ остальномъ они должны разойтись. Внутреннее направленіе расположено къ папству, но не хочетъ іезуитства. Внѣшнее направленіе признаетъ папство а вмѣстѣ съ нимъ и іезуитство; значитъ оба направленія, признавая папство, *каждое понимаетъ его по своему* (*); слѣдовательно одно изъ этихъ направленій

(*) Пихлеръ, напр., представляетъ папство оплотомъ свободы, а Римъ относительно востока, передовымъ бойцомъ за церковную свободу и независимость; гл. I стр. 32. Съ этою идеей онъ приступаетъ къ своему сочиненію и старается ее доказать фактами; но при этомъ онъ долженъ допустить столько исключеній, что при нихъ уничтожается самое правило. Римъ стремится къ свободѣ; но не для церкви, а исключительно для самого себя. Если греческіе епископы были въ зависимости отъ греческихъ императоровъ, то латинскіе епископы еще въ большей мѣрѣ зависѣли отъ папы, и эту зависимость думали утвердить на такъ называемыхъ божественныхъ правахъ папы. Произволъ греческаго императора зависѣлъ отъ его личности и оканчивался съ его смертію; папство, напротивъ, систематически нападало на епископовъ, отнимало у нихъ одно право за другимъ, оттягивало изъ подъ ихъ управленія одну корпорацію за другою, безжалостно похитило у благаго духовенства его неотъемлемое человеческое право; во все вмѣшивалось, стягивало все въ свои руки и поглощало. Въ римскомъ каноническомъ правѣ, — вотъ гдѣ вся исторія и характеристика папства. Огромная груда декретовъ неминуемо должна задушить всякое свободное движеніе. Папство и свобода церкви — противоположныя понятія. Папство хочетъ властвовать и по этому должно поработить церковь. Высшую ступень папскаго властолюбія составляетъ притязаніе папъ на непогрѣнимость въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ. Притязаніе это не ново; оно явилось тысячю лѣтъ тому назадъ и подвигалось въ своемъ развитіи тихими, но вѣрными шагами. После того, какъ Римъ высказалъ это притязаніе, онъ никогда отъ него не отказывался и продолжалъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи. Внутреннее направленіе въ католическомъ мірѣ всегда было противъ непогрѣнимости. Приведемъ выдержку изъ Пихлера, стр. 257 : „Греки были вынуждены къ окончательному отверженію главенства папы, постепенно возраставшими притязаніями папъ, ихъ легатовъ и богослововъ. Вселенская Церковь не могла мириться съ притязаніями папы на то, чтобы его признавали источникомъ

ошибается въ пониманіи папства. Если іезуитскій взглядъ вѣренъ на идею и сущность папства, то понятно, что взглядъ другой стороны ошибоченъ, и на оборотъ.

Замѣчательно, что папство всегда стояло за іезуитовъ. Мы знаемъ только *одного* папу (Климента XIV), который шелъ противъ нихъ. Впрочемъ къ такому образу дѣйствія этого папу принудила европейская политика. Иначе и онъ поостерегся бы разорить гнѣздо осъ, отъ которыхъ послѣ ему такъ плохо пришлось. Климентъ былъ честный человѣкъ; но далеко не герой,

всякой духовной и свѣтской юрисдикціи и непогрѣшимости“; стр. 547: „Эта теорія папской непогрѣшимости составляетъ до послѣдняго времени самое большое препятствіе къ соединенію церквей. Точно также другія двѣ теоріи, касающіяся объема папской власти, какъ то: одна теорія, что „оба меча принадлежать папѣ,“ и другая, что „все виды правительственной власти папы основаны на Божественномъ правѣ“—сдѣлали бы явились, если бы не было раздѣленія церквей и онѣ впервые образовались тогда, когда границы вселенской церкви совпали съ границами римскаго патріархата. Богословы, все еще защищающіе эти теоріи и даже придающіе имъ догматическій характеръ, должны хорошенько подумать о томъ, не навлекаютъ ли они этимъ на свою церковь упрека въ томъ, что она столько же отступила отъ своего преданія, сколько и греческая церковь, отвергнувши главенство. (И за тѣмъ примѣчаніе на эти слова): Православные точно также, какъ и протестанты, обращаются часто къ Перрону для ознакомленія съ католическимъ ученіемъ. Перронъ (27-е изд. Praelectiones theologiae. Ratisb. 1856 I. 198 p.) называетъ опроверженіе папской непогрѣшимости дѣломъ въ высшей степени безразсуднымъ и увѣряетъ, что богословы, допускающій это, тяжело грѣшится противъ вѣры, хотя бы онъ и не былъ за это отлученъ отъ церкви публично (in foro externo); предполагается, что въ совѣсти (in foro interno), онъ уже отлученъ отъ нея, какъ явный еретикъ. Онъ даже присовокупляетъ: „Все католики раздѣляютъ это мнѣніе, кромѣ того это ученіе имѣетъ то внутреннее ручательство своей истинности, что такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего несообразнаго, то все должно внутренно согласиться съ нимъ...“ „Я удерживаюсь отъ всехъ, невольна возникающихъ изъ этого размышленій.“ Мы съ своей стороны находимъ весьма ленивымъ: 1) что іезуитъ Перронъ хорошо знаетъ римскую церковь; 2) что прямое нападеніе на папскую непогрѣшимость было бы встрѣчено со стороны Рима безжалостною цензурою; 3) что Богомъ установленное главенство должно стремиться къ достиженію своихъ цѣлей; 4) что законное первенство римской церкви не отвергалось греческою церковію; она только отвергала естественное измѣненіе этого первенства, т. е., признаніе его установленнымъ отъ Бога; 5) что Пихлеръ на столько знакомъ съ духомъ Рима, чтобы понимать, что его открытое, благородное, мужественное слово, только навлечетъ на него подозрѣнія Рима. Мы слышали, впрочемъ, совершенно такія же замѣчанія римскихъ богослововъ о „непорочномъ зачатіи,“ пока оно еще не было объявлено догматомъ.

какимъ его рисуесть Тейнеръ, онъ не былъ и тѣмъ Григорія VII; иначе онъ управился бы съ іезуитами и не пересталъ бы преслѣдовать ихъ до тѣхъ поръ, пока съ послѣднимъ іезуитомъ не исчезъ бы и самый іезуитскій духъ. Онъ сдѣлалъ бы невозможнымъ существованіе іезуитовъ, *какъ въ орденъ*, такъ и *вне его* и возбудилъ бы въ современномъ ему обществѣ *сильное противоіезуитское направленіе*, которое послѣ его смерти упрочило бы его дѣло и образовало бы ему такихъ преемниковъ, которые шли бы по стопамъ его. Но это было невозможно; такъ какъ папство и іезуитство одно и то же; и іезуиты совершенно правы, говоря, что Климентъ, съ папской точки зрѣнія, былъ зловредный раскольникъ и еретикъ. Климентъ—это скоро пропадающій цвѣтокъ, выросшій подъ вліяніемъ политическихъ условій своего времени, это древняя сказка, которая не принадлежитъ исторіи и только прерываетъ нить ея; это своего рода комета, нарушающая гармонію звѣзднаго неба и предвѣщающая войну противъ іезуитства, а слѣдовательно противъ папства; потому что папство есть іезуитство. Можно пожалуй сказать, что папы (сами ясно не сознавая этого) сомнѣвались въ истинѣ своего божественнаго полномочія и потому нашли нужнымъ опираться, подобно позднѣйшимъ римскимъ императорамъ, на сильныя когорты преторіанцевъ. Правда, папы отвергали иногда мѣнія и сочиненія нѣкоторыхъ іезуитовъ, но иногда они этого не дѣлали относительно мѣній и дѣйствій всего ордена. Главной пружиной дѣйствій ордена служить властолюбіе; а тонко разсчитанная послѣдовательность, настойчивость приводятъ его къ предположенной цѣли. Бросимъ взглядъ на папство со времени Григорія VII до Иннокентія III и мы увидимъ, что папы руководятся одними и тѣми же началами и избираютъ одинъ и тотъ же путь для достиженія своей цѣли. Почему же мы избираемъ именно этотъ періодъ? 1) Потому, что тогда еще не было ордена іезуитовъ, а слѣдовательно не мог-

ло быть и вліянiя его на папство и 2) потому, что это былъ цвѣтущій періодъ папства, когда сущность его должна была обнаружиться всего яснѣе. II въ этомъ періодѣ мы видимъ между папствомъ и іезуитствомъ не только сходство, но и совершенное тожество. Если, постоянно имѣя въ виду эту мысль, мы прѣслѣдимъ всю исторію папства, то оно представится намъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ тогда, когда бы мы на него смотрѣли съ римской точки зрѣнiя; намъ уяснится многое, что прежде казалось необъяснимымъ, и мы будемъ въ состоянiи слѣдить за тѣми сокровенными нитями, которыя приводили къ величайшимъ катастрофамъ. Почва производитъ только тѣ растенiя, для питанiя которыхъ она имѣетъ потребныя соки; потому плодъ всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто сродное съ почвою. Іезуитство роскошно разрослось на почвѣ папства и этимъ показало свое сродство съ нимъ.

Внутреннее направленіе въ католической церкви всегда было не расположено къ іезуитству, а слѣдовательно должно бы быть не расположеннымъ и къ папству, если бы оно могло уразумѣть, что папство и іезуитство одно и то же. Но этого оно еще не уразумѣло, хотя и замѣчаетъ уже съ удивленіемъ внутреннiя отношенiя между папствомъ и іезуитствомъ, потому что эти отношенiя въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, даютъ возможность понять кровное родство, существующее между этими двумя учрежденiями.

Люди внутренняго направленiя боятся потерять свое папство, потому что они не могутъ принять папства іезуитскаго; если же они убѣдятся, что папства въ томъ смыслѣ, какъ они его себѣ представляли, вовсе нѣтъ, т. е. что они дѣлѣли и поддерживали *такую идею, которой ни что не соответствовало въ дѣйствительности*; то вмѣстѣ съ потерей *своего* папства, они потеряютъ и церковь (которая по убѣжденiю ихъ не можетъ быть иною,

какъ только папскою) (*), послѣ всего этого пропадутъ непогрѣшимость и догматы церкви!... Но съ подобною мыслию у католика соединяется мысль о гибели христіанства.

Католики боятся той минуты, когда явится подобное убѣжденіе; они видятъ ся приближеніе, но все таки не хотятъ и не могутъ этому вѣрить. Они похожи на утопающихъ, борющихся съ волнами. Эта борьба и производитъ глухое броженіе умовъ въ наше время! Когда Богъ и сила управляемыхъ Имъ событій отторгнутъ отъ папства часть благочестивыхъ и алчущихъ правды католиковъ, тогда они узнаютъ, что такое свободная истина и впервые увидятъ, какъ сильно давили эту истину человѣческія оковы, наложенныя на умъ и сердце!

(*) Иезуитъ Робертъ Белларминъ въ своемъ катихизисѣ опредѣляетъ церковь слѣдующимъ образомъ: „церковь есть собраніе или союзъ крещенныхъ людей, исповѣдующихъ вѣру и законъ Христа, и подчиненныхъ римскому папѣ. Церковь называется „собраніемъ“, потому что мы не рождаемся христіанами, какъ мы рождаемся французами, итальянцами и т. д.; но мы призываемся Господомъ и входимъ въ это собраніе чрезъ крещеніе, какъ черезъ дверь церкви. Но для того, чтобы принадлежать къ церкви, еще недостаточно одного крещенія: нужно также вѣровать и исповѣдывать вѣру и законъ Христа, какъ тому научаютъ пастыри и проповѣдники церкви; но и этого не достаточно: нужно повиноваться римскому папѣ, какъ намѣстнику Христа, т. е., признавать и считать его высшимъ своимъ начальникомъ, заступающимъ мѣсто Христа.“ Сравнимъ съ этимъ опредѣленіемъ опредѣленіе Мѣлера (Символика 5-е изд. 1838 г. стр. 336): „Подъ именемъ церкви на землѣ, католики разумѣютъ основанное Христомъ видимое общество всѣхъ вѣрующихъ, въ которомъ дѣло Его, совершенное Имъ во время земной жизни для искупленія и освященія человѣческаго рода, продолжается подъ руководствомъ Св. Духа до скончанія міра, чрезъ установленное Имъ непрерывное апостольство (епископство), которымъ всѣ народы съ теченіемъ времени будутъ приведены къ Богу.“

Это опредѣленіе вполне православно и согласно съ пространнымъ русскимъ катихизисомъ (Москва 1839 года): „Церковь есть отъ Бога установленное общество челоѣковъ, соединенныхъ Православіемъ вѣрою, закономъ Божіимъ, Священноначаліемъ и Таинствами.“

ГЛАВА II.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ЛАТИНСТВА ЧРЕЗЪ ПРОТЕСТАНТСТВО КЪ ПРАВОСЛАВНО - КАТОЛИЧЕСКОМУ УЧЕШЮ.

Первоначально авторъ не имѣлъ въ виду касаться въ этомъ разсужденіи протестантства; но обойти его онъ не могъ, имѣя въ виду то положеніе, какое оно занимаетъ въ христіанскомъ мірѣ, особенно по отношенію къ папству. Западъ знаетъ только двѣ главныя формы христіанства: латинство и протестантство. Когда болѣзнь до того охватила средневѣковый римскій колоссъ, что не было средствъ остановить болѣзнь или приурочить (*lokalisiren*) ее къ одной части этого больного организма, колоссъ этотъ рушился: явился церковный расколъ, раздѣлившій Европу на два непріятельскихъ лагеря, раздѣляющій ее и доселѣ ко вреду христіанства и его силы, возраждающей человѣчество. Въ появленіи реформаціи, раздѣлившей Европу на протестантскую и католическую, виновно папство. Сбылось то, что предсказывали соборы и мудрые благочестивые люди; потому что папство безостановочно стремилось къ своей цѣли. Ему мало было того, что оно пять вѣковъ назадъ насильственно разорвало весь христіанскій міръ на двѣ половины, и ту половину, которая досталась въ его владѣніе, разорвало еще на части; и все это дѣлало оно изъ за того, чтобы удержать за собою самовольно присвоенное *якобы*

божественное право и поддерживать намѣстничество Христа, — это издѣліе папскаго властолюбія въ теченіи вѣковъ котораго древняя церковь не знала.

Когда Лютеръ приблѣлъ свои тезисы къ дверямъ соборной церкви въ Виттенбергъ, — еще было время отворотить расколъ. Но развѣ папство могло сдѣлать какую-бы то ни было уступку простому монаху? ! Гроза отлученія, которая должна была уничтожить Лютера, зажгла Ватиканъ и унизила папскій престолъ! Преемникъ Св. Петра не довольствовался двумя ключами: онъ хотѣлъ владѣть также и двумя мечами; но свѣтскаго меча не удержалъ въ своихъ рукахъ, а духовный современемъ притупился. Лютеръ, отвергнутый папствомъ, съ своей стороны тоже отвергъ папство и возненавидѣлъ его такою жгучею ненавистью, что даже оставилъ историческую почву, на которой стояла римская церковь, отвергъ Церковное Священное Преданіе, далъ всякому Библію въ руки, какъ единственный, ясный и полный достаточный источникъ вѣры. Живая и управляемая Св. Духомъ Единая Каѳолическая Церковь превратилась у Лютера въ общину, т. е. въ собраніе, — вдохновенныхъ Св. Духомъ, — читателей Св. Писанія. Хотя Лютеръ и отчасти даже Кальвинъ высоко ставили Церковное Преданіе и древнихъ отцевъ; но оба они признавали за ними только историческое значеніе и чисто-человѣческій авторитетъ. Такимъ образомъ у протестантовъ человѣческій умъ, вооруженный Библіею, смотрѣлъ на приниженное папство съ тѣмъ же высокомернымъ презрѣніемъ, съ какимъ папство съ своей стороны смотрѣло на протестантство, которое, какъ хамелеонъ, принимало разные виды, благодаря тому, что позволялось всякому толковать Библію по своему. Но вѣдь само же папство виновато было въ томъ, что у протестантовъ явился этотъ главный и основной догматъ. Презрѣніе, которое Римъ навлекъ на себя до и послѣ реформаціи, и привело именно къ тому, что на все, выходившее изъ

Рима, или имѣвшее съ нимъ какую либо связь, смотрѣли недовѣрчиво и просто съ отвращеніемъ. Отказались отъ «Церкви», а удержали у себя только «Книгу» и тѣмъ погубили дѣло; потому что съ закрытіемъ «Церкви», закрылась и «Книга» и запечаталась семью печатями, которыхъ ни одинъ *человѣкъ* не въ состояніи вскрыть. Три вѣка уже читаютъ эту книгу, но при этомъ бываетъ тоже, что и во время Вавилонскаго столпотворенія: Господь сошелъ и смѣсилъ языки, такъ что другъ друга не могутъ понять. Съ тѣхъ поръ, какъ Св. Духъ сошелъ на Апостоловъ въ Сіонской горницѣ въ Іерусалимѣ *при основаніи Церкви* и соединилъ раздѣленные языки, Онъ пребываетъ въ своей Церкви и сохраняетъ Ее Единою и Святою до скончанія вѣковъ. Долго ли еще придется протестантамъ идти отъ своего Вавилона къ Іерусалиму?! Въ триста лѣтъ утомительнаго странствованія по печальнымъ пустынямъ личныхъ мнѣній — все же чему либо научились. Безотчетное стремленіе къ осѣдлой жизни и домашнему согласію съ каждымъ днемъ сознается яснѣе и яснѣе: строятъ — и разрушаютъ, снова строятъ, но не съ бѣльшимъ успѣхомъ, потому что *еще не Господь созиждетъ домъ, вскую трудятся зиждущіи*. А Господь создалъ свой домъ болѣе 1800 лѣтъ тому назадъ и другого дома онъ уже не создастъ. Этотъ домъ есть *Единая, Святая, Киолическая и Апостольская Церковь*, какою и пребыла, чуждая римскихъ нововведеній и заблужденій, Православная Восточная Церковь.

Остановимся на минуту и рассмотримъ борьбу, происходящую въ римскомъ католикѣ, когда онъ стоитъ на перепутьи между латинствомъ и протестантствомъ. Западъ, какъ мы выше замѣтили, знаетъ двѣ главныя формы христіанства: латинство и протестантство. Ибо и притязанія папства мало понятны и ощутительны для мірянъ, несплныхъ въ богословіи. Иное дѣло духовенство: знаніе великолѣпно развившагося у латинянъ церковнаго права давало ему возможность замѣчать, какъ

равномѣрно съ возрастаніемъ папской власти уменьшалась власть епископовъ и какъ оскорблены были въ самомъ общемъ и неотъемлемомъ человѣческомъ правѣ священники. Во всемъ этомъ проглядываетъ властолюбивое стремленіе — сосредоточить всю сумму власти въ рукахъ папы. Національныя церкви не подходятъ подъ эту папскую систему; отсюда — борьба папства съ Галликанской церковію. Особыя богослужебныя книги той или другой помѣстной церкви (служебники, миссалы, бревіаріи, требники), не смотря на то, что они допущены, съ извѣстными ограниченіями, Тридентскимъ соборомъ, также не въ духѣ этой системы, и поэтому ихъ устраняютъ (*). Даже уніатовъ (**) стараются мало по малу, въ видимыхъ бездѣлицахъ, латинить, на сколько позволяетъ ихъ упорство, не правящееся Риму (***). Но для папы и іезуитовъ бездѣлицъ не существуетъ: былобы только время и терпѣніе, можно изъ песчинокъ образовать гору. Такія ухищренія человѣческія, прямо противорѣчащія божественному духу христіанства, ясно видны во всей дѣятельности Рима; не могутъ скрыть ихъ никакіе софизмы схоластиковъ и канонистовъ.

Такъ какъ медленно, но постоянно возраставшія притязанія папства были вносимы въ сводъ церковныхъ каноновъ, особенно же современныя появленія лже-исидоровскихъ

(*) После Ліонской литургіи (Lugdunensis) очередь дойдетъ и до литургіи Св. Амвросія.

(**) Разительныя попытки папъ латинить уніатовъ можно видѣть во всей исторіи Западно-русской Уніи и въ современныхъ событіяхъ, совершающихся въ Галиціи, гдѣ латино-польская, рабски-преданная папству, партія (Калинскій) всѣми силами старается уничтожить въ уніатской церкви всѣ греко-восточныя обряды. Цер.

(***) Папство только слегка коснулось греческаго духовенства въ Сициліи. Когда папа Григорій XVI захотѣлъ серьезно напасть на греческіе обряды и навязать грекамъ латинскую литургію на греческомъ языкѣ, какъ это было сдѣлано въ монастырѣ Св. Нила въ Гроттаферратѣ (близъ Рима), то Греки стали помышлять о воссоединеніи съ Константинополемъ. Мы собрали эти свѣденія на мѣстѣ отъ греческихъ священниковъ.

декреталій, а исторія церковнаго права тѣсно связана съ исторіею папства, то приходится обратиться къ самой запутанной и печальной части церковной исторіи (*). Говоря это, я не имѣю въ виду такихъ періодовъ, какіе римская церковь пережила во времена Марозій, когда въ Римѣ совершались дьявольски-темныя дѣла (Teufelswirtschaft); между тѣмъ какъ въ Константинополѣ кормило церкви находилось въ рукахъ мужей истинно-святой жизни (ср. Гефеле въ его «Beitragen»). Напротивъ, мы обращаемся къ золотому вѣку папства — отъ Григорія VII до Иннокентія III, — въ который выработалась система интриги, доставившая папамъ могущество власти. Низкая интрига или династическіе расчеты у нихъ часто прикрывались тѣмъ медоточивымъ фразерствомъ, которое стало обычнымъ языкомъ римской курии. — Мы знаемъ правда, что въ церкви есть взаимодѣйствіе двухъ началъ — божественнаго и человѣческаго — и что послѣднее въ многихъ случаяхъ можетъ проявляться безъ вреда для Церкви; управляющій Церковію Духъ Святой самъ соединитъ съ тѣломъ Церкви все то, что есть въ человѣческихъ стремленіяхъ сроднаго съ божественнымъ началомъ и отторгнетъ все несродное ему. Папство же въ своемъ послѣднемъ развитіи до такой степени пропитано человѣческимъ началомъ, такъ всецѣло занято постепеннымъ упроченіемъ своей власти, что можно былобы исторію папства озаглавить словами: *Oratio et actio pro Domo*

(*) Достойно замѣчанія, что іезуиты, при обученіи своихъ воспитанниковъ, пренебрегаютъ церковнымъ правомъ и церковною исторіею. Іезуитъ Карлъ (Клейтгенъ) говоритъ въ своемъ сочиненіи „Ueber die alten und neuen Schulen“ 1846 на стр. 75. „Полное знаніе всѣхъ каноновъ и всего судопроизводства церкви не для всѣхъ, кажется, одинаково необходимо“. „Что Церковная исторія не была особымъ учебнымъ предметомъ, это еще не ставитъ іезуитскія школы ниже прежнихъ школъ; но не лѣзя также заключать, будто исторіею совершенно пренебрегали. Всѣ историческіе факты, способствующіе уясненію извѣстныхъ научныхъ понятій, были разрабатываемы перѣдко въ обширныхъ трактатахъ, а изученіе церковныхъ событій въ ихъ научной связи предоставляли усердію учащагося“.

(слово и дѣло остроеніи домашняго хозяйства). Servus servorum Dei (рабъ рабовъ Божіихъ) прежде всего заботится о расширеніи своей власти; поэтому во всей исторіи папства мы замѣчаемъ самую видную, неизгладимую, характеристическую черту, именно—тонкую дипломатическую политику, начавшуюся съ тѣхъ поръ, какъ епископъ или папа римскій оставилъ свое апостольское мѣсто и сталъ претендовать на блестящія права намѣстника Христова на землѣ. Впрочемъ папство дорожило не столько мнимымъ намѣстничествомъ Христа, сколько протекающими изъ него правами и привилегіями. Епископы должны были отказаться отъ своихъ правъ для того, чтобы богато надѣлать ими полу-духовное и полу-свѣтское царство папы. Бѣлое духовенство должно было сбросить съ себя семейныя узы, чтобы по мановенію вождя ринуться въ бой. Кромѣ того—человѣкъ единокій можетъ довольствоваться малымъ; поэтому безбрачіе духовенства позволило папамъ значительно увеличить клиръ, а съ нимъ—и боевую свою силу. Скудные средства къ жизни дѣлаютъ также человѣка болѣе податливымъ и зависимымъ. Далѣе—чѣмъ многочисленнѣе клиръ, тѣмъ больше путей къ распространенію въ народѣ папскихъ мнѣній. А посредствомъ превосходной внѣшней организаціи всего духовенства, отъ верхнихъ его слоевъ до низшихъ и—туго натянутыхъ возжей, папа поддерживаетъ порядокъ въ этой образцовой духовной арміи.

Было-бы жестокою ошибкою, если бы стали смотрѣть на введеніе обязательнаго для всего клира безбрачія, какъ на нравственную мѣру. Іисусъ Христосъ, Апостолъ Павелъ и древняя Церковь признавали добровольное безбрачіе, царствія ради небеснаго, великою заслугою предъ Господомъ; но на подвиги такого равноангельскаго житія, по самому существу дѣла, способны весьма не многіе: *кто можетъ вѣстити, да вѣститъ* (Мат. 19, 12). Едва ли кто усомнится въ томъ, что тысячи ежегодно посвящаемыхъ священниковъ, большею

частію, не имѣютъ призванія къ безбрачію. Призваніе это есть даръ Божій и нисколько не зависитъ отъ папскаго произвола. Говорятъ: «если у тебя этого дара нѣтъ, то молись и Богъ тебѣ его дастъ» (*) и указываютъ на примѣръ Августина. Но гдѣ же доказательство въ пользу этого безосновательнаго мнѣнія? Послѣ этого я имѣлъ-бы право сказать человѣку, желающему поднять тяжесть, превышающую его силы: «молись и ты ее поднимешь». Если бы вступать въ бракъ было грѣшно (**), то совѣтъ: «молись и Богъ тебѣ поможетъ превозмочь склонность твою» былъ бы совершенно справедливъ; но дѣло въ томъ, что Господь, давъ человѣку духовно-тѣлесную природу, самъ расположилъ его къ браку; и это—законъ, на которомъ основано существованіе рода человѣческаго. Тотъ же Богъ даруетъ небольшому числу избранныхъ даръ дѣлать себя скопцами царствія ради небеснаго, т. е. избирать для высшихъ религіозныхъ цѣлей безбрачіе; но это — исключеніе. Послѣдніе презрѣли-бы *даръ* Божій, еслибы, вопреки ему, они отвергли безбрачіе; точно также какъ и первые истощили бы свои силы, извратили бы свое назначеніе, если бы они, безъ призванія Божественнаго, избрали такой родъ жизни, который не назначенъ имъ премудрымъ Промысломъ Божиимъ. Хорошо говорить: «такъ какъ священникъ не имѣетъ права жениться, то благій Богъ не откажетъ ему въ силѣ сохранить себя безгрѣшнымъ». Но не значитъ ли это заставить самого Бога подчиниться

(*) Такъ говорятъ Арнольди въ своемъ комментарий на Евангеліе отъ Маттея.. Больше близкое знакомство съ Августиномъ доказываетъ впрочемъ, что онъ не одобрялъ вынужденнаго безбрачія.

(**) Дѣйствительно иные смотрятъ на бракъ почти какъ на печальную необходимость, или-неизбѣжное зло. *De Mariage et du Célibat au double point de vue laïque et sacerdotal par une Chrétienne* Paris 1863 p. 15. „Для христіанина бракъ не цѣль, а средство: въ сущности это есть средство къ простѣйшему выраженію зла. (Pour les chrétiens le mariage est moins un but, qu'un moyen c'est, en un sens, la réduction du mal à sa plus simple expression).

папѣ, которому угодно было издать законъ о безбрачїи??— «Если, кандидатъ священства не чувствуетъ въ себѣ призванія къ безбрачїю, въ такомъ случаѣ онъ не долженъ принимать званіе священника». Да кто уполномочилъ папу произвольно исключать изъ этого званія людей, имѣющихъ рѣшительное къ нему призваніе, но склонныхъ въ тоже время и къ браку? Слѣдующее мнѣніе Д. Голловца (*Anleitung zur Pastoraltheologie*. 4 Auf. 1836. т. 1 стр. 33: «Кто призванъ Богомъ къ званію священника, тотъ молучилъ отъ Его и даръ воздержанія» не имѣетъ ни какого основанія. Къ такимъ самовѣреннымъ положеніямъ обыкновенно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ произвольно рѣшить важнѣйшіе вопросы и представить дѣло такъ, какъ будто эти положенія суть признанныя всеми аксіомы. Это — значитъ морочить такихъ богослововъ, которые способны безсознательно повторять за учителемъ его слова (*verba magistri*). Можно былобы еще замѣтить: «Допустимъ, что папа сдѣлалъ бы лучше, еслибы не издавалъ закона о безбрачїи; тѣмъ не менѣе тотъ, кто напередъ зналъ свою судьбу и разъ торжественно связалъ себя обѣтомъ, не долженъ отказываться отъ него. Уже нарушеніе однажды установленнаго порядка вещей и проистекающіе отъ этого молва и соблазнъ въ обществѣ должны были удерживать его отъ этого шага. Въ теорїи онъ можетъ не одобрять безбрачїя, но не смѣетъ переносить эту теорїю въ практику». Этотъ взглядъ весьма распространенъ: мы находимъ его у католиковъ, протестантовъ и даже у отъявленныхъ вольнодумцевъ. Нельзя конечно не признать силы совершившагося факта. Право или лучше безправіе сильного старается опереться на существующій законъ и клеймить возвращеніе къ доброму старому порядку названіемъ «неповиновенія законному начальству» и «революціи». Въ этомъ смыслѣ и Спаситель нашъ возставалъ противъ существующаго порядка, когда обличалъ современныхъ ему Евреевъ въ слишкомъ легкомъ расторже-

ніи брака: *съ начала не было такъ* (Мат. 19 г. 8 ст.). Въ религіозной области для заблужденій не существуетъ права давности. Съ той минуты, какъ священникъ убѣдился въ томъ, что связывающіе его узы не законны, эти узы перестаютъ существовать для него. Теперь рождается вопросъ, не лучше ли ему отказаться отъ своей свободы, «чтобы не смущать совѣсти слабыхъ»? Но если ближній мой находится въ заблужденіи и я молчу и этимъ утверждаю его въ заблужденіи; то я дѣлаюсь виновнымъ въ «чужомъ грѣхѣ» (какъ говорится въ катехизисѣ). Если же я стану опровергать это заблужденіе, а дѣйствовать стану не согласно съ моимъ убѣжденіемъ; то мои доказательства потеряютъ свою силу, и въ душу ближняго закрадется сомнѣніе въ полной твердости моихъ убѣжденій. «Но отчего же изучающій богословіе не поостерегся заблаговременно, когда еще было время, когда для него еще не закрыты были двери? Кто принуждалъ его избирать духовное званіе?» Я здѣсь не говорю о богословахъ изъ за хлѣба, изучающихъ науку какъ ремесло для того только, чтобъ обезпечить себя! Этимъ богословамъ слѣдовало-бы указать на дверь: дальше непросвѣщенные! (*procul este profani!*). Нѣтъ, я говорю о людяхъ, душою и сердцемъ преданныхъ духовному званію, — о людяхъ, которые избираютъ это званіе по призванію, по внушенію Святаго Духа. Но имѣть призваніе къ священству не значитъ еще имѣть призваніе и къ безбрачію. Молодые люди 18 или 19 лѣтъ поступаютъ въ университетъ, учатся и молятся и не думаютъ о женитьбѣ, потому что въ этомъ возрастѣ мужчина о ней еще не думаетъ и не долженъ думать. Время между тѣмъ проходитъ; на 21 или 22 году молодой человѣкъ дѣлается иподіакономъ (субдіаконъ) прежде, чѣмъ серьезно подумаетъ о бракѣ. Но представимъ даже себѣ такой случай, что, передъ посвященіемъ въ этотъ санъ, мысль о безбрачїи легла ему тяжелымъ камнемъ на сердце; и въ этомъ случаѣ что остается дѣлать этому бѣдняку? Его научныя

занятія кончены. Что же? Избирать ему новую карьеру, къ которой онъ не чувствуетъ ни охоты, ни призванія и отказаться отъ прежней, къ которой лежитъ его сердце? Родители грозятъ лишить его матеріальной поддержки, если онъ перемѣнитъ свою карьеру. Онъ испытываетъ борьбу; по тотъ *нравственный гнетъ*, который бываетъ мучительнѣе физическаго, пересиливаетъ его наконецъ, и онъ находитъ себѣ мнимое утѣшеніе въ отчаяніи: «Если другіе могли справиться съ своимъ положеніемъ, то отчего я не могу сдѣлать того же?!» Вотъ она пресловутая свобода богослова, вступающаго въ званіе священника! Съ завязанными глазами (т. е. не думая обракѣ, что совершенно естественно въ такомъ возрастѣ) приходитъ онъ къ порогу духовнаго званія и дѣлаетъ полусознательно или безсознательно смертельный скачекъ! (*salto mortale*). Не ужели это свобода? — «Но развѣ въ лучшемъ положеніи находятся тѣ міряне, которые имѣютъ и призваніе и расположеніе къ семейной жизни, но которымъ обстоятельства мѣшаютъ жениться, напр., бѣдные и др., которыхъ женитьба повлекла-бы въ полную нищету?» Кто виноватъ въ такомъ положеніи вещей? Богъ или государство. Если это зависитъ отъ Бога, то Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ тебя подчиняться этому порядку; но Богъ никогда не налагаетъ на человѣка обязанностей, не давъ ему благодатныхъ средствъ исполнять ихъ. Если же государство производитъ такое положеніе вещей; то оно можетъ въ этомъ случаѣ ошибаться. Государство есть юридическое, а не нравственное учрежденіе; оно старается выработать себѣ такое устройство, при которомъ общество пользовалось бы возможно-большими ручательствами для своего спокойствія и процвѣтанія. Въ Баваріи напр. вступать въ бракъ могъ только тотъ, кто имѣлъ извѣстный доходъ. Римъ клеймилъ этотъ законъ на званіемъ безнравственнаго (*) и въ Римѣ вѣнчали бѣд-

(*) Когда поступаетъ такимъ образомъ государство, то дѣло возможное, что оно руководится въ такомъ случаѣ земными интересами. Но гораздо хуже, что

ныхъ баварцевъ, приходившихъ сюда на поклоненіе. Баварія же осталась при своемъ законѣ, желая обезпечить общество отъ возрастающаго пролетаріата. Что же оставалось дѣлать бѣдному баварцу, который не имѣлъ средствъ переѣхать границу государства и обойти существующій законъ? Онъ былъ связанъ виѣшною силою, дурною или хорошею все равно; въ подобномъ положеніи можетъ помочь только Господь. Иное дѣло церковь: она есть *нравственная* сила и не можетъ допустить *ненравственнаго* закона; если же она допускаетъ такой законъ, то само собою разумѣется, что онъ будетъ *недѣйствительнымъ и необязательнымъ*. Тамъ, гдѣ церковь къ нравственной силѣ присоединяетъ еще виѣшнее принужденіе, какъ напр. бываетъ въ папскихъ владѣніяхъ, и гдѣ священникъ не можетъ оставить безбрачіе и не имѣетъ средствъ избавиться отъ виѣшняго гнета, тамъ мы видимъ тѣ же явленія, какія бываютъ въ государствахъ, дѣлающемъ безбрачіе обязательнымъ для нѣкоторыхъ лицъ.

Разсужденія эти такъ просты, что имъ можно противопоставить развѣ только одни софизмы. Положимъ, во время Григорія VII въ духовенствѣ господствовало нравственное одичаніе. Но какъ нужно было уничтожить это зло? А вотъ какъ: слѣдовало дикій потокъ ввести въ его ложе: жившимъ съ наложницами нужно было позволить законный бракъ. А между тѣмъ, вмѣсто этого, заклеили брачныхъ священниковъ пменемъ прелюбодѣевъ, выбросили на улицу жену и дѣтей, нѣжною оте-

римская церковь терпитъ подобную безнравственность. Баронъ Мюллеръ говоритъ (Beiträge zur Geschichte... von Mexico Leipzig. 1865), что въ епископствахъ Мексики, Пуэбла и Дуранго плата за вѣнчаніе, даже для бѣдныхъ людей, простирается отъ 14—18, въ Мехоаконѣ—даже отъ 17—22 пезовъ (1 пезо болѣе 1½ руб. с.). Неудивительно, что не законные браки распространились въ этихъ странахъ и мало по малу почти вытѣснили законные.

ческою рукою облекли ихъ въ рубище и направили не одну женщину къ тому дому, имя котораго не прилично произносить христіанину. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы провести извѣстныя *начала*, можетъ ли разжалобить папское сердце толпа несчастныхъ женщинъ и дѣтей, погибающихъ для этой, а можетъ быть даже и для будущей жизни! Вѣдь и тотъ господинъ, который рыбъ своихъ кормилъ рабами, былъ Римлянинъ! Но на вѣрно язычникъ былъ болѣе сострадательнъ, чѣмъ *свѣтлой отецъ, наместникъ Христовъ*, который расторгалъ брачныя союзы и запрещалъ устранять посредствомъ браковъ незаконное сожитіе, и все это дѣлалъ изъ за любимой идеи и политическихъ расчетовъ. О! кровью обрызгано папство! Мало того,—слезы отчаянія, разбитыя сердца, погибшія души въ великій день Суда будутъ положены на вѣсахъ правосудія, которое уничтожитъ папство! *Fiat justitia, pereat mundus* (пусть гибнетъ міръ, была бы правда) жестокое слово; но папское изрѣченіе еще жесточе: *fiat injustitia, pereat mundus* (пусть гибнетъ міръ, была бы только неправда). И что сдѣлалъ папа изъ этой толпы безбрачниковъ? Готовую къ бою, крѣпкую фалангу! Но какова внутренняя, нравственная сила этой фаланги? Всѣ, конечно, не могли быть celibатами по призванію. Такъ не сказать ли, что они предавались порокамъ за кулисами? Нѣтъ, мы этого не скажемъ. Мы имѣемъ лучшее мнѣніе о celibатахъ по нуждѣ, нежели братья Тейнеръ, и были бы рады вычеркнуть многіе грустные факты изъ ихъ многотомныхъ сочиненій. Мы думаемъ, что и celibаты по нуждѣ *могутъ* удержаться отъ нечистыхъ дѣлъ и мыслей; но ему навязано званіе, котораго Богъ не опредѣлилъ ему; его нравственная сила ослаблена и ясность душевная помрачена, а вмѣстѣ съ ними убито и крѣпкое, Богомъ данное мужество, которое одно достойно Бога и Его святой религіи. Но были бы только въ арміи хорошо дисциплинированныя солдаты; мало нужды въ томъ, душою ли они преданы дѣ-

лу, или, недовольные, скрежещутъ зубами. Генералъ побѣдилъ и стало быть армія выдержала пробу!

Обыкновенно боялся затрогивать вопросъ о значеніи обязательнаго безбрачія въ папской церкви оттого, что это дѣло заключаетъ въ себѣ нѣчто ненавистное; противники сами уклоняются отъ состязанія по этому вопросу и уходятъ, одинъ по одному, съ саркастическими замѣчаніями и фарисейскимъ самодовольствомъ своею призрачною святостію. Но дешевыми и грубыми шутками не рѣшаются подобные вопросы. Неавтъ продать право первородства за чечевичную похлебку; но то право первородства, которое называется *божественнымъ* призваніемъ къ безбрачію, выпадаетъ на долю быть можетъ одного изъ тысячи римскихъ celibатовъ; прочіе продаютъ папѣ свое божественное призваніе, повинуются людямъ болѣе, нежели Богу и печально влачатъ до гроба разбитую жизнь, или же легко смотрятъ на дѣло и за картами заливаютъ свое горе виномъ. Все это такія замѣчанія, которыя также часто дѣлались, какъ и опровергались. Кто не закрылъ глазъ, тотъ видитъ справедливость сказаннаго. А кто закрылъ очи, тотъ пусть себѣ идетъ спокойно своею дорогой; и у него будутъ свѣтлыя минуты, хотя онъ въ этомъ и не сознается.

Введеніе обязательнаго безбрачія есть одно изъ главныхъ дѣяній папства; оно обнаруживаетъ его отпаденіе отъ вселенскаго Православія и доказываетъ все ничтожество и неосновательность притязаній его на то, что оно установлено Богомъ. Оно болѣе, чѣмъ что либо другое, разоблачаетъ политически—уточенный расчетъ папѣ, не устыдившихся уничтожить то, что явно позволилъ самъ Богъ. Св. Духъ, управляющій *Церковью* и дающій ей жизнь, есть Духъ Христа: *отъ Моего пріиметъ и возвеститъ вамъ*. Все, что Христосъ позволилъ, того Духъ Святый во вѣки вѣковъ не запретитъ. Подобный запретъ могъ сдѣлать только *умъ человека, оставленный Богомъ*.

У папистовъ принято представлять безбрачіе дѣломъ мелочнымъ, объявлять во всеуслышаніе, что бракъ священника просто романическая шалость, — осмѣивать иѣжную привязанность и даже видѣть въ ней, по преимуществу, человѣческую слабость; для нихъ—любовь и чувственность одно и тоже. Выборъ подруги жизни зависитъ отъ ея красоты, а не отъ ея внутреннихъ достоинствъ. Паписты стараются подыскать также примѣры сластолюбивыхъ противниковъ безбрачія. Вотъ все, что они могутъ привести въ оправданіе своего закона; а обнаруживать дѣйствительное значеніе его они находятъ не совсѣмъ удобнымъ. *Обязательно безбрачіе духовенства есть жизненный нервъ папства, которое, по существу своему, не можетъ не стремиться къ господству; и чѣмъ неограниченнѣе его власть надъ духовенствомъ, тѣмъ скорѣе оно можетъ достигнуть своей цѣли.* А дѣйствительно ли безбрачіе мелочь, для этого стоитъ только посмотреть на папическій страхъ, овладѣвающій Римомъ всякій разъ, когда касаются вопроса о безбрачій. Но, можетъ быть, иѣжное чувство дѣвственнаго стыда такъ сильно возмущаетъ Римъ? Сомнительно: мы видимъ, какъ легко латинскому священнику, нашедшему съ женщиною, отдѣлаться за свое преступленіе только тѣмъ, что его перемѣстятъ въ другой приходъ! Гдѣ тутъ то нравственное негодованіе, которое чувствуетъ въ такихъ случаяхъ просто всякій христіанинъ? Не о томъ-ли, главнымъ образомъ, заботятся въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы скрыть скандалъ?—Ахъ нѣтъ! Не толкуйте мнѣ о иѣжномъ нравственномъ чувствѣ. Безбрачіе не имѣетъ съ этимъ чувствомъ ничего общаго; безбрачіе есть доморощенная политическая предосторожность папы. Папа только тогда почувствовалъ себя хорошо и въ полной безопасности, когда уничтожилъ бракъ духовенства. А какъ дорога была папству побѣда надъ бракомъ, это видно изъ того, что для достиженія ея не щадили ни времени, ни усилій. Но эта противояснѣйшая и противоевangelская принудительная мѣ-

ра, хотя и можетъ служить на время человѣческимъ расчетамъ, но, по своей несостоятельности и своему ничтожеству, должна послужить къ гибели для самого ея изобрѣтателя. *Cohors praetoria* (преторіанцы) низвергали императоровъ, — *Cohors coelebs* (когорта celibатовъ) низвергнетъ *Pontificem maximum* (великаго жреца).

Когда духовенство разсмотритъ обязательное безбрачіе въ его отношеніи къ папству и твердо станетъ на ту точку зрѣнія, которой держалось папство для того, чтобы разширить свою власть, тогда неизбежно папство лишится того ореола святости, которымъ догматика окружила его главу. Критическое изслѣдованіе преданія приводитъ насъ, сверхъ того, къ тому неожиданному заключенію, что (*) догматика ввела насъ въ заблужденіе и что папа не болѣе, какъ только *episcopus primus inter pares* (епископъ—первый между равными), и слѣдовательно, въ сущности, такой же епископъ, какъ и всѣ другіе.

Это убѣжденіе убійственно для католическаго духовенства; потому что оно привыкло смотрѣть на папу, какъ на основаніе и вѣнецъ церковнаго зданія и думаетъ, что съ паденіемъ папы падетъ и церковь (**). Хотя это духовенство, изучая церковную исторію, ознакомилось нѣсколько съ Восточною Церковію; но есть два обстоятельства, которыя отвлекаютъ отъ нея его взоры: 1) Глубоко вкоренившійся предразсудокъ, будто вся Восточная церковь оцѣпенѣла и окаменѣла въ расколѣ и 2) то, что эта

(*) Католическая.

(**) Kist. S. 33: „Для достиженія спасенія необходимо вѣрить, что все человечество подчинено римскому престолу“. Это собственныя слова Бонифація VIII, сказанныя французскому королю Филиппу Красивому. Они, впрочемъ, стоили этому папѣ тиары и жизни, а папству—павлекли Вавилонское плѣненіе и Великій расколъ Западной церкви (1378—1409).— П. Х. Кистъ въ 1827 г. въ Лейденѣ держалъ рѣчь о Греческой Церкви, какъ свидѣтельница Божественнаго промышленія о Церкви. Въ 1854 году эта рѣчь переведена на голландскій языкъ и издана съ предисловіемъ и обширными примѣчаніями автора... Въ этомъ переводѣ мы пользовались этой рѣчью Киста, на которую мы не рѣдко будемъ ссылаться.

Церковь, по мѣстоположенію своему, далека отъ Западнаго міра и занимаетъ его не болѣе, какъ церковно — историческій памятникъ древности. Таково уже вліяніе предмета близкаго, присущаго намъ, осязаемаго, что онъ одинъ намъ представляется существующимъ, — а предметы отдаленные и незнакомые, если и занимаютъ нашъ умъ, все же не могутъ привлечь къ себѣ нашего полного сочувствія.

Священникъ, оставляющій папскую церковь, уже чрезъ это самое, и безъ формальнаго перехода, дѣлается *протестантомъ*. Но церковь не оставляетъ его, и ея вѣра слѣдуетъ за нимъ. Онъ старается внести въ протестантство католическія вѣрованія; но забываетъ при этомъ, къ сожаленію, что вмѣстѣ съ церковію онъ потерялъ и вѣру. Онъ выноситъ съ собою изъ церкви святыя остатки догматовъ вѣры и блуждаетъ въ изгнаніи, не находя душевнаго спокойствія.

Barbarus hic ego sum quia non intelligor ulli. (Я здѣсь чужой, потому что меня никто не понимаетъ). Правда, что этому священнику иногда блеснетъ свѣтлый лучъ. Многія алчущія спасенія души, съ горячо вѣрующимъ сердцемъ, молятся у подножія креста Христова, отдаютъ Христу все свое сердце и жаждутъ свѣта и любви. Это — тѣ добрыя души, *иже не суть отъ двора Христова* и которыхъ Онъ призываетъ къ Себѣ. *Какъ* Онъ ихъ зоветъ, по *какому пути* Онъ ихъ ведетъ къ Себѣ, — это Его святая тайна; но то несложно, что онѣ приходятъ къ Христу посредствомъ католической истины, когда они воспринимаютъ и усвояютъ ее себѣ. Отрадно сердцу встрѣчать такихъ людей; но при этомъ грозитъ опасность принять мистицизмъ за истину. Въ мистицизмѣ таинственная сила молитвы устраняетъ всѣ догматическія разности. Здѣсь передъ важнѣйшимъ дѣломъ «сокровенной жизни со Христомъ въ Богѣ» все остальное должно отойти на второй планъ. Догматическіе споры должны уступить мѣсто христіанской жизни. Но какъ не-

замѣтно эти искреннія благочестивыя души теряютъ одну истину за другою! Само протестантство, на сколько оно еще способно стремиться стать на твердую почву, противудѣйствуетъ этой духовной жизни,—отвергаетъ собранія пѣтистовъ и проповѣдуетъ необходимость *Церкви*, какъ вѣшняго общества. Но можетъ ли эта церковь, или лучше, могутъ ли эти церкви (*) быть оплотомъ противъ этихъ духовныхъ собраній и бывающихъ на нихъ возбужденій, сопровождающихся судорогами? Протестанты смотрятъ на Церковь, не какъ на учрежденіе божественное, т. е. основанное самимъ Богомъ, а какъ, на дѣло—только *угодно Богу*. Съ церквами ихъ бываетъ тоже, что и вообще съ произведеніями рукъ человѣческихъ, совершенство которыхъ находится въ зависимости отъ способностей и вкуса строителей. По этому-то церковь у протестантовъ и оказывается *человѣчески погрѣшимымъ учрежденіемъ, приспособленнымъ къ извѣстной цѣли*; поэтому протестанты не считаютъ для себя обязательнымъ и необходимымъ принадлежать къ ней. Хотя они говорятъ, что «Церковь есть тѣло, которое устрояетъ для себя Духъ Божій въ обществѣ вѣрующихъ, и которое на столько можетъ назваться тѣломъ Христовымъ, на сколько Духъ Христовъ проникаетъ это общество»; но это понятіе о Церкви лишено положительнаго содержанія, потому что каждый, по своему внутреннему убѣжденію, можетъ судить о томъ, на сколько Церковь прониклась, и прониклась ли она вообще Святымъ Духомъ. За тѣмъ снова ссылаются на видимыя общины, которыя очевидно *не* составляютъ Церкви Христовой. Въ этомъ дѣлѣ ни философія, ни богословскія разсужденія намъ не помогутъ; а поможетъ только одна исторія. Церковь есть *фактъ*, а не проблема.

(*) Вѣрнѣе—протестантскія общины. П е р.

Библия и свободное изслѣдованіе (*) составляютъ сущность протестантства. Послѣ того, какъ пересталъ раздаваться голосъ непогрѣшимой Церкви, могли слышаться только голоса отдѣльныхъ личностей. Святый Духъ прежде обиталъ въ одной только Церкви: теперь же каждое частное лицо стало считать себя Его обителемъ. Это былъ опасный и скользкій путь, потому что, коль скоро каждое частное лицо стало признавать Св. Духа своимъ личнымъ достояніемъ, стало возможнымъ повѣрять дѣйствія этого Духа и даже уличать Его въ противорѣчіи самому себѣ и во лжи. И такимъ образомъ разрушался таинственный воздушный замокъ (созданная протестантами церковь). Кто владѣетъ истиною—ты, или сосѣдъ твой? Безъ сомнѣнія, тотъ признаетъ себя обладателемъ истины, у кого больше самооболенія и у кого болѣе высокое мнѣніе о самомъ себѣ! «Духъ свидѣтельствуется во мнѣ», въ ложномъ самооболеніи говоритъ непогрѣшимый толковникъ Библии, и при этомъ онъ покланяется самому себѣ. Впрочемъ протестанты, болѣе скромные и правдивые, соглашались съ тѣмъ, что имъ не дано свыше безошибочнаго разумѣнія смысла Св. Писанія,—а что они добываютъ его человѣческими усиліями и шагъ за шагомъ идутъ къ правильному его пониманію (или къ ошибочному) и—что они должны усердно молить Бога о помощи и нисколько не полагаться на непогрѣшимость собственнаго ума. На помощь Божію надѣется и католикъ: и она въ достаточной мѣрѣ дается ему, потому что Церковь безошибочно ведетъ его къ цѣли истиннымъ путемъ. Въ томъ-то и заключается большое мѣсто протестантства, что оно

(*) „The Bible, and the Bible only, the religion of Protestants“ by the Rev. J. M. Neale. 2 Aufl. London 1853. Это отличное православно-католическое разсужденіе имѣетъ только тотъ недостатокъ, что авторъ отвергаетъ присутствіе протестантскихъ началъ въ Англійской церкви и обличаетъ ее въ католицизмъ.

отвергаетъ царскій путь, указываемый ему Церковью. Поэтому протестантъ не имѣетъ достаточнаго ручательства въ вѣрности пониманія Св. Писанія относительно даже важнѣйшихъ вопросовъ христіанскаго ученія и жизни. Вслѣдствіе этого протестантство, по естественному чувству самосохраненія, невольно сбивается на путь церковнаго Преданія и символовъ и такимъ образомъ впадаетъ въ спасительную неослѣдовательность. Но изъ Преданія, для объясненія Библіи, протестанты заимствуютъ только то, что, по ихъ личному разумѣнію, кажется имъ лучшимъ. «Кромѣ того, что протестантство такимъ образомъ останавливается на половинѣ дороги, — оно, отвергая Преданіе, запутывается въ очевидныхъ противорѣчіяхъ. Съ одной стороны, въ области церковнаго Преданія есть предметы, которые протестантство отвергло, между тѣмъ какъ они столько же исторически несомнѣны, сколько и тѣ, которые протестантство сочло необходимымъ удержать въ интересахъ христіанства. Съ другой стороны, только въ церковномъ Преданіи мы находимъ удостовѣреніе въ подлинности и неповрежденности книгъ Новаго Завѣта. Равнымъ образомъ и въ томъ, что дѣйствительно получили начало отъ Апостоловъ нѣкоторыя писанія, принимаемыя протестантствомъ, какъ обязательныя источники вѣры, убѣждаетъ насъ тоже Преданіе. Между тѣмъ протестантство отвергаетъ значеніе и совершенную достовѣрность его.» Эти слова Швиглера справедливы; но ихъ слѣдуетъ развить и высказать опредѣленіе. И протестантство не могло отвергнуть Преданіе, какъ чисто-историческій источникъ; но *церковное Преданіе* болѣе, чѣмъ историческій документъ: *оно есть летопись совместнаго развитія въ Церкви двухъ началъ: Божественнаго и человѣческаго.* Преданіе, какъ свидѣтель истинной Церкви, — единственное въ своемъ родѣ явленіе; въ немъ чудеснымъ образомъ взаимно пропикаются начала: Божественное и человѣческое. Всякій отецъ Церкви *можетъ* погрѣшать; но все, вмѣстѣ взя-

тые, они такъ дополняютъ и исправляютъ другъ друга, что въ результатѣ ихъ творенія представляютъ чистое ученіе единой Церкви.

И такъ *одна только Библия* есть зерно, — единственная путеводная звѣзда протестантства: она составляетъ для него все. Почему? Потому что, послѣ отверженія Церкви, ничего не остается, кромѣ Библии: это — единственная спасительная доска послѣ кораблекрушенія (*una tabula post naufragium*). Она всецѣло и всѣхъ удовлетворяетъ; а кого и она не удовлетворитъ, того уже ничѣмъ и удовлетворить нельзя. Но вѣдь Библия не съ неба упала. Она есть памятникъ, выросшій на исторической почвѣ, — памятникъ который по праву принадлежитъ тому обществу, изъ нѣдръ котораго онъ произошелъ и для котораго онъ былъ написанъ. Это общество есть Церковь, которой Библия дарована Богомъ и которой она по праву принадлежитъ. Оторвите Библию отъ этаго живаго союза съ Церковію, и ее превратите вы *въ мертвую и темную книгу, въ смертоносное орудіе, въ источникъ безконечныхъ ересей*. — Но «въ концѣ концовъ дѣла еще не такъ плохи», намъ скажутъ; «есть и у протестантовъ проникнутые духомъ вѣры комментаріи на Библию, которые читаются даже католиками съ удовольствіемъ и пользою». Дѣйствительно это такъ: для вѣрующаго протестанта Церковь, ея ученіе и отцы имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ онъ самъ сознается въ этомъ. Тайное вліяніе Церкви привлекаетъ къ ней сплывъ всѣхъ возможныхъ усилій пропаганды, вмѣстѣ взятыхъ. То обстоятельство, что протестантство въ настоящее время обращается къ положительнымъ источникамъ вѣры, далеко не такъ важно, какъ то, что протестантство не можетъ отказаться отъ такихъ вольномысленныхъ и еретическихъ опытовъ и обзрѣній (*Essays and Reviews*), которые принадлежатъ напр. епископу Колензу, д-ру Штраусу и д-ру Шенкелю, и которые явились, какъ слѣдствіе основнаго протестантскаго положенія т. е. свободы частнаго мнѣнія.

Но возвратимся опять къ тому священнику, который, смѣшивая понятія о Церкви и папствѣ, счелъ нужнымъ, отвергая папство, оставить и церковь вмѣстѣ, и перешелъ поэтому въ протестантство. Теперь онъ долженъ ограничиться Библіею. Углубляясь въ нее съ тѣмъ благочестивымъ настроеніемъ ума, которое воспиталось въ немъ вліяніемъ Церкви, онъ находитъ много утѣшенія и духовной пищи. Со стороны догматовъ вѣры онъ чувствуетъ себя (по крайней мѣрѣ по теоріи протестантскаго начала, т. е. начала свободнаго изслѣдованія) совершенно свободнымъ, потому что Библія не противорѣчитъ ни одному изъ церковныхъ догматовъ. Но въ практической области онъ встрѣчаетъ со стороны протестантовъ требованія, несогласныя съ указанною теоріею, именно: протестантство имѣетъ свою исторію, въ которой прочно установились извѣстные догматы отрицательнаго характера, такъ что, кто не признастъ ихъ, тотъ не протестантъ. Таковъ напр. протестантскій догматъ о *всобщемъ священствѣ*, исключаящій особое, Богомъ установленное, священство (Бого-учрежденную Іерархію). Лютеръ сдѣлалъ смѣлый шагъ, когда провозгласилъ это положеніе; но слѣдствія этого неисчислимы: такъ какъ существуетъ священство, которому ввѣрено совершеніе Таинствъ, — а Лютеръ отвергъ священство, — то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой ошибки его было то, что протестантъ лишился Таинствъ: Причащенія, Покаянія, Миропомазанія и т. д. Этотъ догматъ для протестантства есть *вопросъ жизни и смерти*, — его «*быть или не быть*»; это камень соблазна, о который нельзя не споткнуться. Потомъ — принялись за Таинства, перетряхнули все разсужденія объ нихъ, искали средства ослабить такъ называемое *sacerdotale opus operatum* (*). Но это оказалось невозможнымъ; самъ строгій Кальвинъ защищаетъ въ сущно-

(*) Т. е. ученіе о томъ, что дѣйствіе и сила Таинства зависятъ исключительно отъ соблюденія его *формы*. Пер.

сти дѣла это *opus operatum* при крещеніи младенцевъ, хотя и не называется его по имени (*Institut. IV. 16*). Разумѣется, тутъ протестанты попадаютъ въ непроницаемую мглу и не видятъ никакого исхода изъ нея; мечутся то въ ту, то въ другую сторону, стараются подобрать цитаты изъ св. Писанія—за и противъ—и такимъ образомъ, мало помалу, пріучаются замѣнять церковное, истинное пониманіе Библіи своимъ личнымъ, ошибочнымъ. А въ концѣ концовъ все таки выходитъ, что существуетъ особое Священство и что Таинства болѣе, чѣмъ пустые знаки (*signacula*). Но тутъ то и начинается настоящая путаница. Какое можетъ быть Священство безъ Церкви? Откуда священникъ получаетъ свое освященіе и свое посланничество?

Да позволить мнѣ читатель остановиться здѣсь и на время прервать нить моего разсужденія. Онъ увидитъ, что послѣдующія за этимъ разсужденія — необходимы.

Классическою страною протестантства можно назвать Англію и отдаленную отъ насъ Америку; въ этихъ странахъ протестантское начало развилось съ наибольшею свободою. Лондонъ—протестантскій Римъ. Какъ Римъ, въ отданіе праздника Богоявленія, празднуетъ (правда болѣе мнимое, нежели дѣйствительное) католическое единеніе всѣхъ народовъ; такъ Лондонъ, во время майскихъ митинговъ, представляетъ картину протестантскаго разединенія и даетъ возможность наглядно видѣть поразительное множество всевозможныхъ большихъ и малыхъ сектъ, изъ которыхъ каждая старается доказать, что она одна владѣетъ настоящею, чистѣйшею евангельскою истиною. Все это—секты вѣрующія и нерѣдко, въ своей вѣрѣ, доходящія до крайностей. При этомъ повторяется обыкновенная исторія: одна секта упрекаетъ другую въ оскорбленіи Бога,—въ идолопоклонствѣ и искаженіи

главныхъ евангельскихъ истинъ. Тѣмъ болѣе нужно удивляться тому, что *между протестантами весьма распространено ложное мнѣніе*, будто протестантская раздробленность объединяется какимъ-то *высшимъ идеальнымъ единствомъ*. Всѣ мыслящіе христіане увѣрены въ томъ, что *единство* составляетъ одинъ изъ признаковъ *истины* и что Спаситель изображаетъ царство сатаны, какъ царство, раздѣльшееся на ся и ведущее междоусобную войну.—Но *какимъ образомъ* пропзвести это единство, это остается загадкой; а это, въ свою очередь, доказываетъ, что *высшее идеальное единство* есть ничто иное, какъ благозвучная философская фраза, къ которой прибѣгаютъ, какъ къ удобной отговоркѣ. Если у протестантовъ существуетъ *дѣйствительное*, а не идеальное только единство вѣры, то пусть они его докажутъ, — пусть перечислятъ догматы, въ которыхъ они согласны между собою, а прочіе—пусть оставятъ въ сторонѣ. Къ этому и стремился *евангелическій союзъ*; онъ составилъ программу, въ которую вошли нѣкоторые коренные христіанскіе догматы, и сталъ собирать подписи отъ тѣхъ, которые ставятъ *церковное единство выше* разностей ихъ *сектъ*. Желаніе единства и стремленіе къ нему составляютъ лучшее явленіе въ этомъ дѣлѣ; мы видимъ въ немъ выраженіе *сильной тоски* членовъ союза по общему ихъ отечеству — единой Церкви. Дай Богъ, чтобы эта тоска ихъ все болѣе и болѣе увеличивалась и приняла истинное направленіе. Но евангелическій союзъ, за исключеніемъ этихъ прекрасныхъ стремленій его основателей, представляетъ собою плодъ, не вызрѣвшій и не долговѣчный. Есть ли въ протестантской церкви такой авторитетъ, который отважился-бы присвоить себѣ право вообще устанавливать (*) предметы вѣроученія и — въ частности—рѣшать, какіе изъ нихъ нужно счи-

(*) Это, не забудемъ, пишетъ протестантъ. П е р.

тать основными и какіе — несущественными (*) и опредѣлять количество обязательныхъ догматовъ? Такого авторитета въ протестантствѣ нѣтъ; а потому этотъ союзъ не имѣетъ прочныхъ основаній для своего существованія. Плодомъ этого союза будетъ или то, что изъ ста сектъ образуется еще одна — сто первая (точь въ точь, какъ унія изъ двухъ церквей образовала три церкви); или то, что этотъ союзъ всѣми силами постарается собрать во едино, по возможности, большее число протестантовъ, съ тѣмъ, чтобы они потомъ могли братски ссориться между собою, но не выносили бы сора изъ избы.

Но вотъ зрителю представляется неожиданная картина. Рядомъ съ размноженіемъ сектъ въ протестантскомъ мірѣ, величественно поднимается на протестантской почвѣ *Церковь*, т. е. нѣчто, большее того, что протестанты обыкновенно разумѣютъ подъ именемъ Церкви. Эта Церковь удерживаетъ три степени іерархіи, довольно прочно организована и утверждаетъ, что пребыла въ союзѣ съ Единою Каѳолическою Церковію. Она исключаетъ себя изъ числа прочихъ протестантскихъ обществъ, отрицаетъ всякое церковное общеніе съ ними и не признаетъ ихъ пасторовъ священниками; а римско-католическое духовенство признается ею и она считаетъ себя отраслью католической Церкви. Свои церковныя молитвы, церемоніи и обряды она заимствуетъ изъ католическихъ молитвослововъ, служебниковъ и требниковъ. Неудивительно, что католическому священнику, обуреваемому волнами протестантскихъ заблужденій, эта Церковь кажется безопасною пристанью. Онъ усердно изучаетъ англиканскій молитвословъ (Prayer-book) и вслушивается въ родные звуки пѣснопѣній утрани, литургіи, литаній и т. п.

(*) Это пишетъ протестантъ съ своей точки зрѣнія. Въ Православной Церкви нѣтъ догматовъ несущественныхъ. Пер.

Но, къ сожаленію, и въ этой Церкви онъ находитъ 39 членовъ, составляющихъ заднюю сторону этой, въ нѣкоторомъ родѣ, головы Иисуса (а). Это—скудѣльные ноги, на которыхъ стоитъ «тѣло златое». При такомъ видѣ священника обдастъ холодомъ; но онъ смѣло глядитъ въ глаза этимъ членамъ. *Въ сущности Англиканская церковь—церковь протѣстантская.* Тѣмъ не менѣе она стоитъ ближайшаго разсмотрѣнія. Обращаясь къ ея исторіи, мы находимъ въ ней слѣдующіе переходы: 1) отъ католичества—къ кальвинизму; 2) отъ кальвинизма—къ лавдизму (б); 3) отъ лавдизма—къ савелліанству (в). (Д-ръ Валистъ и д-ръ Соутъ, ведшіе полеміку съ защитникомъ Св. Троицы, Шерлокомъ) и унитаризму (Линдсей, д-ръ Кларкъ и большинство духовенства); 4) къ палейнизму (здѣсь нравственная философія замѣняетъ собою догматику); 5) къ арминіанству (Тиллотсонъ, — Лоу Черчъ); 6) евангелическая эра (Чарль Симсонъ въ Кембриджѣ, — возстановленный кальвинизмъ) (г); 7) трактаріанство или пюзензмъ, возобновленный лавдизмъ (д);

(а) XXXIX членовъ Англиканской церкви составлены въ 1562 г., на основаніи написанныхъ десятью годами ранѣе, въ царств. Эдуарда VI, 42 членовъ, и формально утверждены, какъ основныя пункты вѣроисповѣданія Англиканской епископальной церкви. См. Хр. чт. 1866 г. Іюнь. Перев.

(б) Тоже что трактаріанство. См. ниже. Перев.

(в) Савелліанствомъ называлась существовавшая въ III в. Хр. Церкви ересь унитаріевъ или антитринитаріевъ, отвергавшая троичность Лицъ въ Богѣ.

(г) Отличительныя пункты ученія Англиканскихъ евангеликовъ суть: 1) Необходимость обращенія. 2) Оправданіе чрезъ одну Вѣру и 3) Библія—единственный источникъ вѣроученія. Многіе Евангелики въ послѣднее время стали принимать кальвинизмъ. См. подробности объ этомъ въ Правос. Собесѣдникъ 1860 г. кн. 2.

Пер.

(д) Трактаріанство или пюзензмъ своимъ существованіемъ обязаны богословамъ Оксфордской школы, Ньюмену и Пюзеру; недовольные упадкомъ вѣры въ своемъ отечествѣ, они въ 1833 г. составили общину, для которой написаны слѣдующіе тезисы: 1) единственный путь къ спасенію—причастіе Тѣла и Крови Спасителя; 2) ясно утвержденное ручательство за продолженіе и правильное совершеніе Таинства—это апостольское преемство епископовъ и за ними пресвитеровъ. Пюзенсты тщательно занялись изслѣдованіемъ того, гдѣ находится истинное преемство Апостольской Церкви. Ньюманъ нашелъ его въ Римской церкви; но другіе думаютъ найти это преемство въ Восточной Православной Церкви, усердно изучаютъ ея исторію и все сильнѣе и сильнѣе желаютъ соединиться съ тою (Прав. Греческою) Церковію, отъ которой Британскій полуостровъ первоначально полу-

7) Бродъ-Черчъ (*) (латитудинаріи, пантеисты, орпигенисты (отрицаніе вѣчныхъ адскихъ мукъ), семи-унитаріи). Англиканская церковь была, слѣдовательно, плодovитою почвою для образованія ересей. Впрочемъ, этого ей не льзя ставить въ упрекъ: въ цвѣтущій періодъ Вселенской Церкви тоже было много ересей. Всего хуже здѣсь то, что ереси существовали въ нѣдрахъ самой Англиканской церкви, и эта церковь не имѣла силы выдѣлать изъ себя вредные соки, не могла законнымъ порядкомъ отлучить еретиковъ. Слѣдовательно *Духъ истины* не руководилъ ею, не одушевлялъ ее, т. е. она не есть вѣтвь Вселенской Церкви.

Несомнѣнно то, что Англиканская церковь въ цѣломъ своемъ составѣ не имѣетъ права считаться католическою; но не имѣетъ ли, по-крайней мѣрѣ, та часть этой церкви, которая, по преимуществу, называетъ себя *англо-католическою*, права на церковное общеніе съ остальнымъ католическимъ міромъ? Прежде всего намъ слѣдуетъ исключить изъ этой части всѣхъ тѣхъ, вниманіе которыхъ исключительно обращено на религіозные обряды, для которыхъ главное дѣло—церковныя украшенія, церемоніи и торжественное богослуженіе. Мы разумѣемъ здѣсь только тѣхъ, которые стремятся къ истинному единенію вѣры и стараются осуществить его на дѣлѣ. Люди этого рода отличаются достойною уваженія правдивою строгостію, вслѣдствіе которой они, безъ всякой боязни, ждутъ послѣдствій своихъ дѣйствій. Мнѣ случалось слышать проповѣди такихъ людей: они безъ пощады обнажали язвы протестантства. Они признавали церковь жили-

чилъ Христіанское ученіе; нѣкоторые изъ общества Пьюзел (напр. Гевсерлей) присоединились уже къ Православной Церкви. См. Прав. Собесѣдникъ 1863 г. П е р

(*) Это—одна изъ сектъ Англиканской церкви, отличающаяся крайнимъ равнодушіемъ къ догматическому ученію. Латитудинаризмъ есть такое разширеніе предѣловъ церкви, по которому ея членами признаются христіане всѣхъ исповѣданій, какого ученія они ни держались бы; отсюда и самыя названія: Broad Church (широкая церковь),—латитудинаріи (latitudo—широта—широкіе). См. объ этомъ Пр. Собесѣдникъ 1860 г. 2 книгу и 1861 г. 1 книгу. П е р.

щемъ Св. Духа, а Библію—принадлежностію церкви и клеймили позоромъ *крайнее поклоненіе Библии* (Bibliolatrie), соединенное съ ущербомъ для церкви. Отцы церкви, которыхъ они прилежно изучали, были для нихъ болѣе, чѣмъ простые историческіе свидѣтели. Ученіе объ оправданіи у нихъ получило вселенскій характеръ; Таинства, сдѣлавшіяся у протестантовъ безсодержательными формами, у нихъ получили древнее свое значеніе. Два Таинства, принятые и въ протестантскомъ катихизисѣ, они признали необходимыми для всѣхъ людей, а на прочія пять смотрѣли, какъ на Таинства, необходимыя только для извѣстныхъ состояній и при извѣстныхъ условіяхъ жизни, но въ то же время—какъ на дѣйствительныя Таинства. Священническое разрѣшеніе они считаютъ необходимымъ для прощенія грѣховъ; они признаютъ переходное состояніе души послѣ смерти и считаютъ необходимымъ молиться за умершихъ. Въ домашней жизни, напр. при трапезной молитвѣ, я замѣчалъ иногда, что эти люди осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ (которое употребляютъ всѣ англиканскіе священники, по уставу служебника ихъ церкви, надъ младенцами при крещеніи). Кто желаетъ ближе познакомиться съ исторіей и характеромъ этого англо-каѳолическаго движенія, тому мы рекомендуемъ интересное сочиненіе д-ра Пьюмана: «*Apologetica pro vita sua*» 1864. —Правда, это, такъ называемое, трактаріанское движеніе теперь не производитъ уже болѣе шума; но за то, совершаясь спокойно, оно идетъ вѣрнымъ путемъ. Оно не прекратилось и послѣ того, какъ перестало стоять на первомъ планѣ между современными событіями и потеряло нѣсколько своихъ приверженцевъ, которыхъ переманилъ къ себѣ Римъ. Въ нѣдрахъ трактаріанизма развивается уже зародышъ броженія, который предвѣщаетъ лучшее будущее и который разовьется въ истинное Каѳоличество. Но еще трактаріанизмъ *не сдѣлался* Православнымъ. Если не обращать вниманія на ученіе о соприисутствіи Хри-

ста въ Евхаристіи (consubstantiation), въ которомъ Пюзей недалеко ушелъ отъ Лютера, затѣмъ—на то правило, по которому у трактаріанцевъ нельзя толковать члены вѣры въ духѣ составителей ихъ, а нужно навязывать имъ совершенно чуждый смыслъ, т. е. толковать ихъ въ духѣ каѳоличества (katholisiren),—словомъ, если не обращать вниманія на эти и многіе другіе пункты, то все таки останется еще рѣшить главный вопросъ объ *апостольскомъ преемствѣ епископовъ* (въ Англиканской церкви) и о *значеніи рукоположенія*. Если это преемство епископовъ прервано, къ чему тогда даже чистая каѳолическая вѣра? Ни къ чему; потому что нѣтъ священниковъ, уполномоченныхъ совершать Таинства. Допустимъ даже, что существуетъ небезосновательное сомнѣніе въ томъ, прервано ли или нѣтъ апостольское преемство (въ Англиканской церкви), и въ такомъ случаѣ никто не можетъ быть увѣренъ, дѣйствительно ли онъ находится въ Каѳолической Церкви и дѣйствительно ли онъ принимаетъ Таинства.—Затѣмъ рождается еще вопросъ: *какъ* посвящали первые епископы своихъ священниковъ? Употребляли ли они при совершеніи Таинства Священства узаконенныя формы и матерію? Мы знаемъ, сколько разъ со времени образованія Англиканской церкви измѣнялись формы посвященія, такъ что по нынѣ существующимъ формамъ посвященія нельзя судить о прежнихъ. Предположимъ впрочемъ, что вопросъ о Ламбетовомъ спискѣ рѣшенъ (чего я однако отнюдь не думаю утверждать),—предположимъ, что преемственность епископовъ доказана и что при первомъ поставленіи во епископа употреблены узаконенныя формы, все таки еще остается вопросъ, имѣютъ ли въ себѣ рукоположенія, совершенныя этими епископами, всѣ условія, необходимыя для того, чтобы ихъ можно было признать вполнѣ дѣйствительными? Затѣмъ слѣдуетъ поставить еще трудный вопросъ, котораго мало касались въ полемикѣ по этому дѣлу: на сколько можетъ существовать вмѣстѣ съ ересью дѣйствительное епископство? Нѣтъ ли

предѣла, за которымъ ересь дѣлаетъ невозможнымъ существованіе законнаго рукоположенія? Несомнѣнно, что первые протестантскіе епископы были просто послѣдователями Цвинглія. — Мы не можемъ и не желаемъ здѣсь вдаваться въ историческое изслѣдованіе вопроса о Ламбетовомъ спискѣ. Согласится ли въ этомъ случаѣ съ Боссюэтомъ, Лингаромъ или Кеппкомъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Римская церковь, которая православно учитъ о Таинствѣ Священства, никогда не признавала законнымъ англиканскаго рукоположенія въ епископы и въ священники. Римъ не высказывалъ даже *сомнѣній и колебаній* по этому вопросу; потому что признавалъ въ священномъ санѣ переходившихъ въ латинство англиканскихъ клириковъ только подѣтѣмъ условіемъ, если надъ ними повторялось рукоположеніе. Мы придаемъ здѣсь особенное значеніе взгляду Римской церкви на это дѣло потому съ одной стороны, что ей, какъ единственной на Западѣ блюстительницѣ нѣкоторыхъ православныхъ преданій, всего чаще и почти исключительно, приходилось рѣшать указанный вопросъ при переходѣ англиканскихъ духовныхъ лицъ въ католичество; съ другой стороны потому, что она была крайне либеральна въ тѣхъ случаяхъ, когда старалась дѣлать прозелитовъ. Если бы Римской церкви удалось найти хоть какое нибудь ничтожное основаніе, по которому она могла бы признать законность англиканскаго рукоположенія; то она съ жадностію ухватила бы за это, сдѣлала бы это признаніе законности англиканскаго духовенства самой сильной приманкою. Напротивъ, взглядъ Римской церкви на этотъ вопросъ высказанъ такъ открыто, что отъ нея, если имѣть въ виду ея іезуитскій образъ дѣйствій и ея политику, скорѣе можно было бы ожидать совершенно противнаго. Для примѣра я упомяну только о томъ, какія вольности допускались прежними іезуитами, когда они старались примѣняться къ китайскимъ обычаямъ въ погребальныхъ обрядахъ. Но Рим-

ская церковь, почивающая на законѣ, разсматриваетъ всякій вопросъ съ точки зрѣнія законности. Апостольское преемство есть, такъ сказать, каналъ, по которому переходятъ отъ Апостоловъ къ Іерархіи всѣ ея полномочія; по этому-то главнѣйшею заботою Римской церкви было сохранить этотъ каналъ чистымъ и преемственную линію епископовъ непрерывною. Всякое притязаніе на это преемство составляетъ вопросъ жизни, — всякая уступка непризваннымъ претендентамъ на это преемство повлекла бы за собою легкомысленное ниспроверженіе основнаго церковнаго права, т. е. права іерархическихъ полномочій. Я знаю, что питаютъ еще надежду на то, будто Римская церковь наконецъ признаетъ законность рукоположенія англиканскихъ священниковъ; самъ д-ръ Ньюманъ признаетъ, кажется, это не невозможнымъ: но можетъ ли Англиканская церковь найти такіе документы, которые измѣнили бы къ лучшему настоящее положеніе этого вопроса? Если исторія будетъ говорить въ пользу Англиканской церкви, развѣ отъ этого измѣнится существенно вопросъ о догматахъ и обрядахъ? И въ настоящее время вопросъ этотъ находится въ томъ же положеніи въ какомъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ; новыхъ оснований для притязаній Англиканской церкви не нашли; съ какой же стати и Римской церкви измѣнить свой взглядъ на это дѣло? Римская церковь зрѣло обдумала свой взглядъ на этотъ вопросъ прежде, чѣмъ примѣнить его къ дѣлу; понятно, что она не можетъ, не подвергаясь опасности, отступить отъ этого взгляда. Римская церковь въ этомъ случаѣ дѣйствовала совершенно въ духѣ Православія и сохранила преемство апостольскаго Священства.

Такимъ образомъ Римская церковь (а въ этомъ она согласна съ Православною) смотритъ на англиканскихъ епископовъ, какъ на мірянъ, неимѣющихъ надлежащаго посвященія. Поэтому и всѣ англиканскіе священники и діаконы

суть міряне и всякое священнодѣйствіе въ Англиканской церкви призрачно и не имѣетъ силы. Православная Восточная Каѳолическая Церковь точно также фактически никогда не признавала законнымъ англиканскаго священства. Только нѣсколько несторіанскихъ и монофизитскихъ епископовъ (которые едва ли знали, что такое Англиканская церковь и не имѣли ни средствъ, ни охоты разобратъ дѣло) легкомысленно вошли въ сношенія съ послами отъ Англиканской церкви (*). Въ чемъ убѣждаетъ насъ это явленіе? Въ томъ, что Англиканская церковь, отвергая общеніе съ протестантствомъ, тщетно стремится къ сближенію съ каѳоличествомъ (Вселенскою Церковію) и вслѣдствіе этого находится въ весьма мучительномъ уединенномъ положеніи, которое уничтожаетъ въ ней сознаніе своею православіемъ. Каждый членъ Англиканской церкви долженъ усомниться въ своемъ православіи, видя, что его церковь напрасно простираетъ руку примиренія во все стороны христіанскаго міра и никто ея не принимаетъ. Неудивительно, что въ отчаяніи обращаются даже къ несторіанамъ и монофизитамъ, которыхъ однако Англиканская церковь признаетъ еретиками.

Но католическій священникъ, въ своемъ блужданіи по протестантскимъ исповѣданіямъ, встрѣчаетъ еще двѣ главныя отрасли Англиканской церкви, которыя представляютъ для него особенный интересъ, именно церкви *Американскую и Шотландскую* епископальную. Обѣ онѣ находятся внѣ вліянія государственной власти. Американская церковь не признаетъ даже обязательными 39 членовъ (хотя она и помѣщаетъ ихъ въ своемъ «Prayer-bo-

(*) Ср. Badger's Nestorians und Bishop Heber's Journey through India. Нынешній несторіанскій епископъ Іоаннъ Урумійскій (въ Персін при Каспійскомъ морѣ) находится даже въ очень близкихъ сношеніяхъ съ американскими миссіонерами изъ секты баптистовъ, которые занимаются проповѣдью въ его епархіи, какъ это мыѣ рассказывалъ одинъ изъ несторіанскихъ священниковъ, принадлежащихъ къ его клиру.

ок)»; но она называетъ себя *протестантскою* епископальною церковію и этимъ самымъ показываетъ свое происхожденіе и свое основное, жизненное начало. И она также искренно желаетъ того, чтобъ се признала Вселенская Церковь и дѣлаетъ въ настоящее время попытки къ соединенію съ Православною Церковію (*). Шотландская епископальная церковь стоитъ къ Вселенской Церкви ближе другихъ протестантскихъ общинъ. Въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ ся учителей излагаются *все* католическіе догматы, не исключая и догмата объ Евхаристіи, какъ жертвѣ умилостивительной, приносимой за живыхъ и умершихъ (*sacrificiū vere propitiatorii pro vivis et defunctis offerendi*). Эта церковь, между 1716 и 1725 годами, дѣлала попытки къ соединенію съ Восточною Церковью. Дѣло это было прервано смертію Русскаго Императора Петра I и отложено до другаго болѣе удобнаго времени. Этой церкви обязано своимъ происхожденіемъ замѣчательное сочиненіе: «A Harmony of Anglican Doctrine with the Doctrine of the Catholic and Apostolic Church of the East, being the longer Russian Catechism, with an Appendix, consisting of notes and extracts from Scottish and Anglican Authorities, designed to show that there is in the Anglican Communion generally, and more particularly and pre-eminently in the Scottish Church, an element of Orthodoxy, capable by a synodical act of declaring Unity and Identity with the Catholic Church of the East. Aberdeen 1846. (Согласіе ученія англиканской церкви съ ученіемъ Католической и Апостольской Церкви по большому русскому катихизису, съ приложеніемъ, состоящимъ изъ замѣчаній и извлеченій изъ шотланд-

(* См. статьи о взаимныхъ сношеніяхъ обѣихъ церквей въ послѣднихъ трехъ номерахъ American Quarterly Review за 1864 годъ. Говорятъ, что авторъ этихъ статей епископъ Соутгэртъ, бывшій прежде миссіонеромъ на Востокѣ. Авторъ.

О попыткахъ Американской церкви къ соединенію съ Восточною Православно-Католическою въ нашей духовной журналистикѣ писалось много. См. Правосл. Обзорѣніе 1866 г. и Хр. Чтеніе 1866 г. Пер.

скихъ и англійскихъ знаменитыхъ писателей, съ цѣлю показать, что въ Англійской общинѣ, а еще болѣе въ Шотландской церкви заключается элементъ Православія, на столько сильный и значительный, что можетъ сдѣлаться предметомъ синодальнаго соглашенія и соединенія съ Восточною Каѳолическою Церковію). Какъ ни утѣшительно встрѣчать такіе признаки жизни въ Шотландской церкви, все таки необходимо сознаться, что и эта церковь, равно какъ и Американская страдаютъ коренною болѣзнію своей матери Англиканской церкви: у нихъ *нѣтъ законнаго епископства*, безъ котораго невозможна Каѳолическая Церковь.

Впрочемъ дорого уже и то, что въ протестантскомъ мірѣ нѣкоторые вселенскіе догматы пріобрѣтаютъ прежнее значеніе и, что очень естественно, даютъ такое направленіе духовной его жизни, которое можетъ привести его къ единенію съ Вселенскою Церковію. И нѣмецкіе протестанты стараются также проложить путь къ этому единенію. Они написали нѣсколько удачныхъ сочиненій о церковномъ преданіи и развернули передъ удивленными глазами своихъ единовѣрцевъ не одну картину благочестивой жизни святыхъ отцовъ Церкви. Особенно ученіе о переходномъ состояніи души по смерти и необходимости молитвы за усопшихъ въ послѣднее время находило энергическихъ защитниковъ (Г. Целлеръ: *Biblisches Wörterbuch*, д-ръ А Францъ, К. А. Лейббрантъ). Вообще нѣмецкіе протестанты теперь болѣе занимаются тою церковью, какую изображаетъ намъ исторія, чѣмъ вымышленною ими на основаніи библейскихъ текстовъ. Это-то и есть самое утѣшительное явленіе нашего времени, что изученіе историческихъ источниковъ вступило снова въ свои права. Конечно путь историческаго изученія—длинный и трудный путь: тутъ нужно знакомиться съ цѣлыми отдѣльными сочиненіями и съ грудями документовъ, нужно знать кромѣ классическихъ языковъ еще арабскій, сирскій, армянскій, равно какъ славянско-русскій,

новогреческій и другіе новѣйшіе языки для того, чтобы имѣть возможность изучить предметъ по подлиннымъ документамъ. Но развѣ нѣмецъ струсить предъ чѣмъ либо, когда онъ стремится къ извѣстной цѣли? И кромѣ того, никто не можетъ отнять у нѣмецкихъ протестантовъ той чести, что для нихъ не существуетъ пути слишкомъ труднаго,—работы слишкомъ тяжелой въ тѣхъ случаяхъ, когда они видятъ впереди новыя данныя, обѣщающія пролить свѣтъ на темную область знанія. Личный человѣческій разумъ губить себя, если думаетъ, что можетъ замѣнить собою Духъ Божій; но если онъ стоитъ на законномъ пути и ищетъ обители Св. Духа; то онъ бываетъ могучъ благодатнымъ Его содѣйствіемъ. Христіанство тоже, что и христіанская Церковь, а Церковь есть учрежденіе, имѣющее свою исторію; ее нельзя выдумать. Это домъ построенный на скалѣ, *онъ стоитъ прочно*; его нужно не строить, а искать. Спросите исторію; она укажетъ вамъ этотъ домъ и приведетъ къ нему. Правда, *вступить* въ него можно только при содѣйствіи Благодати Божіей, не отрицающей ни сознанія, ни доброй воли человека. Но эту Благодать Господь даруетъ всякому, кто искренно ищетъ Ея.

ГЛАВА III.

ПРАВОСЛАВНАЯ, ВОСТОЧНАЯ, КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Когда католическій священникъ, покинувъ ту церковь, которая отождествляетъ себя съ папствомъ, убѣдился, что протестантство — человѣческое изобрѣтеніе, когда онъ уразумѣлъ, что *Церковь* есть столпъ и утвержденіе истины, тогда ему стало ясно, куда идти дальше. Онъ не хочетъ и не можетъ *создать* Церковь; но онъ долженъ искать *ту* Церковь, въ которой, по обѣтованію Спасителя, Духъ Святой пребываетъ доселѣ. Такая Церковь *должна* существовать и слѣдовательно ее можно найти; иначе Спаситель далъ ложное обѣщаніе. Но кромѣ папской церкви, усвоивающей себѣ названіе *католической*, (по западному произношенію — католической) есть еще одна, именно Восточная, Православная Церковь, которая по праву носить названіе «Католической». Эта церковь колетъ глаза папству; она для него опасная соперница, почему папство и пользовалось всякимъ случаемъ внушить своимъ чадамъ такое чувство къ ней, которое очень похоже на ненависть. И нечего удивляться тому, что даже покинувшій латинскую церковь священникъ уноситъ съ собою столь много нерасположеній къ Православной Церкви, что ему и въ голову не приходитъ мысль испытать, не эта ли именно Церковь, на которую папство взвело столько клеветъ, и есть истин-

ная. Онъ принимаетъ протестантство, властается вѣтромъ человѣческихъ ученій, всеми силами старается оправдать протестантское начало (свободы изслѣдованія) и протестантское вѣроученіе; и такъ какъ во всякомъ дѣлѣ можно отыскать какую либо, по видимому, хорошую сторону; то онъ иногда даже убѣждается, что попалъ на истинный путь. Но при этомъ все таки у него нѣтъ полной увѣренности; сомнѣнія за сомнѣніями одолеваяютъ его, какъ волны бурнаго моря утлый челнъ. Въ такомъ положеніи ему не откуда больше ждать помощи, какъ только отъ Церкви, этой звѣзды путеводной, этого маяка въ морѣ. Къ чему все споры и толки о религіозныхъ предметахъ, когда нѣтъ судьи, который могъ бы окончательно рѣшить ихъ? Такъ не махнуть ли на нихъ рукою и успокоить себя трудностію ихъ рѣшенія? Но не значить ли это ризковать вѣчнымъ спасеніемъ?! Кто поручится тебѣ, что грѣхи твои тебѣ отпустятся? Если Христосъ даровалъ своимъ апостоламъ право—вязать и рѣшать; то протестанту, почитающему на библии, весьма трудно обойти (миновать) тѣ мѣста ея, въ которыхъ говорится объ этомъ правѣ, и за тѣмъ погрузиться въ одну только вѣру (*sola fides*). Если благоразумный купецъ въ земныхъ дѣлахъ ничего не предпринимаетъ безъ достаточныхъ ручательствъ въ успѣхѣ; то христіанинъ, въ высшихъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависитъ его вѣчное спасеніе, въ правѣ ли спокойно и равнодушно утѣшать себя тѣмъ, что Богъ все сдѣлаетъ къ лучшему? Я знаю есть такіе протестанты, которые могутъ до такой степени пропитаться извѣстными взглядами, что въ своихъ убѣжденіяхъ высказываютъ болѣе фанатическаго жара, (*) чѣмъ тѣ секты, къ которымъ они принад-

(*) Такая горлиность убѣжденія собственно зависитъ отъ страстнаго увлеченія и упорства, а эти послѣдніе происходятъ изъ узкаго эгоизма. Въ этомъ, впрочемъ, можно упрекнуть не столько два главныхъ протестантскія общества, лютеранское и реформатское, сколько отдѣлившіеся отъ нихъ секты

лежать; а между тѣмъ оказывается, что эти убѣжденія опираются на какихъ нибудь двухъ-трехъ библейскихъ мѣстахъ и мѣста эти толкуются въ томъ смыслѣ, *какого требуютъ эти убѣжденія*, тогда какъ люди другихъ убѣждений могутъ понимать тѣже мѣста въ противоположномъ смыслѣ. Далѣе, я знаю есть такіе протестанты, которые думаютъ найти въ церкви, начиная съ реформаціи и восходя до временъ апостольскихъ, основныя черты протестантства; въ самой видимой церкви, или подлѣ нея находятъ небольшое число, «непреклонившихъ колѣнъ передъ вааломъ» (поэтому то мы и находимъ въ церковной исторіи Курца постоянную рубрику: «реформаціонныя стремленія»). Но такихъ людей оказывается очень мало. Число это нерѣдко бываетъ совершенно ничтожно и кромѣ того въ него включаютъ совершенно произвольно то тѣхъ, то другихъ. Одинъ причисляетъ сюда одну секту, другой — другую и такимъ образомъ мнимая реформатская церковь до реформаціи оказывается пустымъ, неуловимымъ призракомъ.

и между ними особенно секту плимутскихъ братьевъ, такъ называемыхъ дэрбитовъ. Съ ними едва ли возможно вести разумную бесѣду; потому что они только витаютъ въ туманѣ (мнимомъ) — пророческихъ образовъ и съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрятъ на дѣйствительную исторію. Они гнушаются дѣйствительно существующею церковью; между тѣмъ ихъ собственная невидимая церковь до того призрачна, что видѣть ее простымъ глазомъ невозможно. Довольно прочесть одну какую либо брошюру Дэрби, чтобы видѣть, какой сумбуръ въ головѣ этихъ людей: я рекомендую для этой цѣли брошюру подъ названіемъ: *Superstition is not faith, or the true character of Romanism. London 1861.* Въ этой брошюрѣ латинствомъ называется такое отдѣленіе отверженныхъ грѣшниковъ, въ которомъ помѣщаются все несогласныя съ ученіемъ Дэрби. Слѣдуетъ сравнить съ указанной брошюрой замѣчательныя статьи Др. Ф. Ниппольда: „Историческія картины сектантскаго движенія“, — въ Гельцера *Protestantische Monatsblätter* за 1864 годъ, особенно въ іюньской книжкѣ. Др. Ниппольдъ весьма основательно причисляетъ къ указаннымъ сектамъ привигіанство которое занимаетъ среднее мѣсто между дэрбизмомъ и мормонизмомъ Деллингеръ (*Kirche und Kireher*) совершенно не понялъ значенія дэрбизма, привигіанства и мормонизма: онъ слегка касается этихъ сектъ, — еще менѣе опредѣляетъ степень ихъ отступничества отъ христіанства. Сравн. мои статьи о мормонизмѣ въ журналѣ Др. Гейденгейма. (*Zeitschrift*).

Нѣтъ, Церковь Христова должна быть обществомъ людей не призрачнымъ, а такимъ, которое можно было бы видѣть, — найти, въ которое можно было бы вступить; — въ противномъ случаѣ она миѣ не принесетъ никакой пользы. Церковь должна избавить меня отъ сомнѣній и всевозможныхъ колебаній; а потому она должна быть *домомъ, построеннымъ на горѣ*, который можно уви-дѣть и непремѣнно увидишь, если только откроешь глаза.

II такъ, странствованіе въ области протестантства не привело нашего священника ни къ чему?! Да, — но оно неосталось безплоднымъ. Дорога была сбивчивая; постоянно приходилось глядѣть во всѣ стороны, — все испытывать и все взвѣшивать. Протестантство это такая система воспитанія, которая предоставляетъ дѣтямъ полную свободу развиваться, не связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ; но и не помогаетъ этому развитію, не предостерегаетъ, не удерживаетъ, не запираетъ ребенка, и все это дѣлается для того, чтобы ребенокъ учился уму-разуму путемъ *собственныхъ ошибокъ*. При такой системѣ воспитанія многому научаются, узнаютъ много полезнаго, но и много бесполезнаго. Но самыя благодѣтельные качества, пріобрѣтаемыя такимъ путемъ — это умѣніе, не *стысясь ничѣмъ высказывать свое мнѣніе и свободная рѣшимость слѣдовать тому, что разъ признано истиннымъ*. Ни одинъ протестантъ не можетъ, не отступая отъ своего главнаго начала, осуждать того, кто по убѣжденію переходитъ въ Православную Церковь. За протестантствомъ нужно признать еще и то, что оно позволяетъ намъ свободно смотрѣть во всѣ стороны христіанскаго міра и старается усвоить себѣ *все то, что есть общаго у христіанъ и стать выше вѣро-исповѣдныхъ разностей (конфессіонализма)*. Задача эта не выполнима; потому что христіанство и церковь одно и то же; — но тѣмъ не менѣе все таки она, при всей ошибочности, влечетъ за собою то благое послѣдствіе, что, слѣдуя ей, стараются *все подвергнуть изслѣдованію*. II

все таки о римской церкви не могут сказать добраго слова: латинцы разумѣется это обстоятельство считают признакомъ божественности своей церкви, противъ которой разверзаются врата ада (въ видѣ протестантскихъ нападеній). Но отъ чего зависить такое отношеніе къ латинству со стороны протестантства, вообще снисходительнаго ко всеѣмъ вѣроисповѣданіямъ, объ этомъ и не думаютъ. Не оттого ли это зависить, что съ папствомъ ничего не подѣлаешь? Съ «*non possumus*» — пожалуй еще кое какъ помирятся, — но, при постоянныхъ сношеніяхъ, требуютъ, чтобы для всякаго «*non possumus*» папство указывало и основаніе и не усвоивало бы только себѣ право указывать основанія и позволять только благопріятныя для себя разсужденія. Если папство не отступаетъ ни на шагъ отъ своихъ мнимобожественныхъ притязаній; то за это протестанты еще не столько порицаютъ его, сколько за то, что оно глухо ко всеѣмъ требованіямъ, совершенно не приступно и упорно стоитъ на томъ, что его не могутъ взволновать вопли всего міра.

Таково гордое самообольщеніе папства! По истинѣ былобы лучше и для него самого и для протестантства (въ этомъ случаѣ не виноватаго), если бы они откровенно высказывались другъ передъ другомъ, и прежде всего попытались бы по крайней мѣрѣ понять другъ друга, если ужъ не лзя согласиться другъ съ другомъ. Но папство менѣе понимаетъ протестантство, — чѣмъ протестанты понимаютъ папство. Не должна ли была римская церковь, если дѣйствительно она Христова Церковь, — идти на встрѣчу блудному сыну, искать его, прощать ему его слабости и безъ усталки отыскивать новыя средства къ примиренію съ нимъ? Въсто того римская церковь обращается только къ отдѣльнымъ протестантамъ и съ угрозами требуетъ, чтобы они возвратились къ ней. Если бы римская церковь оставалась хоть въ какой либо связи (я не говорю о церковномъ союзѣ) съ протестант-

ствомъ, то она потеряла бы много своей неприступной истеричности, а протестантство много бы выиграло от того. Но въ томъ-то и состоитъ проклятіе, тяготящее надъ папствомъ, *проникнутымъ по преимуществу духомъ міра, стремящимся къ владычеству надъ міромъ и осужряющимъ чистую святую церковь*, — что оно въ своей холодной замкнутости все вниманіе обращаетъ на свои вышніе интересы и не имѣетъ того широкаго сердца и безграничнаго великодушія, которое не можетъ снести того, чтобы Лазарь лежалъ у воротъ, чтобы усталый путникъ тщетно блуждалъ кругомъ богатыхъ палатъ. Иѣтъ; у папства душа узкая, бюрократическая (Bürokratenseele): вмѣсто того, чтобы съ пророкомъ стоять на стражѣ и наблюдать *знаменія времени*, она вся высохла надъ горами буллъ и декретовъ.

Слѣдовательно само папство виновато въ томъ, что, кромѣ преданныхъ ему лицъ, — никто терпѣть его не можетъ. И даже этимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугамъ достаются подзатыльники (Stösst es vor den Kopf), если въ головѣ ихъ родится что либо похожее на «собственные мысли». — Православная же Церковь никогда совершенно иначе относилась къ протестантству. Она всегда сильно желала соединить съ собою отпавшія христіанскія общества. Она никогда не уклонялась отъ сближенія съ протестантами, не смотря на то, что она твердо хранила доставшееся ей въ наслѣдіе чистое ученіе. Въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ дѣлаются попытки къ единенію англиканской церкви съ Православною. Хотя послѣдняя очень хорошо знаетъ, что нельзя и думать о соединеніи съ нею двухъ упомянутыхъ епископальныхъ церквей, пока онѣ существуютъ на прежнихъ основаніяхъ; тѣмъ не менѣе не отталкиваетъ протянутой къ ней руки, надѣясь, что, при ближайшемъ обсужденіи дѣла, она распространитъ свѣтъ, истинное разумѣніе и любовь; а при этихъ условіяхъ примиреніе болѣе,

чѣмъ на половину уже достигнуто. Въ нынѣшнюю (*) весну должны прибыть въ Англію многіе замѣчательнѣйшіе богословы Православной Церкви, для того, чтобы положить начало взаимному общенію церквей, т. е. установить со стороны Каѳолической Церкви главныя условія, при которыхъ это общеніе возможно. Православная Церковь могла бы замѣтить англиканской: «оставь свои протестантскія начала, а остальное само собою уладится». Но она знаетъ, что такое повелительное требованіе прежде всего оскорбительно и рѣшается терпѣливо вести дѣло къ сознательному единенію. Она знаетъ, что и заблудшій братъ все таки братъ и нуждается въ снисхожденіи. Она скорѣе согласна руководить его и предоставить ему самому путемъ самосознанія — убѣдиться въ своихъ заблужденіяхъ, чѣмъ поразить его отлученіемъ, и такимъ образомъ оттолкнуть прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ шагъ къ соглашенію. Особенно англиканская церковь питала постоянное и сильное расположенія къ Православной Церкви. Причина такого явленія заключается въ томъ, что въ ней болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ протестантскихъ обществахъ, сохранился отчасти *духъ истинной церкви*. Соединеніе съ Православною Церковью составляетъ любимую тему для ученыхъ англиканской церкви; въ ней есть даже такіе священники, которые (какъ напр. Ниль) сдѣлали изученіе Православной Церкви задачею своей жизни. Въ Православной Церкви, нигдѣ объ ней и для ней такъ много не написано, какъ въ англиканской церкви; и тотъ богословъ будетъ слѣпъ и глухъ, который, изучая англиканскую церковь, не пожелаетъ ближе познакомиться съ знаменитою Православною ея сестрою (**).

(*) Это было писано авторомъ въ 1865 году. Пер.

(**) Авторъ подъ вліяніемъ увлеченія въ пользу англиканской церкви, — слишкомъ далеко простеръ ея близость къ церкви Православной: сестрою англиканская церковь будетъ для Православной тогда, когда станетъ вполне православною. Пер.

И вотъ за что мы особенно должны благословлять протестантство (конечно такъ можетъ говорить только протестантъ), въ формѣ англиканизма: оно освобождаетъ католическаго священника, оставившаго римскую церковь, отъ предразсудочныхъ мнѣній о Православной Церкви, возбуждастъ въ немъ живѣйшее желаніе поближе узнать ее и даже приводитъ его къ ней какъ бы за руку.

Теперь займемся ученіемъ и устройствомъ Православной Церкви. Въ ней мы находимъ несомнѣнно апостольское епископство, но безъ папы во главѣ его, а слѣдовательно и безъ того первенства, которому несправедливо приписываютъ божественное происхожденіе. Ученіе ея и въ настоящее время такое же, *какимъ оно было во времена отпаденія Рима отъ Вселенской Церкви* (*): отеческое (священное) преданіе и постановленія вселенскихъ соборовъ служатъ въ ней основаніемъ вѣры, какъ мы это читаемъ въ Пространномъ русскомъ Катихизисѣ или Православномъ Исповѣданіи Петра Могилы. Даже папство, у котораго есть особенное чутье къ открытію всевозможныхъ ересей, не можетъ найти ни одной ереси въ Православной Церкви, если только оно nebude видѣть ереси (**) въ томъ, что она не признаетъ папскаго первен-

(*) Entretiens d'un sceptique et d'un croyant sur l'Orthodoxie de l'église orientale par Monseigneur Philarete Metropolitain de Moscou, traduit par l'archipetre Soudakoff Paris 1862. (Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной церкви Преосв. Филарета М. Москов., переведенные протоіереемъ Судаковымъ Парижъ 1862). Одну часть этого сочиненія составляетъ критика и опроверженіе сочиненія: Lustrations générales en forme de catéchisme, imprimées par ordre de M. Charles — Joachim Colbert, évêque de Montpellier. (Всеобщія наставленія въ формѣ катихизиса, напечатанныя по приказанію Пр. Карла-Іоакима Епископа Монпелье). Преосвященный Филаретъ раскрываетъ другую сторону нашего положенія, именно, что римская церковь не оохранила ученія, которое имѣла во время раздѣленія церквей.

(**) D. C. T. Hefele: Beitrage zur Kirchengeschichte, Archäologie und Liturgik. 1864, I стр. 432; „Въ Богослуженіи и ученіи греческой церкви не было ни малѣйшихъ измѣненій со времени разрыва ея съ Римомъ и прекращенія съ нимъ единенія. стр. 381: „... относительно догматовъ своихъ русская церковь... постоянно... и непоколебимо пребываетъ въ единомысліи съ тою вселенскою церковью, которая существовала до раздѣленія церквей

ства за божественное учрежденіе. Но не слѣдуетъ ли признать эту церковь безжизненной и окаменѣвшей, на томъ основаніи, что она послѣ отдѣленія отъ нея западной церкви, не созывала уже болѣе вселенскихъ соборовъ, не рѣшается устанавливать и прибавлять къ прежнимъ новые догматы, тогда какъ римская созывала еще цѣлый рядъ своихъ такъ называемыхъ вселенскихъ соборовъ и наплодила много новыхъ догматовъ?? Итъ, великій расколъ, разорвавшій на двѣ половины нераздѣльную доселѣ церковь, поразилъ печалію, какъ и слѣдовало ожидать, Православную Церковь такъ глубоко «что она до сихъ поръ ждетъ возстановленія прежняго единства, — возвращенія къ ней католическаго запада: напротивъ римская церковь играетъ смѣшную и жалкую комедію, созываетъ вселенскіе соборы безъ участія цѣлой половины католическаго міра (*). Гдѣ тутъ истинно — христіанскій образъ дѣйствій? Гордый Римъ утѣшился (**), послѣ своего отдѣленія отъ Восточной

при Фотіѣ и Михаилѣ Керулларіѣ. Она исповѣдуетъ вмѣстѣ съ нами древніе символы вѣры (но безъ *filioque*) и отвергаетъ, какъ и мы, всѣ дрѣпнія ереси... и признаетъ, подобно намъ, восемь (1) первыхъ вселенскихъ соборовъ, которые всѣ, между прочимъ, собирались въ предѣлахъ греческой церкви; къ нимъ она еще присовокупляетъ менѣе уважаемый нами пято-шестой или трульскій 692 года.

(*) Послѣ того, такъ вышеприведенныя строки были уже написаны, я написалъ у преосвященнаго Филарета въ сочиненіи „разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ...“ слѣдующее мѣсто: „Съ тѣхъ поръ, какъ Христіанство раздѣлилось на двѣ не соединенныя доселѣ половины, Вселенскихъ Соборовъ не можетъ быть, доколѣ не послѣдуетъ общаго соединенія. Тридентскій соборъ, на который, по словамъ самаго Тридентскаго символа особенно опирается нынѣшняя римская церковь, есть частный соборъ сея церкви, а не церкви Вселенской.“ Точно также послѣ того, какъ я написалъ указанное выше, я получилъ отъ одного изъ моихъ православныхъ друзей въ Лондонѣ письмо, въ которомъ говорится: „Православно-католическая Церковь, при всей своей чистотѣ и вселенскомъ характерѣ никогда не являла себя с а м о р ѣ н а ю щ е ю, и поэтому, при всемъ своемъ желаніи единенія, никогда не стремилась такъ или иначе сдѣлаться католическою церковію, которая издавна привыкла предписывать всѣмъ свои законы. Эта высокая и мудрая умѣренность въ ея направленіи готова, кажется, сдѣлаться наконецъ очевидною и не оспоримою, какъ ф а к т ѣ, для всею Христіанскаго міра.

(**) Правда папы нѣсколько разъ приглашалъ Восточную Церковь къ соеди-

(1) Подъ осмымъ Всел. Соборомъ Гечеле разумѣтъ Соборъ, бывшій при П. Фотіѣ въ 861 г., иногда называемый Прав. Церковію осмымъ Вселенскимъ или второ-первымъ Соборомъ. Пер.

Церкви и продолжалъ дѣйствовать, какъ будто Вселенская Церковь осталась цѣлою. Но какая же сила сохранила Православную Церковь *невредимою и чистою*, не смотря на то, что реформація (хотя и не прямо) коснулась и ея и, не смотря на то, что въ одной Россіи образовалось и выдѣлилось изъ нѣдръ церкви бо-

ненію; но приглашали повелительнымъ тономъ, т. е. къ покорности и раскаянію. Кистъ въ I гл. стр. 28 и 29 говоритъ: „Замѣчательно во всякомъ случаѣ то, что въ продолженіи всего XII столѣтія римская церковь почти постоянно старалась присоединить и подчинить себѣ греческую церковь. Уже соборъ въ Барѣ (въ Апуліи) въ 1098 г., на которомъ знаменитый Ансельмъ Кентерберійскій игралъ главную роль, собирався съ тою цѣлю, чтобы подчинить папѣ греческую церковь въ южной Италіи. Вскорѣ послѣ того (въ 1113) папа Пасхалій II отправилъ съ тою же цѣлю архіепископа Миланскаго Петра Хризолана къ императору Алексію Комнену въ Константинополь. Тоже самое случилось въ 1135 году, когда прибылъ въ Константинополь Ансельмъ епископъ Гавельбергскій, какъ посланникъ Императора Лотаря и папы Иннокентія II (Ср. Спикера въ „*Illgen's Zeitschrift für hist. Theologie* 1866 II. S. 18 f. f.). Въ 1166 году подобное посольство подало поводъ къ созванію собора при Константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Анхіалѣ; соборъ этотъ, какъ и упомянутыя выше, такъ и вообще многія другія попытки, увеличили только отвращеніе грековъ къ Риму и воспламенили энтузіазмъ ихъ къ защитѣ своего дѣла.“ Когда унія не удалась, тогда Римъ прибѣгнулъ къ другимъ темнымъ средствамъ. Кистъ въ I гл. стр. 29 говоритъ: „Чего доселѣ не удавалось достигнуть дипломатическими средствами; то вздумали завоевать съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ крестовые походы противъ злѣйшихъ враговъ христіанства послужили папству предлогомъ къ подчиненію Восточной церкви! Но хотя въ 1204 году Константинополь завоеванъ былъ Латинянами и стоиалъ подъ ихъ гнетомъ и, казалось, Восточная Имперія готова была погибнуть, греческая церковь осталась по отношенію къ Риму въ то же положеніи, въ какомъ была прежде. Не проливаетъ ли для насъ постыдная исторія пятого крестоваго похода нѣкотораго свѣта на сокровенныя пружины, воспламенившія загадочную русско-турецкую войну 1854 года? И въ 1204 году трудно было рѣшить, торговые ли интересы Венеціи и жажда военной славы Французовъ или, что вѣрнѣе, не дремлющій духъ Рима придали пятому крестовому походу совершенно исключительный характеръ.“ — Стр. 15—16: Пикита епископъ Никомидійскій сказалъ послу папы слѣдующія слова: „Когда папа съ высоты величія своего престола въ Римѣ высокомерно провозглашаетъ свои приказанія намъ и такимъ образомъ хочетъ сверху прихлопнуть насъ и по своему благоусмотрѣнію произносить свой приговоръ надъ нами и нашею церковію, и даже хочетъ властвовать надъ нами, не спрося у насъ на то согласія; то можетъ ли быть рѣчь при этомъ о братской, даже объ отеческой любви? Кто можетъ это снести безъ негодованія? Въ этомъ случаѣ мы, справедливо, носили бы имя рабовъ, а не сыновъ церкви! Если бы неизбѣжно легло на насъ это тягостное иго; то слѣдствіемъ этого было бы то, что только одна римская церковь вволю наслаждалась бы свободою; она одна произвольно налагала бы на всѣ церкви тяжелые законы, не связывая себя ни однимъ закономъ, и была бы для своихъ дѣтей не любящею матерію, но жестокою и властолюбивою рабовладѣ-

лѣе сорока сектъ? (*) Что показываетъ подобное явленіе? Неужели то, что Восточная Церковь безжизненная? Возможно ли было подобное явленіе безъ благодатнаго содѣйствія Св. Духа? То, что называютъ упорствомъ—есть твердая преданность вѣрѣ; такая преданность, продолжающаяся болѣе восьми тяжелыхъ столѣтій, совершенно невозможна безъ чудеснаго заступленія Св. Духа. Эта твердость, преданность вѣрѣ въ Православной Церкви составляетъ загадку; *она не по силамъ человеческой природы*, если не принять того, что непогрѣшимый Духъ Святый пребываетъ въ Православной Церкви. Укажите миѣ чудо большее воскресенія мертвыхъ! Существуетъ одно такое чудо, это въ Православной Церкви—тысячелѣтнее *соблюденіе жизни*—чистой, неизмѣнной Вѣры. Римскіе католики и протестанты соглашались съ тѣмъ, что со времени отдѣленія Рима отъ вселенскаго единства, Православная Вѣра нисколько не измѣнилась. Пусть остановятъ вниманіе только на этомъ достойномъ удивленія фактѣ, и пусть найдутъ другой подобный ему въ исторіи человечества! Самое консервативное общество подчиняется, волею неволею, вліянію и дѣйствию времени. При этомъ

тельницей. Къ чему бы намъ пригодилось въ этомъ случаѣ знаніе Св. Писанія, изученіе наукъ, наставленіе ученыхъ и превосходные уроки мудрецовъ? Власть римскаго папы, которая, какъ вы утверждаете, стоитъ выше всего, дѣлаетъ все это лишнимъ. Онъ въ этомъ случаѣ единственный епископъ! Онъ единственный учитель и наставникъ! Онъ, единственный и добрый пастырь, отвѣчающій предъ Богомъ за всѣхъ вѣрющихъ ему.“ На стр. 51—52: „Эти прекрасныя и сильныя слова Никиты доказываютъ, что духъ греческой церкви тогда еще нисколько не былъ подавленъ, и что мой ученый другъ профессоръ Ульманъ слишкомъ сильно выразился, когда безжизненность и оцѣпененіе греческой церкви противопоставлялъ латинской схоластикѣ. Напротивъ, скорѣе должны возбуждаться въ нашей душѣ чувства удивленія и благодарности при видѣ того, что духъ греческой церкви при столь тяжкихъ обстоятельствахъ оставался и остается въ такой степени живымъ и сильнымъ. Никита произнесъ эти слова въ 1135 году въ богословскомъ спорѣ, въ Константинополѣ, съ посланцемъ папы Анзельмомъ Гавельбергскимъ, который сохранилъ не только свои слова, но и слова Никиты въ своемъ „Dialogum libb. III“ (въ Spicileg. d' Achezy). Высокая похвала, съ которою Анзельмъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ свѣтилъ церкви своего времени, отзывался о Никитѣ, служить честью имъ обоимъ.“

(*) Раскольническихъ толковъ. Пер.

не забудемъ, что Православная Церковь даетъ полную свободу развитію національныхъ церквей: она не знаетъ свойственной папству централизаціи. А при такой свободѣ развитія, что можетъ быть легче и естественнѣе нѣкоторыхъ измѣненій въ несущественныхъ предметахъ? Англія—свободнѣйшая страна въ свѣтѣ, но развѣ царь былъ когда нибудь въ Православной Церкви тѣмъ, чѣмъ королева въ англійской? Далѣе, большая часть Православной Церкви стонетъ подъ варварскимъ игомъ невѣрныхъ. Но что могли сдѣлать невѣрные противъ Вѣры? Правда, варварство распространило невѣжество и грубые нравы; но развѣ Вѣра отъ этого пострадала? Пусть, если могутъ, объяснятъ это явленіе—дѣйствіемъ однихъ человѣческихъ силъ. *Verba docent, facta movent.* (Не въ словѣ дѣло, а въ фактѣ). А вѣдь то, что мы указываемъ—факты, необъяснимые факты. Я еще разъ повторяю: пусть найдутъ что либо подобное въ церковной исторіи! И такъ какъ этого сдѣлать не могутъ; то пусть безъ колебанія примутъ единственно разумное рѣшеніе вопроса. Что касается до упрека въ окаменѣлости (*),

(*) Пихлеръ въ I гл. на стр. 547 говоритъ слѣдующее: „Къ этимъ несправедливымъ упрекамъ принадлежитъ еще постоянно повторяемое замѣчаніе о совершенномъ оцѣпененіи и безжизненности Восточной церкви. Этого нельзя поставить ей въ упрекъ. Птицу, запертую въ желѣзной клеткѣ не упрекаютъ въ томъ, что она, въ неволѣ, не заводитъ своей веселой, привольной пѣсни; что же касается Россіи, то довольно вспомнить только политическое ея положеніе до Петра I, постоянныя междоусобныя войны, голодъ, моровую язву, болѣе, чѣмъ трехъ вѣковое монгольское иго и другія непріятельскія нападенія; развѣ католическія страны, находящіяся въ подобныхъ обстоятельствахъ, представляютъ болѣе благоприятную картину? Не менѣе предыдущей, нельзя постоянно повторяемая фраза, что греческая церковь была виновницею всѣхъ ересей. Въ этомъ ясно обнаруживаются страсти, возбуждаемыя полемикою; люди, которые дѣлаютъ этотъ упрекъ, должны согласиться съ тѣмъ, что самымъ цвѣтущимъ періодомъ исторіи Вселенской церкви было то время, когда римская церковь была еще въ единеніи съ Греческою, что заблужденія привели только къ болѣе глубокому изслѣдованію и познанію истины, и Греки сдѣлали для этого больше всѣхъ; ибо учителя запада питались только тѣмъ, что получали отъ Грековъ и усвоивали себѣ ихъ взглядъ и способъ обработки матеріаловъ, (Döllinger: die Vergangenheit und Gegenwart der katholischen Theologie 1863 стр. 5) и вообще не обнаружили стремленія самостоятельно расширить предѣлы науки.

дѣлаемаго Православной Церкви; то нужно замѣтить, что этимъ упрекомъ думаютъ, обыкновенно, произвести впечатлѣніе на *просвѣщенную публику*. «Застой равносиленъ движенію назадъ, а истина и цивилизація должны идти впередъ въ своемъ развитіи.» Это положеніе вполнѣ можетъ быть приложимо къ тому учрежденію, которое находится въ здоровомъ, нормальномъ состояніи. Но вѣдь бываютъ и такія обстоятельства, при которыхъ охраненіе существующаго порядка вещей является священнымъ долгомъ до тѣхъ поръ, пока снова не даны будутъ условія къ правильному дальнѣйшему развитію. Римская церковь послѣ своего отдѣленія отъ Восточной, вступила на путь *болѣзненнаго* развитія и потому она должна *пройти* весь этотъ путь *обратно* къ точкѣ отправления (т. е. придти въ то состояніе, въ какомъ она была до отдѣленія) для того, чтобы потомъ идти впередъ одною дорогою вмѣстѣ съ своею сестрою Православною Церковью. Впрочемъ, застой въ Православной Церкви простирается только на область *догматическаго ученія* и не касается богословскихъ изслѣдованій и развитія церковной жизни. Не Православная Церковь должна, по справедливости, отвѣчать за то духовное расслабленіе востока, которое столь противоположно свѣжести жизненныхъ силъ западныхъ народовъ. Востокъ впалъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, въ руки варваровъ (въ чемъ виноваты отчасти папскій западъ), превратился въ нравственную пустыню, надъ которой стоитъ мусульманскій полумѣсяцъ. При томъ Православная Церковь бросила зерно, изъ котораго вырастетъ дерево, пмѣющее вскорѣ покрыть всю землю; и не далеко уже то время, когда она узритъ торжество христіанства.— Этого не можетъ сдѣлать церковь, въ которой нѣтъ жизни. Въ греческихъ школахъ народное обученіе образцовое (пишутъ въ Кельнской газетѣ отъ 3 февраля 1865 года въ корреспонденціи изъ Константинополя) и, такъ какъ всѣ расходы на школы покрываются добровольными

приношеніями богатыхъ и церковными суммами; то эти школы доступны и бѣднѣйшему классу. Молодое поколѣніе, даже изъ низшихъ словъ общества, въ огромномъ большинствѣ, грамотно и знаетъ отечественную исторію отъ древнихъ временъ до византійскаго періода»... Въ самомъ дѣлѣ современнымъ Грекамъ нельзя отказать въ образованности и жаждѣ дѣятельности». Конечно, это не вполне кажется согласно съ замѣчаніемъ Деллингера (Kirche und Kirchen стр. 161 и пр.) о «глубокомъ невѣжествѣ (греческаго) духовенства, которое по его мнѣнію, большею частью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ исключенія, не умѣетъ ни читать, ни писать». Тому, кто отдѣляется такими общими мѣстами, не мѣшало бы, по крайней мѣрѣ, предпослать выраженіе: «говорятъ»; или можетъ быть со времени изданія упомянутого сочиненія (1861 г.), т. е. въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, могло произойти столь существенное измѣненіе въ положеніи вещей? Это было бы поразительнымъ признакомъ жизненной силы! Что касается церковной симоніи; то она должна быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ убивающаго духовную жизнь рабства: что же прикажете дѣлать въ томъ случаѣ, когда турецкія власти, продающія церковныя должности, требуютъ денегъ; а ихъ не откуда взять, потому что въ греческой церкви не существуетъ продажи индульгенцій, нѣтъ лепты Святаго Петра? Въ этомъ случаѣ, по необходимости, приходится изобрѣтать другаго рода поборы. Безъ сомнѣнія грустно, что подобный фактъ существуетъ, и мы согласны назвать его злоупотребленіемъ; но пусть только вступитъ на престолъ Византійскихъ Императоровъ Христіанскій Константъ, и мы увидимъ, какъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ существующаго нынѣ варварскаго ига, одно злоупотребленіе будетъ исчезать за другимъ. Конечно, злоупотребленія всегда будутъ существовать, пока церковь будетъ состоять изъ людей; но дѣло въ томъ, что церковь *осуждаетъ* эти злоупотребле-

нія, а это главное; она не принимаетъ участія въ злоупотребленіяхъ, даже въ томъ случаѣ, когда служители ея дѣйствуютъ вопреки ея опредѣленіямъ. Папству лучше бы не трогать этого вопроса; потому что слова «Romae omnia venalia» (въ Римѣ все продажно), даже послѣ предпринятыхъ на Тридентскомъ соборѣ реформъ, не потеряли своего значенія. Въ Римѣ поступаютъ точно также, какъ въ политическихъ реформахъ, при перемѣнѣ системы налоговъ: перемѣняютъ только названія и статьи налоговъ, а все таки приходится платить столько же, сколько и прежде; потому что министру финансовъ нужно же покрыть свой бюджетъ. За мшу у папистовъ не платятъ, но платятъ священнику за то, что онъ одѣвается, идетъ въ церковь (тогда богослуженіе совершается даромъ) и возвращается домой. Что за цѣлѣвые софизмы и словонзверженія! Подобныя вещи справедливо называются іезуитствомъ (*). Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли греческая богословская наука, послѣ отдѣленія Рима, находилась въ безпомощномъ положеніи. Курцъ, работающій въ Православной Россіи (Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte Mitau 1854 т. I § 358) говоритъ: «Если мы не будемъ требовать невозможнаго и не будемъ измѣрять данную эпоху на свой аршинъ; то мы должны удивляться тому цвѣтущему состоянію учености, которое началось съ половины IX столѣтія (слѣдовательно, именно, со времени Фотія) и продолжалось въ теченіи шести столѣтій, не смотря на всѣ крайне неблагопріятныя обстоятельства. Исторія развитія этой учености *далеко еще не выяснена*. Быстрое ея появленіе и непоколебимая сила ея принадлежать еще почти къ области историческихъ загадокъ». (II во 2-мъ замѣчаніи): «Памятники средневѣковой византійской письменности, за исключеніемъ историческихъ, *большую частью еще не напечатаны*. Но въ самомъ большемъ пре-

(*) Ср. Code des Jesuites. Cleves 1845 стр. 71.

небреженіи находится въ этомъ отношеніи, *весьма богатая богословская литература*. Не дѣйствительное или мнимое отсутствіе достоинствъ въ этой литературѣ было причиною пренебреженія къ ней, а скорѣе то чувство нерасположенія къ латинской церкви, которое высказывали почти всѣ ученые богословы (греческіе) со временъ Фотія, выставляя на позоръ римское папство. Величайшимъ знатокомъ этой литературы былъ совращенный въ латинство — грекъ Левъ Алляцій († въ 1669 г.) (*), онъ оказалъ ей громадныя заслуги своими учеными изслѣдованіями и изданіями. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и другіе латинскіе богословы посвящали свои ученые труды почти исключительно тѣмъ греческимъ писателямъ, которые расположены были въ пользу уніи. А изданіе враждебныхъ уніи сочиненій почти исключительно принадлежитъ протестантамъ. Новѣйшія изслѣдованія и труды въ этой области науки Тафеля, Ульмана и Гаса дѣлаютъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ *существованіе еще многихъ другихъ сокровищъ, лежащихъ подъ спудомъ, которыя вполне заслуживаютъ ученой разработки.*» Кнестъ (въ I гл. на стр. 43—45) говоритъ: «Дѣйствительно трудно съ полною безошибочностію судить о средневѣковой литературѣ греческой церкви, которая остается никому неизвѣстною до настоящаго времени (см. Baumgarten Crusius: Jahrbuch der Dogmengeschichte I т. стр. 521). Но несомнѣннымъ доказательствомъ того, что въ греческой церкви сохранился свѣтъ древней науки и учености, на всегда останется тотъ фактъ, что именно греки, частью послѣ паденія Константинополя, зажгли этотъ свѣтъ въ

(*) Пихлеръ (въ I гл. на стр. 511) говоритъ: „Между членами этой (греческой) коллегіи въ Римѣ, первое мѣсто занимаетъ Левъ Алляцій; но нельзя оправдать того способа, какимъ онъ выражалъ свою благодарность Риму, совращая въ латинство своихъ единовѣрцовъ: нерѣдко онъ сознательно лгалъ, пользуясь неувѣжествомъ грековъ; онъ замѣчаетъ, что грековъ, возвращавшихся на родину изъ греческой коллегіи въ Римѣ, встрѣчали всегда съ подозрѣніемъ, а иногда и того хуже“.

латинской церкви». Затѣмъ авторъ перечисляетъ нѣсколько такихъ представителей греческаго просвѣщенія. Онъ отвергаетъ параллель, проведенную Ульманомъ между греческою и латинскою схоластикою и мистикою; такъ какъ и та и другая были продуктами германской, а не римской жизни, и продолжаетъ: «Латинская церковь не была матерью ихъ (мистики и схоластики); она была скорѣе кормилицею ихъ, чтобы не сказать повивальною бабкою. Лучшее всего дѣло объясняется примѣромъ курицы, которая высидѣвши утиныя яйца, со страхомъ и ужасомъ видитъ, что мнимые ея дѣтеныши отправляются въ воду. Потому, мнѣ кажется, въ этой параллели нѣтъ исторической вѣрности; и сверхъ того несправедливо ожидать отъ Грековъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, томящихся подъ желѣзнымъ игомъ турокъ, того, что могли произвести всего одинъ разъ ново-европейскіе народы и при томъ въ героическомъ періодѣ своей исторіи и въ первомъ порывѣ своихъ силъ».

Теперь выслушаемъ предзанятое сужденіе *Деллингера* (*Kirche und Kirchen* 1862 г. стр. 7-я и пр.). «Въ противоположность возбужденной жизни, юношеской свѣжести и избытку силъ запада, греческая церковь съ XII столѣтія обнаруживала ту старческую неподвижность, то высокомѣрное упрямство, которыя не способны ни чему научиться и потому столько же безплодны, сколько и немощны для того, чтобы улучшить внутреннія ея дѣла, пришедшія въ крайній упадокъ. Какъ развѣнчанный властелинъ, или, какъ лишенный своего имущества владѣлецъ, Византія смотрѣла на Римъ и на безпокойное движеніе латинскаго полу—или вполнѣ варварскаго міра». Нельзя предполагать въ *Деллингера* *незнанія*; не хочется думать, что онъ *умышленно искажаетъ факты*, по этому остается только допустить, что онъ (какъ многіе римскіе католики) создалъ въ своемъ умѣ и сердцѣ, *извѣстный неисторическій образъ*, противъ котораго и ра-

тоборствуетъ. Впрочемъ я полагаю, что добросовѣстный историкъ, вступая въ такую научную область, источники которой еще неизслѣдованы, долженъ былъ бы поудержаться отъ произнесенія приговора, и не ставить на карту, слишкомъ опрометчивыми сужденіями, своей научной репутаціи и самаго высокаго достоинства историческаго изслѣдованія — безпристрастія *Φιλέρα γὰρ ὅτι τοὺς ἐροῦντας ἢ ἀλλήλους*. И Деллингеръ придетъ къ болѣе здравому образу мыслей, если приметъ къ сердцу слова своего юнаго товарища по наукѣ Пихлера (I. гл. стр. 550). Нужно начать дѣло съ того, что католики должны заняться изученіемъ восточныхъ церквей болѣе, чѣмъ они дѣлали это до сихъ поръ.

Но и къ православнымъ слѣдуетъ здѣсь обратиться съ серьезнымъ увѣщаніемъ. Откройте наконецъ ваши вспомогательные источники; общите ваши монастыри и библіотеки; покажите свѣту все, что сдѣлали вы великаго и могучаго для охраненія вѣры, выберите молодыхъ, способныхъ и энергичныхъ людей, которые съ неутомимымъ усердіемъ изслѣдовали бы древнія неизвѣстныя сочиненія, издавали бы и переводили рукописи и *воздѣлывали бы историческую почву*; потому что только на ней одной можно успѣшно вести и окончить древнюю брань. Конечно не слѣдуетъ забывать, какъ обширно поприще душевнасительной дѣятельности Православной Церкви, какъ мало было тружениковъ на немъ: приходилось заботиться только о предметахъ первой важности и все таки не оставалось силъ, которыя могли бы потрудиться надъ историческими изслѣдованіями. Но, благодареніе Богу, времена настали другія; — пробуждается юная жизнь, (*) и она силится вы-

(*) Гегеле: *Beiträge* 1864 I. т. стр. 387: „молодые люди въ русскомъ духовенствѣ прокладываютъ новый путь; ихъ направленіе можно назвать — п а т р и с т и ч е с к и м ъ (1). Древніе греческіе отцы церкви служатъ для нихъ главнымъ предметомъ занятій и главнымъ средствомъ къ духовному образованію; они почер-

полнить то, чего нельзя было сдѣлать подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Мы знаемъ, что въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ сохранились такія творенія отцовъ, которыя въ подлинникахъ уже болѣе не существуютъ (напр. Ефрема Сиріина). Какъ удивились всѣ, когда Тишендорфъ издалъ синайскій манускриптъ Библии! Мы удивляемся знаменитой библіотекѣ Фотія, а забываемъ при этомъ, что на Афонской горѣ, въ Константинополѣ, Москвѣ и Кіевѣ найдутся, быть можетъ, многія изъ 279-ти сочиненій, упоминаемыхъ Фотіемъ и которыя мы считаемъ погибшими; мы не говоримъ уже о позднѣйшихъ сочиненіяхъ, которыя могутъ быть не менѣе важны. Все это, конечно, одни надежды, но надежды, основанныя на фактическихъ данныхъ. Опасно произносить рѣшительный приговоръ надъ тѣмъ, что сдѣлано въ тысячелѣтній періодъ и что болѣею частію остается до настоящаго времени въ неизвѣстности. Какое понятіе напр, мы могли имѣть о сирійской церкви до драгоцѣнныхъ научныхъ открытій Ассеманія? И какъ много наше понятіе объ ней выяснилось, благодаря тѣмъ истрійскимъ сокровищамъ, которыя находятся въ британскомъ музеѣ, которыя по частямъ обнародованы были незабвеннымъ Д-ромъ Кюртономъ (Cureton), Д-ромъ Ли (Lee), Де Лагарди и Пэйнъ-Смитомъ (Payne Smith). Творенія Евсевія, Св. Аѳанасія, Кипрелла Александрійскаго были значительно пополнены, — открыты сочиненія Іоанна Ефесскаго; въ скоромъ времени и сочиненія Св. Ефрема будутъ значительно пополнены; а сочиненія епископа Едесскаго Рабулы, равно какъ и

паютъ изъ этого источника теплую любовь и привязанность къ древнимъ догматамъ и учрежденіямъ.

(1) Подъ этимъ направленіемъ авторъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ направленіе нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ отводится почетное мѣсто переводамъ Св. отцевъ церкви, таковы напр. Творенія Св. отцевъ, Прав. Обзоріе, Труды Кіев. Д. академіи, Христ. Чтеніе. Пер.

Балея впервые войдутъ въ отеческую литературу (*). Такимъ образомъ изученіе Рабулы наконецъ откроетъ намъ связь между Св. Кирилломъ (Александрійскимъ) и востокомъ. Если Богъ поможетъ, то разработаются со временемъ и сочиненія Епископа Маруѣ Тагритскаго и монофизитскіе акты разбойничьяго собора, бывшаго въ Ефесѣ, въ которыхъ находятся свѣдѣнія объ Іѡвѣ Эдесскомъ. Равнымъ образомъ и сочиненія знаменитаго учителя сирійской церкви, плодовитаго и классическаго писателя Іакова Саругскаго, о которомъ еще почти ничего не напечатано, быть можетъ, со временемъ будутъ обнародованы добросовѣстнымъ Сирійцемъ Д-ромъ В. Врейтомъ (Wright). Какъ славно пополняется одинъ пробѣлъ за другимъ въ исторіи сирійской церкви, о которой нѣсколько столѣтій тому назадъ никто и не помышлялъ! Какая умственная жизнь, какая степень образованія! Мы этого и неподозрѣвали! И три извѣстныхъ монофизита Бархебрей (Абульфараць), Діонисій *Тельмахарійскій* и Іоаннъ Ефескій точно также намъ весьма полезны, ut audiat et altera pars. —

А много ли было сдѣлано для изученія армянской церкви, прежде, чѣмъ знаменитые мекхитаристы открыли на Сѣнъ — Лазарѣ ея сокровища? Кромѣ символическихъ книгъ армянской церкви и сочиненій Моисея Хоренскаго, мы не знали объ ней почти ничего замѣчательнаго. А теперь извѣстенъ намъ цѣлый рядъ знаменитыхъ историковъ и богослововъ и въ нашемъ распоряженіи такія коллекціи сочиненій объ этой церкви, при которыхъ не остается желать ничего лучшаго. И лица, не принадлежащія къ армянской церкви, каковы Сѣнъ-Мартенъ (St. Martin), Ле-Вальянъ-

(*) См. мое сочиненіе, которое въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ и почти уже напечатано въ типографіи Оксфордскаго университета. S. Ephremi Syri, Rabulae episcopi Edesseni et Balaei Opera hucusque inedita. E codicibus Syriacis antiquissimis Musei Britannici Londinensis et Bibliothecae Bodleyanae Oxoniensis nunc primum edidit. J. I. Ouerbeck.

де-Флориваль (le Vaillant de Florival) Капеллетти, мой уважаемый учитель проф. I. Петерманъ, Нейманъ, Ф. Виндишманъ, Вельте и другіе воздѣлывали также эту благодарную почву. Къ сожалѣнію, еще очень мало сдѣлано для выясненія связи между сирійскою и армянскою церквами: извѣстно, что Низивійская школа долгое время была средоточіемъ (*) духовной науки для обѣихъ этихъ церквей.

Относительно замѣчаній Деллингера о Русской Церкви (Kirche und Kirchen стр. 175 и пр.) должно сказать, что если читать ихъ, то лишь развѣ для того, чтобы убѣдиться въ его заблужденіяхъ; трудно представить себѣ болѣе пристрастныя преувеличенія; къ тому же они соединены еще у Деллингера съ саркастическими выходками крайне неумѣстными при обсужденіи столь серьезнаго дѣла, такъ что чувство приличія побуждало бы оставить ихъ безъ разбора; но чувство правоты и безпристрастія располагаетъ не умалчивать объ этихъ нареканіяхъ, явно обличающихъ неевангельскій тонъ церкви, къ которой принадлежит г. Деллигеръ.

«Она (русская церковь), говоритъ Деллигеръ, до такой степени лишена всякой самостоятельности въ своей жизни, всякой свободы въ своемъ органическомъ развитіи, что едва ли найдется въ христіанской исторіи другой подобный ей примѣръ».

Всѣ эти общія мѣста разлагаются на слѣдующіе частные пункты:

«(въ ней) *Нѣтъ соборовъ*».

Дѣйствительно Вселенскихъ соборовъ въ Православной церкви не бываетъ; это нами было указано и объяснено въ началѣ настоящей главы. А созывать времен-

(*) Возстановленіе единенія съ армянскою церковью должно быть священнымъ долгомъ Православной церкви: армяне нисколько не монофизиты и нѣтъ изъ Православная. Уже старикъ Шредеръ старался доказать это, а въ новейшее время это доказывается въ интересной брошюрѣ: Histoire, dogmes, traditions et liturgie de l' Eglise Armenienne Orientale. Paris 1855 г.

ные, областные соборы Русская Церковь не видитъ никакой надобности, имѣя постоянный соборъ, именно Святѣйшій Синодъ, на которомъ Епископы засѣдаютъ по очереди. (*) П.

«Нѣтъ совѣщаній духовенства».

Неправда! «Русское духовенство, особенно въ настоящее время, собирается для дружескихъ разсужденій и собирается не по официальному приказу, а по своей доброй волѣ. Кто утверждаетъ противное, тотъ *не имѣетъ понятія* о современномъ положеніи русскаго духовенства». П.

«Нѣтъ совместнаго дѣйствія духовенства и мірянъ».

Деллингерь, вѣроятно здѣсь разумѣетъ братства и по преимуществу католическія братства (Verein)? — Такія братства въ которыхъ духовенство и міряне дѣйствуютъ съ обща, *существуютъ* и въ русской церкви. П. — Впрочемъ Деллингеру вѣроятно извѣстно, какъ заботятся въ Римѣ объ этихъ свободныхъ обществахъ. Папа Пій IX достаточно ясно выразился на счетъ этого въ своемъ посланіи къ архіепископу Мюнхенъ-Фрейзингенскому, отъ 21 Декабря 1863 года. Такія свободныя общества болѣе сообразны съ духомъ Православной, чѣмъ малодушной (engherzig) римской церкви.

«Нѣтъ центровъ церковной науки и образованія».

Значитъ Деллингеру они неизвѣстны?! Но они все

(*) Мой уважаемый другъ, священникъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ о. Евгений Поповъ, къ которому я обращался за разъясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, сообщилъ мнѣ много драгоцѣнныхъ свѣденій, которыя я буду означать буквою П. А в т. При открывавшейся нуждѣ были и временныя, областные Соборы. Пер.

такі существуютъ. «Это *Духовныя Академіи* въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани, куда, по экзамену, поступаютъ лучшіе семинаристы и гдѣ они приготавливаются къ занятію духовныхъ должностей. А Семинаріи существуютъ въ каждомъ губернскомъ городѣ. Кромѣ того, въ каждомъ почти уѣздномъ городѣ есть духовное училище. Такъ напр. въ Ярославлѣ главномъ городѣ губерніи тогоже имени, существуетъ семинарія. Въ этой губерніи десять уѣздныхъ городовъ и въ каждомъ (?) изъ нихъ духовное училище. Кромѣ того существуютъ еще частныя духовныя училища, открываемыя духовенствомъ». П.

«Нѣтъ свободнаго обмѣна мыслей посредствомъ литературныхъ органовъ»

Вѣроятно Деллинггеръ не написалъ бы этого теперь, такъ какъ «*La Russie orthodoxe et protestante par Fréd. de Rougemont Genève 1863 (стр. 59)*» поименовываетъ *двѣнадцать духовныхъ журналовъ* (ежемесячно и еженедѣльно выходящихъ въ свѣтъ) *и періодическихъ изданій*, изъ которыхъ «Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ даже ежедневно. (?) О. Поповъ указалъ мнѣ слѣдующіе *шестнадцать духовныхъ органовъ*: въ Петербургѣ: 1) «Христіанское Чтеніе,» 2) «Духовная Бесѣда» 3) «Духъ христіанина», 4) «Странникъ», 5) «Домашняя бесѣда», 6) «Чтеніе для дѣтей»; въ Москвѣ: 7) «Путеводитель вѣрующаго», (?) 8) «Творенія Святыхъ отцовъ» съ «привавленіями» 9) «Православное обозрѣніе; 10) «Душеполезное чтеніе», 11) «Евангелистъ» (?) *и еще нѣсколько названій*, которыхъ я не помню; въ Кіевѣ: 12) «Воскресное чтеніе», 13) «Руководство для сельскихъ пастырей», 14) «Труды Кіевской Духовной академіи»; въ Казани: 15) «Православный Собесѣдникъ»; въ Ригѣ: 16) «Училище благодѣтія, на русскомъ, латышскомъ и эстскомъ языкахъ. Кромѣ того имѣется еще много *епархіальныхъ вѣдомостей*».

«Посредствомъ духовной литературы»,

Деллингеру не трудно было бы познакомиться съ русской духовной литературой, еслибы онъ заглянулъ въ «списокъ писателей духовнаго чина», покойнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго. Онъ убѣдился бы, что въ Россіи Богословіе во *всѣхъ отрасляхъ* имѣетъ достойныхъ своихъ представителей. Или же ему слѣдовало по крайней мѣрѣ познакомиться съ «Богословскою Христоматіею» А. Невскаго, и тогда онъ увидѣлъ бы, что одинъ голый перечень именъ авторовъ наполнилъ бы порядочную книжку. Правда, — русскіе пишутъ на своемъ языкѣ и не будутъ для Деллингера писать свои сочиненія на латинскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ. Если же Деллингеръ хочетъ не только составить себѣ понятіе о духовной русской литературѣ, но и произнести объ ней свое сужденіе, — въ такомъ случаѣ прежде всего онъ долженъ выучиться русскому языку, и никакъ не долженъ думать, что то, чего онъ не знаетъ, уже по самому и не существуетъ. Книстъ въ I гл. на стр. 58 приводитъ поименно съ 1722 г. четырнадцать замѣчательныхъ русскихъ богослововъ и продолжаетъ: «Жаль только, что сочиненія этихъ, равно какъ и многихъ другихъ русскихъ писателей, до настоящаго времени совѣмъ или болѣе частью незнакомы тѣмъ, которые на западѣ писали о греческой церкви». Это-то именно и случилось съ Августин (стр. 60) «который писалъ противъ греческой и въ защиту римской церкви и не могъ сослаться ни на одного греческаго или русскаго писателя новѣйшаго времени», но основывается на изслѣдованіяхъ О. Смита, изданныхъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Гегеле въ своихъ: «Beiträge» въ I гл. стр. 371 говоритъ о Кіевской Духовной академіи, основанной Петромъ Могилою, изъ которой вышло «много полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ уніи».. Извѣстны эти сочиненія западнымъ ученымъ?

«Таковая (духовная литература) въ Россіи не существуетъ и не должна существовать».

Мы это только что видѣли!

«Отсюда слѣдуетъ»,

Изъ доказаннаго познанія дѣла?

«Что и въ самой церкви нѣтъ общественнаго мнѣнія, нѣтъ направленія».

Когда взяты ложныя посылки, то естественно, въ заключеніи можно, сколько угодно, говорить нѣтъ и нѣтъ! Но тѣмъ неменѣе разсмотримъ эти слова поближе. Имѣютъ ли они какой либо смыслъ? Въ государствѣ общественное мнѣніе дѣйствительно составляетъ великую силу или вѣриѣе — насиліе, потому что оно производитъ насильственное преобладаніе большинства. По этому Пій въ своихъ энцикликахъ не очень то хвалитъ *publicam, quam dicunt, opinionem* (такъ называемое общественное мнѣніе) — и мы думаемъ, что онъ совершенно правъ; потому что горсть демагоговъ въ состояніи перемѣнить *aurea popularis* (мнѣніе массы). Что же касается «общественнаго мнѣнія» въ церкви, то право я не знаю, что это такое. Народъ долженъ думать, чувствовать и жить по правиламъ Каѳолической Церкви — вотъ и все; и этому Русская Церковь учитъ точно также, какъ и римская. Гефеле (въ «*Beiträge*» т. I стр. 389) говоритъ, что русскіе «вообще народъ необыкновенно религиозный и привязанный къ своей вѣрѣ, всею душою преданный своей церкви.» А можетъ быть подъ «общественнымъ преобладающимъ мнѣніемъ» разумѣется настроеніе Христіанскихъ умовъ въ извѣстное время, какъ напр. было при бл. Іеронимѣ, который удивлялся тому, что весь почти міръ сталъ аріанскимъ?! Да сохранитъ Господь Православную Церковь отъ такого общественнаго мнѣнія! Или, можетъ быть, «общественное мнѣніе» — есть только пустая, безсодержательная газетная фраза?!

«Нельзя сказать, что русское духовенство когда нибудь стремилось къ определенной, ясно изъ сознанный или по крайней мѣрѣ инстинктивно ощущаемой цѣли, или что въ немъ была органическая жизнь».

Разумѣется, нельзя говорить о томъ, чего не знаешь. Если Деллингеръ познакомится съ Русскою духовною литературою, то онъ убѣдится, что «сохраненіе и изученіе чистой католической Вѣры» и стремленіе къ «святой жизни по этой Вѣрѣ» составляютъ двѣ ясно сознанныя цѣли русскаго духовенства. Развѣ это не органическая жизнь?

«Епископъ и подчиненное ему духовенство раздѣлены между собою широкою, непроходимую пропастью».

Во всякомъ случаѣ отношенія между епископами и подчиненнымъ имъ духовенствомъ въ настоящее время такъ близки, что не оставляютъ желать ничего лучшаго. П. (*).

«Епископомъ бываетъ большею частью пожилой монахъ. Онъ провелъ всю свою жизнь въ кельи, и потому совершенно не знакомъ съ мірскими дѣлами и съ дѣлами управленія; между тѣмъ, по царской волѣ, вдругъ возводится на епископскую кафедру; при чемъ обращается пре-

(*) По самому служенію, по самымъ отношеніямъ это раздѣленіе и не могло существовать между епископомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, которые непрерывно должны другъ къ другу обращаться. Не называетъ ли Деллингеръ раздѣленіемъ то уваженіе, которое питаетъ низшая іерархія къ своимъ архипастырямъ и тотъ уединенный болѣею частію бытъ, который и свойственъ епископу-деппоноцному труженнику по управленію. По архипастыри и у себя привѣтливо принимали и принимаютъ подчиненное имъ духовенство, и сами ласково посѣщали и посѣщаютъ и дома духовенства, только безъ фамиліарности здѣсь и безъ популярничанья, такъ несвойственныхъ высокому священному, и при томъ монашескому сану. Пер.

имущественное вниманіе на внѣшнія качества (красивую бороду, высокій ростъ и сановитость). Онъ знаетъ только двѣ главныя обязанности: преданность Государю и безусловное повиновеніе Его волѣ, затѣмъ заботливое попеченіе о торжественности богослуженія.»

Такое изображеніе дѣла не нуждается въ комментаріяхъ. Если насмѣшкой хотятъ оклеветать какое-либо дѣло; то она должна быть по крайней мѣрѣ остроумнѣе, иначе она произведетъ совершенно противное дѣйствіе (*).

Мы видѣли, что до сихъ поръ Деллингеръ не сказалъ почти ни одного слова правды. По этому мы теперь выставимъ нѣкоторые другіе обвинительные пункты, требующіе опроверженія.

«Консисторіи извѣстны своею продажностію и симоніею.»

«Мелкіе чиновники консисторій, особенно прежде, получая ничтожное жалованье, восполняли этотъ недостатокъ подарками, даваемыми отъ просителей; впрочемъ, сущность дѣла отъ этого не терпѣла; но въ настоящее время это существенно измѣнено». П. При томъ, въ какомъ вѣроисповѣданіи нѣтъ нареканія на консисторіи за этотъ порокъ? Особенно при этомъ не мѣшаетъ вспомнить, что значить въ Римѣ «la buona mano» (щедрая рука). Лепту Св. Петра даютъ *добровольно* (?), но недавно меня не впустили въ католическую церковь Св. Маріи въ Лон-

(**) Въ Православной Греко-Россійской Ц. въ епископы поставляются не по лѣтамъ, а по достоинству, поставялись и поставяются и молодые даже не свыше 30 лѣтъ, и вообще поставляются не старые возрастомъ, кромѣ весьма немногихъ случаевъ; преданность Благочестивѣйшему Государю есть долгъ присягивангелъскій, по ученію Настыреначальника Іисуса Христа, и по сознанію, что виды благочестивѣйшихъ Государей всегда направлены къ преуспѣянію Св. Церкви и къ благосостоянію народа; торжественность богослуженія Православной Церкви соотвѣтствуетъ ея духу и истинности, и не есть безсодержательная и театральная, какова торжественность богослуженія римской церкви. Пер.

донѣ; потому что я не хотѣлъ заплатить лепты Святаго Петра.

«Между епископами нѣтъ внутренней связи и содѣйствія другъ другу.»

«Между епископами существуютъ весьма дружелюбныя и тѣсныя отношенія» (*). II.

«Бѣлое духовенство борется съ нуждою и бѣдностью.»

«Въ новѣйшее время большая часть сельскаго духовенства стала получать добавочное жалованье отъ Правительства, такъ что положеніе его значительно улучшилось» (**). II.

«Въ русской церкви нѣтъ проповѣди.»

Русское богослуженіе дѣйствительно не наполняется одною проповѣдью, какъ это бываетъ у протестантовъ. За то богатая символами Литургія уже сама по себѣ краснорѣчивая проповѣдь. Ср. «Письма о богослуженіи Восточной церкви» Андрея Николаевича Муравьева (переведены на нѣмецкій языкъ Д-ромъ Едв. фонъ-Муральтомъ. Лейпцигъ 1838 г.).—«Проповѣди все таки говорятся чаще, чѣмъ Деллингеръ думаетъ; потому что каждый священникъ обязанъ говорить проповѣдь, по крайней мѣрѣ десять разъ (?!) въ году въ присутствіи епископа» (***). II.

«Нѣтъ въ рукахъ народа молитвенниковъ и правоучительныхъ сочиненій.»

«Въ Россіи существуютъ отличныя и весьма деше-

(*) Большая часть между ними: земляки, соученики, сослуживцы и т. п., и поддерживаютъ между собою живыя и искреннія сношенія, какъ вообще, такъ особенно въ обмѣнъ мыслей по своему служенію. Пер.

(**) Къ сказанному присоюкупить можно, что нужда и бѣдность духовенства не служатъ признакомъ безжизненности церкви; какъ ни желательна обезпеченіе быта духовенства содержаніемъ, достаточнымъ для безпрепятственности его служенія: но Христосъ и Апостолы не нуждыли и бѣдность предрекали своимъ истиннымъ послѣдователямъ?! . Пер.

(***) II непременно говорятся тамъ и тогда, гдѣ и когда это нужно. Пер.

выя изданія молитвенниковъ, которыя точно также, какъ и Новый Завѣтъ, вообще распространены въ народѣ. Нравоучительныя сочиненія и житія святыхъ составляютъ любимѣйшее чтеніе народа». II.

Что касается нравственности русскаго духовенства и платы за исповѣдь, то я приведу одно мѣсто изъ сочиненія Ф. де-Ружмона «La Russie Orthodoxe et protestante. 1863 г. стр. 19:» D'après le témoignage même d'un prêtre catholique-romain, Possevin, surnommé le Marteau des hérétiques... les mœurs du clergé séculier et régulier étaient, irréprochables, «et l'absolution se donnait gratuitement; on en aurait même envisagé la vente comme un grand crime.» (По свидѣтельству даже одного римско-католическаго священника, Поссевина, который прозывается молотомъ на еретиковъ... нравы бѣлаго и монашествующаго духовенства (въ Россіи) безупречны и разрѣшеніе на исповѣди дается даромъ; считаютъ даже великимъ грѣхомъ брать плату). Впрочемъ въ русскомъ духовенствѣ есть, какъ и вездѣ, хорошіе и дурные люди. А что касается до платы за исповѣдь, то она существуетъ и въ римской церкви и даже гораздо въ большемъ употребленіи въ ней, чѣмъ какъ представляетъ это Деллингеръ. По моему мнѣнію, ни за одно священнодѣйствіе не слѣдуетъ брать платы (*), ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ, а необходимо давать священнику содержаніе отъ прихода или изъ церковныхъ суммъ.

Упрекъ, что у русскихъ народность и церковь тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, конечно справедливъ, потому что это дѣйствительно такъ; но это слѣдуетъ ставить не въ упрекъ, а въ заслугу. Для насъ бѣдныхъ нѣмцевъ весьма прискорбно, что наше національное чувство связывается съ отвлеченнымъ (**) понятіемъ: «Герма-

(*) Въ нашей церкви существуетъ узаконеніе (указъ Св. Синода 1844), по которому причты, получающіе жалованье, обязаны совершать таинственные священнодѣйствія и требы, напр. погребеніе усопшихъ — безплатно. Пер.

(**) Это можно было сказать до Садовской битвы. Пер.

нія». II этотъ сборъ разнородныхъ составныхъ частей не имѣетъ и религіознаго единства. Первымъ условіемъ единства Германіи будетъ *религіозное единство*. Какъ прекрасно было бы, если бы вся Германія была католическою, соединенною подъ скипетромъ католическаго государя (при этомъ, конечно, необходимо, чтобы она не имѣла надобности коситься на Римъ); если бы религія и свѣтская власть опирались другъ на друга и взаимно проникались другъ другомъ, такъ, чтобы государь былъ настоящимъ государемъ—Божіею милостію; если бы народъ смотрѣлъ съ религіозною преданностію на государя, а государь съ чувствомъ религіозной привязанности относился бы къ народу! Мы охотно согласимся съ тѣмъ, что Россія страдаетъ многими недостатками и нуждается еще во многихъ реформахъ (*), но она *религіозное государство*—и это ея преимущество. Государство съ любовью поддерживаетъ Вѣру, Вѣра съ любовью поддерживаетъ государство и интересы ихъ сливаются во едино. У Франціи сильно развито національное чувство, но она утверждаетъ не на религіи, а на *слави*! Англія имѣетъ также не менѣе развитое національное чувство, но она утверждаетъ не на религіи, а на *свободѣ*! Россія же утверждаетъ на Вѣрѣ, и потому ее ожидаетъ великая будущность.

Заключая этимъ нашу критику, замѣтимъ, что мы все таки считаемъ Деллингера *первымъ церковнымъ историкомъ* въ западной, римской церкви. Но видно и почтенные даже люди въ римской церкви до того увлекаются свойственною ей *враждебностію* къ Православной Церкви, что позволяютъ себѣ говорить ложь, которая должна возмущать ихъ до глубины души. Предразсудки, переходя такимъ образомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаются наконецъ ходячими преданіями. Дел-

(*) Нужда эта щедро удовлетворяется благополучно Царствующимъ въ Россіи МОНАРХОМЪ. Пер.

лингеръ—лучшій историкъ своей церкви; почему мы и считали себя обязанными обратить на него особенное вниманіе. А Пихлеру нельзя вполнѣ надѣяться за то, что онъ, среди окружающихъ его предразсудковъ, сохранилъ въ себѣ безпристрастное мнѣніе. Онъ не панегиристъ Православной Церкви, а борецъ за *истину* и *правду*, почему справедливо можетъ презирать нападающихъ на него злорѣчивыхъ критиковъ.

Естественно, что Деллингеръ, по своему предзанятому взгляду, едва ли можетъ вѣрить въ лучшую будущность Русской Церкви. Замѣчательно однако, что къ православныхъ церквамъ, существующимъ въ Турціи и Греціи, не имѣющимъ, между тѣмъ, ни какихъ преимуществъ предъ Русскою Церковью онъ болѣе расположенъ; онъ говоритъ въ I гл. на стр. 163: «Нельзя отрицать, что для церкви, находящейся въ Турецкой Имперіи, предстоить блестящая будущность» и на стр. 169: «и Эллинскую церковь ожидаетъ будущность богатая надеждами». А мы соглашаемся съ Кнстомъ (въ I гл. на стр. 18 и слѣд), который пишетъ: «Православная Церковь и обширная Россійская Имперія находятся въ самой тѣсной взаимной связи. Изъ этого одного уже достаточно видно, какъ велико настоящее и будущее назначеніе этой церкви: она получила отъ Бога призваніе распространять между гражданами неизмѣримого государства блага какъ Христіанской Вѣры, такъ и просвѣщенія и развитія. По этому она, занимая столь почетное мѣсто, должна оказывать самое рѣшительное вліяніе на всю будущность и развитіе государства, на его судьбы и отношенія къ другимъ народамъ. Обращая наше вниманіе на современное положеніе Русскаго Государства, на необыкновенное разширеніе его предѣловъ, на его могущество, полновѣсное вліяніе въ дѣлахъ европейской политики, въ особенности же на его воспримчивость къ дальнѣйшему развитію, — съ удивленіемъ мы

увидимъ, какъ постепенно будутъ возникать все болѣе и болѣе важныя послѣдствія для политическихъ и религіозныхъ судебъ нашей части свѣта отъ тѣснаго союза между Православною Церковью и Русскимъ Государствомъ Достаточно намекнуть на это, а развивать это дѣло подробнѣе кажется лишнимъ. И все это для всѣхъ народовъ Европы весьма отрадное явленіе: въ обширной Россіи господствуетъ и процвѣтаетъ одна Вѣра, одна Церковь, независимая отъ такъ называемаго намѣстника Христа и огражденная отъ іезуитскихъ пропековъ. Это такая Церковь, которая не страдаетъ ненасытною страстью — подчинить весь христіанскій міръ своей власти; проникнутая духомъ терпимости, она ищетъ не своихъ — си; а заботится о святомъ дѣлѣ распространенія христіанскихъ понятій между людьми». Далѣе Кистъ указываетъ на благословенную миссіонерскую дѣятельность Православной Церкви въ Азіи, которая рѣшительно ни въ чемъ не уступаетъ римской пропагандѣ (Ср. Гефеле: «Beiträge I гл. стр. 357 и *Voices from the East. Documents on the present state und Working of the Oriental Church, by the Rev. I. M. Neale. London 1859 стр. 81-113*). Мы, впрочемъ, вполне признавая достоинство Восточной Православной Церкви, (*) отнюдь не отрицаемъ, что и въ ней есть люди съ извѣстными слабостями и погрѣшностями, что по мѣстамъ въ ней есть духовенство, не со всеѣмъ удовлетворяющее своему назначенію и что народъ кое гдѣ зараженъ суевѣріями. Но развѣ гдѣ либо бываетъ иначе? Развѣ римская церковь выше всѣхъ человѣческихъ слабостей? Точно также всякій согласится съ тѣмъ, что западъ въ дѣлѣ образованіи ушелъ далѣе востока; но этимъ онъ главнымъ образомъ

(*) Указываемъ замѣчательное сочиненіе: „Catholic Orthodoxy and Roman Catholicism. Translated from de Russ“ — въ „Voices from the East, by the Rev. I. M. Neale 1859 г. стр. 3 — 67.

обязанъ борьбѣ папства съ протестантствомъ, которая вообще не коснулась Православной Церкви. Но главное дѣло-именно : *чистая , неизмѣнная Католическая Вѣра* и безпредѣльная душевная преданность ей всегда были въ Православной Церкви. Эта Вѣра — основаніе вселенной и всякаго истиннаго просвѣщенія, — и на ней зиждется *будущность Православной Церкви !*

ГЛАВА IV.

ПРАВОСЛАВНАЯ (*), КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАПАДА. СОЕДИНЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ.

Когда Апостолы и ученики Г. Христа проповѣдывали Евангеліе во всемъ мірѣ и устроили церкви; тогда они положили также основаніе и тому церковному устройству, которое, впослѣдствіи, развилось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ. Если Апостолъ Іоаннъ отличилъ семь малоазійскихъ церквей (гдѣ ихъ во всякомъ случаѣ было больше); то этимъ самымъ онъ высказалъ то начало, что градація между отдѣльными церквами можетъ быть различна по степени ихъ важности и что она произошла естественнымъ путемъ. Преимущественное значеніе извѣстныхъ церквей могло проистекать изъ двухъ источниковъ: или оттого, что извѣстный городъ стоялъ выше по своему политическому значенію и въ немъ находилась большая христіанская община; или оттого, что эту общину основало какое либо знаменитое въ Христіанствѣ лицо. Такъ, пользовались особеннымъ значеніемъ церкви, основанныя непосредственно самими Апостолами; и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о чистотѣ вѣры, — за справками обраща-

(*) Проектируемая авторомъ. Пер.

лись къ апостольскому преданію, сохранившемуся въ этихъ церквахъ. Естественно, что въ замѣчательнѣйшихъ въ гражданскомъ отношеніи городахъ древняго міра были въ тоже время учителями вѣры сами Апостолы; потому что, ожидая особенно обильной жатвы, они начинали распространять Евангеліе именно въ тѣхъ городахъ, которые были главными центрами мировой дѣятельности, и откуда удобнѣе могло распространиться сѣмя Христіанства по всему міру. Такъ образовались четыре Патріархата — въ Іерусалимѣ, въ Римѣ, Александріи и Антіохіи; къ нимъ впослѣдствіи присоединенъ былъ пятый Константинопольскій (новый Римъ) Патріархатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ этихъ патріархатахъ получаетъ значеніе принциповъ національностей; дѣйствительно, какъ Іерусалимъ былъ представителемъ Палестины, Антіохія-Сирія, Александрія-Египта; такъ Римъ былъ представителемъ Италіи и еще другихъ пзвѣстныхъ въ то время странъ запада. Это начало народностей, положенное въ основаніе первоначальнаго дѣленія церкви (въ іерархическомъ отношеніи), живетъ въ истинной отрасли Каѳолической Церкви; и отъ Константинопольскаго Патріархата образовались церкви въ Россіи, Греціи и Румыніи, нисколько не нарушая въ тоже время единства Каѳолической Вѣры.

При здоровомъ развитіи западной Церкви, точно также и въ ней развивалось древле-каѳолическое начало національности; но на западѣ мы видимъ только слабые къ тому попытки, именно въ древней Африканской Церкви. Если бы римская церковь, вслѣдствіе своего стремленія къ преобладанію, не посѣяла такъ рано сѣмянъ папства и не старалась возрастить ихъ (сначала, конечно, безсознательно и смутно); если бы она не раскрывала съ такою послѣдовательностію идею папства, какъ идею централизаціи; то и мы имѣли бы мѣстныя, народныя церкви: италіанскую, испанскую, французскую, англійскую, нѣмецкую и скандинавскую. Эти церкви развивались бы

въ духѣ свободы, не прерывая союза вѣры съ своею Православною, непанстическою матерью — римскою церковію.

А что патріаршія кафедры возникли подъ вліяніемъ идеи національностей, а не просто потому лишь, что они учреждены Апостолами, это ясно видно изъ того, что ни одна изъ церквей, основанныхъ Святымъ Апостоломъ Іоанномъ, не сдѣлалась патріаршей кафедрой, между тѣмъ какъ Александрійская Церковь получила такое высокое мѣсто (патріархію), не смотря на то, что она основана не непосредственно Апостолами. Впрочемъ однимъ изъ отрадныхъ знаменій нашего вѣка служить то, что идея національностей пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ области государственной жизни и со временемъ, слѣдуя естественному ходу событій, она должна охватить и область римской церкви. «Европа требуетъ, чтобы за народностями были признаны ихъ права, чтобы имъ обезпечено было сохраненіе этихъ правъ», говоритъ Пихлеръ (I гл. стр. 20). Но онъ же говоритъ далѣе (на стр. 496): «принципъ національной самостоятельности дѣлитъ Восточную Церковь на множество національныхъ церквей, которыхъ не связываетъ уже какой бы то ни было личный, обязательный и всеміи признаваемый авторитетъ». Въ томъ то и преимущество Православной Церкви, *что національныя церкви могутъ въ ней свободно развиваться, сообразно съ отличительными свойствами каждой народности, которыхъ другая нація не сумѣетъ ни сохранить, ни даже исполнѣ понять (*)*. А связью національныхъ церк-

(*) Народности возникаютъ и вырабатываются вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и, Провидѣніемъ данныхъ, неизбѣжныхъ условій географическаго положенія, языка, племеннаго происхожденія, — подъ вліяніемъ матеріальныхъ, духовныхъ, политическихъ и религіозныхъ интересовъ, борьбы и страданій народа. Сильная воля великаго государя можетъ много способствовать усиленію началъ національности; онъ можетъ мудро воспользоваться этими началами, гдѣ ихъ находятъ; но создать ихъ онъ не въ состояніи. Отдѣльный же партія

вей служитъ *ученіе Вѣры и каноны*, утвержденныя Вселенскими Соборами, а стражемъ *этого ученія и вселенскаго управленія* — сталъ Патріархъ Константинопольскій съ тѣхъ поръ, какъ папа пересталъ занимать это мѣсто и произвольно измѣнилъ, въ существенныхъ чертахъ, характеръ и обязанности перваго іерарха церкви. «Раздробленіе» патріархатовъ, измѣненія ихъ границъ несколько не дѣлаютъ «самую теорію патріаршества очевидно несостоятельною; напротивъ это *развитіе* служитъ признакомъ *жизни и развитія* Православной Церкви. Христіанство распространяется, образуются новыя церкви, старыя расширяются. А папа что дѣлаетъ? Онъ дѣлаетъ тоже: дробитъ обширные приходы, большія церковныя области, большія Епископіи и образуетъ новыя. Тоже значитъ и раздробленіе патріархатовъ. Единство Вѣры въ союзѣ съ Константинопольскимъ патріархатомъ всегда строго соблюдалось. *Не бывало примѣра, чтобы національная самостоятельность и развитіе Православныхъ Церквей привели когда нибудь къ расторженію единенія въ Вѣрѣ*. Всѣ Православныя Церкви находятся и всегда останутся въ союзѣ съ Константинополемъ. Въ этомъ случаѣ факты говорятъ краснорѣчивѣе выдуманныхъ опасеній. Поэтому Пихлеръ совершенно не правъ и опровергается свидѣтельствомъ исторіи, — когда, продолжая (стр. 496) вышеприведенное разсужденіе, говоритъ: «Въ этомъ и состоитъ современная задача папства, чтобы оно, не принадлежа исключительно ни къ какой опредѣленной націи и обязанное своимъ существованіемъ единственно божественному установленію(*), защищало права всѣхъ націй и стремилось къ единенію ихъ посредствомъ единой вѣры».

въ народѣ никогда не образовывала и не развивала, а тѣмъ болѣе не создавала національности.» (Изъ передовой статьи IV. N. 13, 30 Августа 1855 г. католической газеты „Германія“ (Deutschland).

(*) Папство не имѣетъ Бож. установленія, какъ подробно доказано выше. Не е од.

Прежде всего нужно замѣтить, что хотя папство дѣйствительно не принадлежитъ ни къ какой націи, и является, по преимуществу, римскимъ учрежденіемъ; но оно обнаруживаетъ нѣкоторое влеченіе къ италіанской національности, (потому что она состоитъ въ самой родственной связи съ духомъ Рима). Иннокентій III такъ выражается объ этомъ: «обѣ власти, или оба вида первенства получили свое начало въ *Италии, которая, по волю Божію, пріобрѣла первенство надъ всѣми странами.*» (Пихлеръ стр. 232). Не большое число папъ не италіанскаго происхожденія, исчезающее въ огромномъ количествѣ папъ италіанцевъ, должно было напередъ проникнуться римскимъ образомъ мыслей и дѣйствій, иначе нарушилась бы гармонія развитія папства. Какъ крѣпко держится папство за *Римъ* и что оно имѣетъ къ тому сильныя побужденія, это видно лучше всего изъ исторіи вавилонскаго плѣненія папъ—въ Авиньонѣ. Здѣсь не столько французское вліяніе способствовало искаженію (*verbastardte*) папства, сколько отсутствіе римскаго вліянія, т. е. темная сила, которую создалъ языческій Римъ и которая въ формѣ папства налегла на христіанство, не съумѣла найтись въ Авиньонѣ. (*Dämonische Alp, den das heidnische Rom schuf und in der Gestalt des Papstthums der Christenheit auflud, wusste sich in Avignon nicht zu finden*).

Хотя въ Авиньонѣ и были всѣ церковныя власти и вся церковная обстановка (*apparat*) папства, но не было тамъ *Рима* и духовной магической силы Рима. Далѣе: дѣйствительно ли папство защищаетъ права всѣхъ народностей? Оно походитъ на то: папство живетъ смертію народностей. Оно не допускаетъ, чтобы народности уничтожались ихъ правительствами; но это для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе забрать эти народности въ свои руки. Народности, поддержанныя папствомъ въ борьбѣ за свое существованіе, благодарны ему за то и принимаютъ предлагаемое имъ иго. Папство не допускаетъ уничтоженія

народностей; потому что онѣ ему нужны для борьбы съ другими народностями, но оно уничтожаетъ *національныя черты народностей* для того, чтобы въ нихъ имѣть болѣе послушныя орудія своей воли. Даже въ мелочахъ папство старается преобразовать по своему—подвластные ему церкви для того, чтобы окончательно утвердить надъ ними свое господство. Пусть говорятъ, что хотятъ: *безусловной любви къ отечеству нѣтъ у римскаго католика; онъ всегда однимъ глазомъ поглядываетъ на Римъ.*

Что для «сохраненія единой Вѣры» не необходимъ такой (какъ папство) центральный и возвеличенный авторитетъ, это показываетъ Православная Церковь. Но что онъ необходимъ для сохраненія вѣры, въ духѣ латинства развитой, этого мы совсѣмъ не думаемъ оспаривать; напротивъ мы убѣждены, что этотъ авторитетъ былъ еще недостаточно силенъ, покуда непогрѣшимость папы не возведена была въ догматъ. А какъ необходима теорія папской непогрѣшимости, это хорошо чувствовалъ папа Стефанъ V, когда онъ воспользовался ею *въ первый разъ* въ 885 году въ своихъ отношеніяхъ къ Грекамъ (Пихлеръ стр. 546 Ср. соч. свящ. Гетэ: *La Papauté schismatique. Paris 1863 стр. 350 и пр.*).

Учрежденіе патріархатовъ до такой степени несомнѣнно національное учрежденіе, что порядокъ слѣдованія одного патріарха за другимъ въ церковномъ управленіи опредѣлялся сообразно съ значеніемъ національностей. Иначе, какимъ образомъ Римъ сдѣлался бы первымъ патріархатомъ въ Христіанскомъ мірѣ? По времени образованія церквей—это мѣсто должно было принадлежать Іерусалиму. Если первенство Рима зависѣло отъ того, что Ап. Петръ былъ главою Церкви, или первымъ папою въ Римѣ (по мнѣнію латинянъ), то и въ такомъ случаѣ Антиохія имѣла бы болѣе права на это первенство; потому что Ап. Петръ былъ Епископомъ Антиохіи прежде, чѣмъ въ Римѣ. Значеніе этого обстоятельства сознавалъ самъ Пиннокентій I, и потому счелъ нужнымъ объяснить

преимущество Рима тѣмъ, что пребываніе Апостола Петра въ Антиохіи было временное, а Римъ онъ избралъ мѣстомъ постоянного жительства. Пихлеръ, (II т. стр. 621—627), находя противорѣчія въ преданіяхъ, желаетъ, кажется, опровергнуть то, что Апостолъ Петръ былъ Антиохійскимъ епископомъ. Но древность признавала этотъ фактъ несомнѣннымъ, и Оригенъ, писатель II-го столѣтія, столь авторитетный свидѣтель, что нѣтъ возможности совершенно отвергнуть вѣрность этого факта. Въ оксфордской (бодлейянской) библіотекѣ находится проповѣдь на армянскомъ языкѣ—извѣстнаго Якова Барадея, въ которой онъ изъясняетъ свое исповѣданіе вѣры. Эту проповѣдь онъ посылалъ въ Антиохію—«каедрю великаго Апостола Петра.» (Сравни. недавно вышедшій каталогъ сирійско-аравійскихъ рукописей бодлейянской библіотеки Пэйнъ-Смита (р. 140 № 5). Такимъ образомъ только государственное положеніе Рима сдѣлало то, что его патріаршій престолъ былъ первымъ, по тойже причинѣ Константинопольскій патріаршій престолъ занялъ второе мѣсто.

Это высочайшее положеніе Римскаго патріархата во Вселенской Церкви безъ сомнѣнія *согласно было съ волей Божіей, (или лучше имѣло мѣсто по допущенію Божію) хотя и не было установлено Богомъ*; онъ долженъ былъ по естественному ходу исторіи сдѣлаться центромъ церковнаго единства (для запада). У всякаго живаго организма—голова вырастаетъ изъ него самаго; точно также, естественнымъ путемъ, вырастаютъ изъ него и вѣтви: иподіаконство это вѣтвь, и оно есть такое же человѣческое (церковное) учрежденіе, какъ и голова—первый патріархатъ Римскій.

Но естественно было опасаться того, что это первенство, утверждающееся на человѣческихъ основаніяхъ, станетъ стремиться къ незаконному преобладанію.

Опасность эта была вдвойнѣ велика для римскаго епископа на римской почвѣ. Поэтому то Г. Рейхлинъ

въ своей статьѣ «Долженъ ли Римъ сдѣлаться столицею Италіи?» (Кёльнская газета 12 января 1865 г.), весьма остроумно и вѣрно замѣтилъ: «Папство развилось изъ древнихъ римскихъ учрежденій и выросло на той почвѣ, которая произвела упрямую, политически-ловкую и жаждавшую всемірнаго могущества римскую аристократію.» Было время, когда Римъ предписывалъ законы всему міру; его законодательныя способности признаются и современными законовѣдами; но приказывать и предписывать законы сдѣлалось второю природою Рима (*) только тогда, когда его Pontifex Maximus принялъ христіанство. Въ «Руководствѣ къ изученію классической литературы» Ешенбурга (8-е изд. Берлинъ 1837 г. стр. 514) мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Первое мѣсто занимали (въ Римѣ) жрецы (Pontifices), званіе которыхъ учредилъ еще Нума Помпилій... А Pontifex Maximus былъ главнѣйшимъ между ними и непосредственнымъ ихъ начальникомъ: онъ пользовался первостепеннымъ духовнымъ значеніемъ и большими привилегіями... Всѣ остальные жрецы, даже и весталки, были ему подчинены; онъ вѣдалъ дѣла религіи, распоряжался устройствомъ празднествъ и сопряженныхъ съ ними торжественныхъ обрядовъ, составлялъ лѣтописи (Annales) и разрѣшалъ иногда судебныя споры.» Развѣ эти слова не могутъ быть примѣнены почти буквально къ хри-

(*) Римская церковь обращаетъ вниманіе на самыя мелочныя вещи; она вникаетъ во всѣ обстоятельства жизни съ своими предписаніями; о величайшихъ мелочахъ и пустякахъ у ней существуютъ свои письменныя законы: „Носеніе париковъ воспрещено духовенству 54-мя декретами, 16 папскими буллами, 10 генеральными и 136 провинціальными совѣтами и 252 соборными постановленіями. Ослушники наказывались денежными пенями, тюремнымъ заключеніемъ и даже отлученіемъ отъ церкви. Духовенству запрещено носить поволоочиныя шпоры и прѣжки на башмакахъ. Одежда духовныхъ должна быть застѣгнута, ни слишкомъ длинна, ни коротка. Куреніе, жеваніе и нюханіе табаку—запрещено церковными законами.“ (Браунъ: Berliner Briefe über die orientalische Frage“ стр. 17) Между тѣмъ, важнѣйшіе каноны жестоко попирались. Тотъ же авторъ сообщаетъ намъ въ статьѣ „Cabbalistische Inschriften“ латинскую эпитафію на гробѣ одного діакона въ Регенсбургѣ, племянника тамошняго епископа, который умеръ шестидневнымъ младенцемъ.

стіанскому великому жрецу (Pontifex Maximus)? Только послѣднему удалось еще болѣе разширить свою власть. Впрочемъ этимъ мы не думаемъ приписывать римскому епископу злонамѣренный и сознательный обманъ; онъ дышалъ римскимъ воздухомъ, его натура была чисто римская и по этому, естественно, въ немъ должны были проглядывать черты Великаго жреца.

Было бы очень опрометчиво и не согласно съ исторіей указывать на какого либо римскаго епископа, какъ на перваго папу. Можно развѣ отыскать въ сочиненіяхъ болѣе древнихъ римскихъ епископовъ такія выраженія, въ которыхъ впервые высказывается мысль о Бого-учрежденномъ первенствѣ папъ, или же одѣйствіяхъ соотвѣстныхъ этому. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти епископы были первыми папами. Они могли ясенѣе понять и высказать предчувствія и темныя представленія своихъ предшественниковъ; но тѣмъ не менѣе въ этихъ послѣднихъ скрывались уже зачатки папства. Папство не вдругъ и мгновенно явилось на свѣтъ Божій: оно историческое явленіе, выросшее и созрѣвшее на римской почвѣ; это своего рода ржавчина, покрывшая на сыромъ воздухѣ благородную сталь. Это пегодная трава, всюду незамѣтно проникающая; какъ первородный грѣхъ, она глубоко пускаетъ тысячи корней, которые широко расползаются по всей почвѣ и такъ плотно держатся за нее, что ее трудно бываетъ вырвать. Однимъ словомъ папство—это колоссальный образъ *надшаго чловѣка*. Папство въ сравненіи съ простымъ сыномъ Адама—малымъ міромъ, есть великій міръ. Адамъ палъ; потому что онъ хотѣлъ быть *какъ Богъ*, папство падаетъ; потому что домогается *божественной привиллегіи*—непогрѣшимости; оно хочетъ свою вавилонскую башню возвести до небесъ!

Какъ представляетъ себѣ римскій католикъ происхожденіе папства? Мірянинъ полагаетъ, что Іисусъ Христосъ (Ев. отъ Матѳея 16, 18) вручилъ первенство Апостолу Петру, и что Апостоль Петръ съ этой минуты,

или со времени вознесенія Христова, признавалъ себя папою, Богомъ поставленнымъ главою церкви, намѣстникомъ Христовымъ на землѣ, что онъ яко бы поступалъ сообразно съ этимъ и признанъ былъ въ этомъ достоинствѣ другими апостолами; что наконецъ будто «такъ учатъ святыя отцы церкви» (Толкованіе Алліоли на 16, 18 ст. Матѳея) и вселенскіе соборы. Таково вѣрованіе мірянъ и большей части богослововъ, которые не берутъ на себя труда вникнуть въ дѣло поглубже. Ни разу не задумаются надъ тѣмъ, что Православная Церковь твердо держится Св. Писанія, преданія и постановленій вселенскихъ соборовъ, но не признаетъ папства, какъ Божественнаго учрежденія, и что, слѣдовательно, дѣло это не вполне очевидное. Болѣе основательные (латинскіе) богословы и церковные историки дѣйствительно считаютъ указанный выше взглядъ ложнымъ, и утверждаютъ, что папство (какъ теорія) развилось историческимъ путемъ, подобно ученію о лицѣ Спасителя, которое до изложенія монофелитизма не было вполне раскрыто (*) въ догматикѣ. Такой путь *раскрытія христіанскихъ догматовъ* есть единственный путь, по которому безошибочно и исторически-основательно можетъ идти раскрытіе догматическаго воззрѣнія; но онъ, къ сожалѣнію, къ папству не примѣнимъ; потому что прежде всего нужно прочно установить существованіе того, что должно быть способно къ развитію. Если папство было основано Христомъ, то Ап.Петръ и остальные Апостолы должны были рѣшительно сказать объ этомъ; и отцы не могли раздѣляться въ мнѣніяхъ объ этомъ такъ, чтобы сравнительно меньшая только половина ихъ говорила въ пользу папскаго воззрѣнія. Если мысль о божественномъ происхожденіи главенства была признана, то и при дальнѣйшемъ своемъ раскрытіи она не могла встрѣтить затрудненій; но дѣло то въ

(*) Для сознанія вѣрующихъ, которые, однако, отъ основанія Церкви Христовой всегда имѣли для своего руководства образъ (образецъ) здравыхъ словесъ о лицѣ Спасителя. Пер.

томъ, что нужно доказать существованіе самой мысли. Если бы Апостолы смотрѣли на Ап. Петра, какъ на Богомъ поставленнаго главу Церкви, то ученіе объ этомъ было бы главнѣйшимъ предметомъ ихъ евангельской проповѣди и ни одна Церковь не оставалась бы въ неизвѣстности объ этомъ. Если бы Ап. Петръ признавалъ себя Богомъ поставленнымъ папою; то мысль объ этомъ онъ выразилъ бы въ своемъ посланіи. Нелѣпо утверждать, будто смиреніе препятствовало Ап. Петру касаться своего высокаго сана. Если онъ былъ папою (въ римскомъ смыслѣ слова); то онъ могъ объ этомъ упомянуть, не опасаясь показаться человѣкомъ мелкимъ. Доказательства отъ Св. Писанія еще весьма слабы; потому что, какъ объяснять извѣстное мѣсто Библіи, это можетъ рѣшить общее согласіе отцовъ Церкви, какъ справедливо замѣчаетъ Алліоліи, и въ данномъ случаѣ отвѣтъ ихъ на вопросъ долженъ быть рѣшителенъ; потому что слово *petra* (камень) не относится къ Петру. Аббатъ Гэтэ въ своемъ сочиненіи *Papauté schismatique* поставилъ себѣ задачей доказать изъ Св. Писанія и вселенскихъ соборовъ, что идея и сущность папства, какъ Божественнаго учрежденія, искусственно навязаны Христіанству. Сочиненіе появилось годъ тому назадъ и еще не вызвало опроверженія; потому что неужели можно назвать опроверженіемъ слѣдующее краткое замѣчаніе Пихлера: «попытка Гэтэ не удалась?!» Гэтэ говоритъ, «что Лопиа, докторъ Сорбонны, собралъ свидѣтельства, преданія, касающіяся этого вопроса и ясными подлинными словами отцовъ доказалъ, что *весьма немногіе* отцы слово камень относятъ къ Петру. Это объясненіе отцовъ сохранилось на Западѣ до XVI ст., когда ультрамонтанство стараніями іезуитовъ было возведено въ систему. Достаточно привести въ доказательство Іону Орлеанскаго... Естественно, что мы въ этой не большой брошюрѣ не можемъ вдаваться въ подробности и ограничимся только бѣглыми замѣчаніями.

Въ заглавіи посланія Св. Игнатія къ римлянамъ мы съ Мёлеромъ видимъ намёкъ на учрежденіе Митрополіи; потому что слова «въ мѣстѣ римской области» могутъ ли имѣть другое значеніе, кромѣ того, что χωρίον (страна) заключаетъ въ себѣ болѣе обширное, а τόπος болѣе тѣсное понятіе, т. е. первое означаетъ церковную епархію, второе главный городъ епархіи. Предстоятельство въ церковной области можно понимать только въ томъ смыслѣ, что церкви этой области соединены подъ властію Митрополита; съ такимъ понятіемъ указанныхъ словъ согласны 2 сирійскихъ и 2 армянскихъ посланія Игнатія.

Я еще болѣе утвердился въ этомъ мнѣніи, прочитавъ недавно (въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ) древнюю сирійскую рукопись VI ст., въ которой я надъ статьею Св. Кирилла Александрійскаго нашелъ такое заглавіе: «Кирилла—главы Епископовъ (rich defisqufe) въ Александріи.» Въ Александріи же былъ всего одинъ епископъ; слѣдовательно здѣсь или подразумѣвалась церковная область, или rîsch defisqufe значитъ Archiepiscopus. Это значеніе «capitis episcoporum» (главы епископовъ) заслуживаетъ особеннаго вниманія; потому что когда оно употребляется въ приложеніи къ римскому архіепископу, то оно легко можетъ быть не вѣрно переведено словами: capo della chiesa (глава церкви). Извѣстное мѣсто въ сочиненіяхъ Св. Иринея не признается Пихлеромъ. Весьма отрадно видѣть, что наконецъ одинъ изъ римскихъ католиковъ признаетъ несостоятельность этаго ученія. Кириланъ по достоинству оцѣнивается Пихлеромъ, который рѣшительно не признаетъ за нимъ идеи папства.

Вотъ какой Православный взглядъ на главенство въ Церкви. Отцы Церкви признаютъ исповѣданіе Божества Христова Ап. Петромъ (зерно Христіанскаго ученія) камнемъ, на которомъ Христосъ основалъ свою Церковь, и такъ какъ это исповѣданіе какъ бы воплотилось въ Ап. Петра, то поэтому и его самого можно

назвать камнемъ. Но это преимущество Ап. Петра по существу дѣла было его личнымъ, ему одному принадлежащимъ достоинствомъ и не могло перейти по наслѣдству къ кому либо другому. Если Ап. Петръ былъ въ этомъ смыслѣ главою Апостоловъ, то естественно, что преемники его столько же могутъ участвовать въ этомъ званіи, сколько дитя участвуетъ; по рожденію, въ правахъ родителей, если оно рождается въ дворянскомъ достоинствѣ. Но личные преимущества не передаются по наслѣдству. Наслѣдованіе Ап. Петра могло дать римскому епископу такъ сказать права дворянства, права на первое мѣсто между епископами, но никакимъ образомъ не могло даровать ему преимущества быть камнемъ Церкви, а тѣмъ менѣе еще могло дать имъ права-пользоваться такимъ авторитетомъ, какимъ и самъ Ап. Петръ никогда не пользовался. Если мы съ этой стороны рассмотримъ извѣстные мѣста русскихъ Богослужебныхъ книгъ, приводимыя Гефеле (Beiträge I. S. 349. ср. Пихлеръ I гл. 143), по Шлоссеру, въ пользу римскаго главенства; то мы убѣдимся, что они не заключаютъ въ себѣ ничего, что говорило бы въ пользу папства въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его римская церковь. Православные охотно допускаютъ первенство Рима, они ничего не имѣютъ противъ самаго титула папы, такъ какъ римскій епископъ дѣлится этимъ титуломъ съ Патріархомъ Александрійскимъ, посившимъ, какъ это положительно доказано, означенный титулъ еще въ половинѣ III в. (*); но они рѣшительно не признаютъ *jus divinum* (божественнаго права) папства и его всемогущественнаго значенія въ Церкви, значенія, которое въ своемъ

(*) См. I. м. Пия History of the holy Eastern Church. General introduction т. I. ст. 113 „The Biskop of Alexandria, [at least as early as the middle of the third century, was usuelly termed Pope, which title he still retains (Епископъ Александрійскій еще въ половинѣ 3-го столѣтія обыкновенно сталъ называться Папою. Этотъ титулъ онъ удержалъ и послѣ)“.

последовательномъ развитіи дѣлаетъ папу непогрѣшительнымъ учителемъ вѣры и самымъ высшимъ и даже единственнымъ церковнымъ законодателемъ. Римская церковь мало по малу измѣнила сущность папства (Православнаго) и къ измѣненному папству она относитъ такія слова и выраженія, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Вмѣсто историческаго *развитія* законнаго папства мы видимъ въ римской церкви историческое искаженіе его, которое въ послѣднихъ выводахъ изъ папства рѣзко бросается въ глаза.

Съ какого времени началось это искаженіе?

Нельзя опредѣлить моментъ, съ котораго Греческая церковь начинаетъ рѣшительно отвергать главенство. «Съ самаго начала существованія Церкви, говоритъ Пихлеръ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ существовали люди, которые говорили противъ главенства.» И мы съ своей стороны скажемъ, что нельзя опредѣлить и ту минуту, когда римская церковь окончательно приняла ультрамонтанское главенство. Нѣкоторые (даже многіе) возставали противъ него и въ западной и въ Восточной церкви, — съ тѣхъ поръ, какъ папы стали позволять себѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало. И хотя время зарожденія ультрамонтанскаго папства покрыто мракомъ неизвѣстности, все же можно указать эпоху, въ которую папство, произвольно расширяя свои права, вступило на почву систематическаго развитія ихъ, постепенно образовало ложное главенство, и затѣмъ для поддержанія такого главенства оказалось нужнымъ пріискать божественное основаніе, которое было найдено въ нѣсколькихъ личныхъ мнѣніяхъ и выраженіяхъ немногихъ древнихъ церковныхъ писателей. Эту эпоху возникновенія и утвержденія современнаго папства мы видимъ въ томъ же фактѣ, къ которому Пихлеръ пріурочиваетъ дѣйствительное начало раздѣленія Церкви на двѣ половины — восточную и западную, именно въ принятіи

Константиномъ Христіанской Вѣры. Это событіе образовало государственную церковь (*) въ Константинополѣ. И это — ошибка, которая легко объясняется тѣмъ, что Христіане, послѣ многихъ гоненій, которымъ они подвергались, не знали, чѣмъ выразить свою благодарность единовѣрному императору-покровителю. За эту ошибку Греческая Церковь жестоко поплатилась, часто и долго носила она оковы рабства, но никогда не помрачилась ея Вѣра, и не одинъ мужественный епископъ запечатлѣлъ кровію свою твердость своей вѣры, защищая ее противъ угнетѣнія греческихъ императоровъ.

Съ другой стороны, со времени Константина В. Римъ фактически пересталъ быть центромъ міра; свѣтскіе государи Запада современемъ переселились въ другія резиденціи и папа сдѣлался свободнымъ до независимости. Тогда папа имѣлъ возможность образовать такую Христіанскую церковь, которая, счастливая свободою, силь-

(*) Подъ именемъ государственной церкви мы разумѣемъ такую церковь, которая даже въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, т. е. въ вѣрѣ и жизни, въ догматахъ и канонахъ зависитъ отъ государства; — это въ Русской Церкви не имѣетъ мѣста. Д-ръ Грошъ очень вѣрно говоритъ: „пока Церковь дѣйствуетъ въ области религіозной жизни, она способствуетъ государствамъ достигать ихъ цѣлей и имѣетъ полное право требовать неограниченной самостоятельности во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Но если она, какъ корпорація, выходитъ за предѣлы религіозной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ въ сферу государства, она, какъ и всякая другая юридическая личность, является членомъ его и слѣдовательно должна подчиниться его законамъ. Архіепископъ Климентъ Августъ Кельнскій (über den Frieden unter der Kirche und den Staten Münster 1843) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ отношенія между Церковью и государствомъ; „самостоятельность той и другаго, независимость и взаимная дружба“. Государству принадлежит (jus circa (pec in) sacra, т. е. jus cavendi, jus (obligatio) tuitionis) право дѣйствовать на влѣнную сторону, но не на внутреннюю, т. е. право защиты и покровительства. Раздѣленіе церкви и государства составляетъ противоположное явленіе государственной церкви и оно также должно и гибельно. Государственная церковь и государство безъ церкви сходятся между собою во многихъ пунктахъ — и приносятъ много зла церкви. „Свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ — это мечтательное ученіе нашего времени и значить ни что иное, какъ „несвободная церковь въ несвободномъ государствѣ,“ потому что церковь и государство не могутъ игнорировать другъ друга; они находятся въ такомъ же взаимодействіи, какъ тѣло и кровь. Взаимное не вниманіе ихъ другъ къ другу (если оно возможно) уже было бы враждою.

ная любовью, своимъ примѣромъ указала бы путь Греческой Церкви и своимъ вліяніемъ произвела бы на восточныхъ государей большее дѣйствіе, нежели многочисленные арміи.

Тогда какъ на Востокѣ Церковь была порабощена императоромъ, — на Западѣ поработилъ ее собственный ея глава. На Востокѣ Церковь терѣла гнетѣ виѣшній, на Западѣ церковь испытывала такой гнетѣ, который подкапывалъ ея зданіе въ самомъ основаніи и вторгался въ самое ея сердце, т. е. ученіе. Тою свободою, которую получила римская церковь, пользовались римскіе епископы (одни болѣе, другіе менѣе) для разширенія своихъ правъ и эти права наконецъ въ Лженсидоровыхъ Декреталіяхъ получили видѣ общеобязательнаго закона. И въ Русской Церкви до XV ст. не многіе великіе князья рѣшались противиться Митрополиту, *имѣвшему и въ мірскихъ дѣлахъ весьма высокое значеніе*. Но здѣсь никогда не было незаконнаго стремленія къ разширенію церковнаго могущества.

«При отдаленности отъ столицы и при томъ, стоя во главѣ значительнаго главнаго города, александрійскій патріархъ мало-по-малу присвоилъ себѣ силу и значеніе гражданскаго правителя. Общественныя и частныя благотворительныя заведенія города — управлялись по его личному усмотрѣнію; его голосъ возбуждалъ страсти толпы и успокоивалъ ее; и Египетскіе префекты — или сдерживались или поощрялись свѣтскою властью этихъ первосвященниковъ» (*). Какъ велико здѣсь сходство Александрійскихъ Епископовъ съ папами, по съ другой стороны какъ неизмѣримо велико и различіе между ними! Злоупотребленія здѣсь никогда и никого не доводили до мысли — опираться на данныя Богомъ права.

(*) Gibbon (Гиббонъ) Decline and fall VIII, 278. Ed. 1807.

Съ Григорія VII начинается періодъ зрѣлости папства. Рѣшительное стремленіе къ сознанной цѣли составляетъ отличительный признакъ этого блестящаго періода въ исторіи папства, который имѣетъ столько же блеска, сколько и побѣдный путь Наполеона Великаго, орошенный кровью и слезами! И мы, вмѣстѣ съ Пихлеромъ, видимъ перстъ Божій въ этой части исторіи папства, но *тотъ* именно перстъ Божій, который пишетъ на страницахъ всемірной исторіи: *измѣрено, взвѣшено и будетъ раздѣлено* (Mene, Tekel, Farsin). Папство должно было идти впередъ до тѣхъ поръ, пока оно въ заключеніе не объявило своей непогрѣшимости; это объявленіе вѣнчаетъ зданіе папства и вмѣстѣ съ тѣмъ готовится ему паденіе. Самообольщеніе отдѣльнаго лица Богъ наказываетъ тѣмъ, что оставляетъ его: тоже бываетъ и съ цѣлыми учрежденіями.

Правда, и исторія папства имѣетъ свои свѣтлыя страницы; но припомнимъ, что папа—существо двойственное: онъ Богомъ поставленный епископъ и въ тоже время человѣческой ультрамонтанскій папа. Гдѣ преобладаетъ божественная его сторона, тамъ есть и благословеніе Божіе; а гдѣ—человѣческая сторона, гдѣ имѣютъ мѣсто властолюбіе и незаконныя притязанія, тамъ бываютъ плоды горькіе и—тѣмъ болѣе горькіе, что эти безпорядочныя страсти окружаются сіяніемъ святости. «Отъ плодъ ихъ познаете ихъ!» Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ папствѣ существуетъ еще много прекрасныхъ, по виду, плодовъ, которые оказались бы пустыми или ядовитыми, если бы заглянуть внутрь ихъ. Впрочемъ, исторія свое дѣло сдѣлаетъ, а отчасти она уже и сдѣлала.

Папство, какъ мнимо-божественное учрежденіе, отторгло Западную католическую церковь отъ истины. Западная церковь такой взглядъ на папство возвела въ

догматъ вѣры и этимъ сдѣлала невозможною всякую попытку къ соединенію съ Вселенскою Церковію. Поэтому Восточная Церковь, *вѣрная самой себѣ*, ни въ какомъ случаѣ не можетъ вступить въ сношенія съ Римскою, доколѣ послѣдняя стоитъ на своемъ основномъ вѣрованіи. И все таки Восточная Церковь вѣритъ въ соединеніе съ нею Западной и даже дѣйствительно часть его для того, чтобы на будущее время по прежнему созывать Вселенскіе Соборы. Но какимъ образомъ должно произойти соединеніе Западной церкви съ Восточною? Не должна ли она *слиться* съ Восточною Церковью? Этого не ждетъ и не требуетъ Восточная Церковь; она этого даже не можетъ и желать, потому что это противорѣчило бы принятому ею началу національной самостоятельности Церквей. Уже Апостолы сообразовались съ національнымъ характеромъ извѣстныхъ народовъ; Литургіи носили на себѣ печать національностей; каноническія опредѣленія отчасти также отличались мѣстнымъ, національнымъ характеромъ. Тогда какъ одаренный богатымъ воображеніемъ житель Востока требуетъ поэтической символики, — хладнокровный, практическій житель запада ищетъ прозы и фактовъ. Гдѣ первому нужно десять словъ и десять обрядовъ, тамъ послѣдній довольствуется однимъ выразительнымъ словомъ и однимъ простымъ обрядомъ. Восточный христіанинъ имѣетъ нѣсколько Литургій; западный—ограничивается одною (*). Однимъ словомъ—Западная и Вос-

(*) Все западныя литургіи происходятъ отъ одной литургіи Ап. Петра. Стоять прочесть напр. литургію Св. Амвросія, чтобы убѣдиться, какъ ничтожна разница между той и другой. Само собою разумѣется, что испанская, (мозарабская), галликанская, англиканская литургіи должны снова войти въ употребленіе; но они не больше, какъ варианты первоначальной литургіи Ап. Петра. Сравненіе восточной и западной литургій мы находимъ въ сочиненіи Павла Боровницкаго „Происхожденіе и составъ римско-католической литургіи и ея отличіе отъ Православной.“ (Существуетъ переводъ на англійскій языкъ Василія Попова. Лондонъ 1863 г.). Книга эта имѣетъ свои односторонности и невѣрности, но доказываетъ однако, что русскіе прилежнѣе изучаютъ условія нашей жизни, чѣмъ мы сами.

точная церкви стоятъ (*) одна подлѣ другой, какъ двѣ совершенно равноправныя (!) сестры; и каждая изъ этихъ церквей, отъ сліянiя съ ней другой церкви, только потерпѣла бы убытокъ. *Мы, жители Западной Европы сильны лишь нашею свободою, самостоятельностью и независимостію и только въ этомъ отношеніи можемъ быть полезны нашей возлюбленной Восточной сестрѣ.* Переходомъ въ нее мы отрекались бы отъ нашей національности и всего нашего прошедшаго.

Но гдѣ же существуетъ на западѣ истинно-каѳолическая Церковь? Отвѣчаемъ: по нашему мнѣнію, прежде всего она существуетъ въ лонѣ Римской церкви и заключаетъ въ себѣ три большихъ класса католиковъ (**): 1) католиковъ, недовольныхъ папствомъ; 2) послѣдователей *идеальнаго* папства, такого, котораго нѣтъ въ дѣйствительности и которое весьма близко походитъ на первоначальное Православное папство; 3) католиковъ, которые ищутъ своего спасенiя *въ Церкви* и держатся папства только потому, что безъ него для нихъ не существовала бы Западная церковь. Этотъ классъ особенно многочисленъ; къ нему принадлежатъ обращенные въ католичество протестанты, особенно изъ числа членовъ Англиканской церкви. Всѣ они жаждутъ найти Церковь, одну только Церковь, а папство только терпятъ. Когда же они ближе всматриваются въ сущность папства, то откровенно сознаются, что могутъ видѣть эту сущность только въ непогрѣшимости. Д-ръ Пьюмэнъ въ своей *Ароlogia* (стр. 205) говоритъ: «Замѣчательно, что *мнѣ и въ голову не приходилъ* вопросъ о положеніи папы, какъ средоточiя церковнаго единства или какъ источника управленiя... Не думаю, чтобы я, будучи еще въ англи-

(*) Вѣрно можно сказать: будутъ стоять и только тогда, когда западная церковь перестанетъ быть папскою. Пер.

(**) Это мнѣніе протестанта, снаружи благовидное, въ сущности отзывается индифферентизмомъ. Пер.

канской церкви, когда нибудь признавалъ какое-либо изъ папскихъ правъ божественнымъ по происхожденію; не то, чтобы я встрѣчалъ затрудненія въ этомъ ученіи, или чтобы у меня вмѣстѣ съ исторіею Св. Льва великаго, вышла изъ головы мысль о непогрѣшимости, которая дѣйствительно проглядываетъ въ этой исторіи; не въ этомъ для меня затрудненіе; все оно заключается въ вопросѣ о *Вѣрѣ и Церкви*.

Эти три класса должны первые приступить къ соединенію; но пока они еще скрываются въ нѣдрахъ папства. Первый шагъ ихъ долженъ состоять въ томъ, чтобы они высказались. Но для приведенія этого въ исполненіе—есть одно средство: долженъ выступить *кто-либо одинъ*. Онъ не долго будетъ оставаться одинокимъ: найдутся люди однихъ съ нимъ мыслей. Востокъ, о которомъ прокричали, что онъ упрямъ, покажетъ міру, съ какимъ рвеніемъ онъ подбираетъ каждый камень для созиданія *единенія истиннаго*, какъ далекъ онъ отъ всякаго мелочнаго самолюбія и какъ много онъ поможетъ въ дѣлѣ созданія Православной, родственной ему, Церкви на Западѣ. Папство должно обезлюдѣть, а Православная Церковь Запада—преисполниться; послѣдняя должна *вытѣснить* первое: это единственный путь къ единенію. Ожиданіе, что два большія тѣла (Восточная и Западная церкви) соединятся, оставаясь въ прежнемъ состояніи, есть пустая, горячечная мечта; опытъ вѣковъ показалъ уже, что это воздушный миражъ. Охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ; и вотъ является много ревностныхъ противниковъ папства, которые видятъ въ самомъ близкомъ будущемъ единеніе, т. е. возвращеніе покаившагося заблудшаго сына (западной церкви) къ его отцу, Востоку. Самъ Пій IX однажды впалъ въ оптический обманъ и думалъ, что довольно одного слова, чтобы окончить это дѣло. Но попытка къ единенію кончилась печальнымъ образомъ: Папа только окончательно осрамилъ себя ею. Не лучше окончились и политическія мечтанія того же папы. Хо-

лодная дѣйствительность событій сковала его въ политическихъ стремленіяхъ, и послѣ этого онъ съ такою же стремительностію ударился въ другую крайность, именно въ политическую боязливость. Можно было бы ожидать того же самаго и отъ неудавшейся попытки навязать унію Восточной Церкви, т. е. Пій, подвергавшійся уже разъ анаѳематизмамъ восточныхъ Патріарховъ, будетъ впередъ осторожниѣе и не сдѣлаетъ вторичнаго нападенія на Восточную Церковь; но нападеніе сдѣлано, и оно кончилось еще печальнѣе для папы, потому что показало ему не только незыблемость Православной Церкви, но и раздоръ и интриги окружающихъ его лицъ въ его собственномъ домѣ. Говоря это, я разумѣю исторію съ Питципіосомъ. Будучи въ Римѣ, я коротко познакомился съ Питципіусомъ, вмѣстѣ съ нимъ прочелъ его сочиненіе: *ὁ ἀνατολικὸς Χριστιανὸς, ἡ ἐπιστολὴ περὶ τῆς ἐνέστωσας κυβερνήσεως τῆς ἐν Κωνσταντινῇ πόλεως ἀνατολικῆς ἐκκλησιᾶς* к. т. л. (Восточный христіанинъ или письма объ управленіи Восточной Константинопольской Церкви и т. д. Мальта 1852 года). На основаніи замѣчаній автора, я сдѣлалъ своею рукою помѣтки на поляхъ этого сочиненія; но этимъ счелъ я нужнымъ и ограничиться по той простой причинѣ, что я увидѣлъ въ личности Питципіоса скорѣе тонкаго дипломата, чѣмъ серьезнаго и проникнутаго духомъ вѣры реформатора. Питципіосъ въ настоящее время оказался дѣйствительно человекомъ шаткихъ убѣжденій, и мое тайное предчувствіе вполнѣ оправдалось. Тертые римскіе дипломаты неминуемо должны были придти въ непріятное столкновеніе съ столь же тонкимъ Грекомъ, при чемъ результаты ихъ взаимныхъ совѣщаній ясно обнаружили, что Римъ сдѣлалъ болѣе уступокъ (Восточной Церкви), чѣмъ сколько онъ могъ бы сдѣлать ихъ искренно, оставаясь вѣрнымъ идеѣ божественнаго происхожденія папства. Вѣроятно думали поступить при этомъ (съ восточными христіанами) такъ же, какъ поступали въ средніе вѣка при насильственномъ обращеніи цѣлыми массами Іудеевъ, Мавровъ

и язычниковъ, или какъ поступали іезуиты въ Китаѣ и Японіи (*); именно соображали такъ: «что если восточные христіане и будутъ на первый разъ принимать латинство внѣшнимъ образомъ, не по внутреннему убѣжденію, то мы вполне можемъ ручаться за слѣдующія поколѣнія; а сдѣланныя большія уступки (Восточной Церкви) уничтожатся сами собой и такимъ образомъ наша тактика достигнетъ своей цѣли.» Въ этомъ опять таки обнаруживается внутреннее, духовное сродство папства съ іезуитствомъ.

Соединеніе обѣихъ христіанскихъ Церквей не возможно, если будутъ вести дѣло, держась инославной почвы папства и если Римская церковь не образумится и не сознается въ своемъ неправославіи. *Частныя лица могутъ и имѣютъ право начать дѣло соединенія.* Крохотное горчичное зерно снова должно быть посѣяно на Западѣ; созиданіе Западной Православной Церкви опять должно начаться съ закладки изъ отдѣльныхъ камней; и послѣ этого наступитъ такое время, когда и Ватиканъ, подобно другимъ роскошнымъ римскимъ дворцамъ, будетъ стоять въ запустѣніи и упадкѣ и останется только краснорѣчивымъ памятникомъ человѣческой гордости. Соединенными силами мы должны подвигаться впередъ по пути истинно-религіозной, строгоцерковной и поэтому свободной цивилизаціи. Церковь должна собрать разсѣянные члены и приобщить ихъ къ живому своему тѣлу. Іезуитское правило «*divide et impera*» должно замѣниться Православнымъ «*collige et impera*» (собери и управляй).

Ученіе (создаемой) Западной Православной Католической Церкви безъ сомнѣнія должно быть тоже, что и у Восточной Православной Католической Церкви, а слѣдовательно должно быть свободно отъ односторонностей и всего того, что навязано ему папствомъ. *Церковное*

(*) И въ Западной Россіи и вообще въ Славянскихъ земляхъ при введеніи іезуитски-тонко рассчитанной Уніи. . Цер.

благочиніе и управленіе пусть удерживаютъ отъѣнокъ, соответствующій характеру западныхъ народовъ; только они должны быть очищены отъ всего папскаго. Вдаваться въ подробности касательно ученія и устройства Западной Православной Католической Церкви мы здѣсь не будемъ, потому что это намѣрены мы изложить въ особомъ сочиненіи, которое скоро поступитъ въ печать. Здѣсь мы намѣтимъ только нѣкоторые основные пункты.

Спаситель Христіанскую цѣпну ввѣрилъ *Церкви*, которая и охраняетъ ее, изъясняетъ и примѣняетъ къ жизни.

Церковь, *въ тѣснѣйшемъ* смыслѣ, есть совокупность епископовъ; общимъ голосомъ ихъ на Вселенскихъ Соборахъ постановляются непогрѣшимыя рѣшенія вопросовъ; и такіе соборы суть органы Святаго Духа. Вселенскихъ Соборовъ семь.

Существуетъ два источника вѣры: *Св. Писаніе и Преданіе*. Разумѣть подъ именемъ преданія странныя легенды и дѣтскія сказки значить совершенно исказить понятіе о Преданіи. Подъ Преданіемъ нужно разумѣть именно живую передачу церковнаго ученія. Св. Писаніе собственно составляетъ только *ту* часть Преданія, которая письменно изложена Апостолами и Евангелистами. Церкви ввѣрено Священное Писаніе и сохраненіе его истиннаго смысла.

Церковь учитъ насъ, что Священное Писаніе, т. е. каноническія книги, *Богодухновенны*. Но Богодухновенны ли *также* и апокрифическія книги, которыя всегда высоко цѣнились и читались въ Церкви, она опредѣлительно не рѣшила (?!).

Церковь учитъ, что *Духъ Святый* исходитъ *отъ Отца*. «Вселенскій Соборъ 879 года, состоявшій изъ 380 епископовъ, рѣшительно осудилъ прибавленіе *filio-*

que въ Символѣ. Всѣ епископы и легаты, бывшіе на этомъ соборѣ представителями Папы Іоанна VІІІ, подписали это постановленіе Собора и предали анаѣмѣ всякаго, кто осмѣлился бы посягнуть на Православную Вѣру и ея Символъ» (Anonymus bey Pichler l. c. II. S. 334).

Церковь не знаетъ никакихъ сверхдолжныхъ дѣлъ и никакихъ *отпустовъ* въ смыслѣ римской церкви, т. е. въ томъ смыслѣ, что временныя мученія за грѣхи можно замѣнить церковною епитиміею.

Есть *переходное состояніе* по смерти для Христіанъ, скончавшихся въ вѣрѣ и любви, но не вполне очистившихся отъ грѣховной нечистоты; мы молимся за нихъ, приносимъ умиловительную Жертву, но не одобряемъ обычая, основаннаго на корыстолюбіи. Было бы положительно опасно для нравственности, если бы какой нибудь (пераскаянный) богачъ тысячами *заупокойныхъ мессъ* могъ и за гробомъ стать выше своего бѣднаго (благочестиваго) собрата. Римскіе богословы конечно говорятъ, что Богъ уже праведно разсудитъ все; но пусть попробуютъ проповѣдывать, что нельзя ручаться за несомнѣнную пользу служенія заупокойныхъ мессъ для извѣстнаго лица и тогда увидятъ, какой сильный ударъ нанесутъ они обывновенію служить заупокойныя мессы и какъ значительно опустѣютъ ихъ кошельки.

Таинствъ семь, и благодатная ихъ сила зависитъ отъ самаго совершенія Таинства (*ex opere operato*).

Почитаніе и призываніе Святыхъ есть древне-каѳолическое ученіе. Мы призываемъ святыхъ молиться за насъ и съ нами точно такъ же, какъ—и живыхъ своихъ собратій о Христѣ Іисусѣ, *но не въ другомъ смыслѣ (*)*.

(*) Авторъ въ этомъ пунктѣ принесть значительную дань протестантскому заблужденію. Наши ближніе еще живущіе и ближніе, въ правой Вѣрѣ скончав-

Мы почитаемъ *Св. Иконы* точно также, какъ чтимъ изображенія дорогихъ и близкихъ намъ особъ, *но не въ другомъ смыслѣ* (?). Онѣ не имѣютъ въ себѣ особенной какой-либо силы и не обладаютъ какими-либо магическими свойствами (*). Многіе протестанты поносятъ церковное почитаніе Иконъ, а между тѣмъ у себя дома берегутъ изображеніе дорогаго имъ усопшаго и цѣлуютъ его съ благоговѣніемъ, нисколько не думая о томъ, что поступаютъ непоследовательно въ этомъ случаѣ.

Мощи Святыхъ, въ особенности Мучениковъ, всегда были высокочтимы Церковію, какъ это мы видимъ изъ актовъ мученичества Святаго Игнатія.

Богоматерь Пресвятая Дѣва Марія при зачатіи Спасителя была очищена отъ первороднаго и произвольныхъ грѣховъ. Но была ли она *также* и зачата не порочною, т. е. безъ первороднаго грѣха, этого Церковь не рѣшила (**)

Церковь учитъ, что въ *Евхаристіи* хлѣбъ и вино *пресуществляются* въ Тѣло и Кровь Іисуса Христа и что Христіанинъ долженъ причащаться *подъ обоими видами*. Только грубо-чувственный, недобросовѣстный умъ, по слѣпотѣ своей, можетъ находить въ пресуществленіи противорѣчіе здравому смыслу. Въ Таинствѣ Евхаристіи есть *прославленное* Тѣло Христово, не подлежащее законамъ обыкновенныхъ нашихъ чувственныхъ тѣлъ.

шіеся и уже прославленные не одно и тоже; поэтому и молитвы за насъ послѣднихъ всегда благоугодны Богу, тогда какъ первые, какъ еще живущіе и согрѣшающіе, не столь близки къ Богу, чтобы ихъ молитвы были благопоспѣшными. Другія мѣста, не вполне согласныя съ ученіемъ Православной Церкви, означены знакомъ вопросительнымъ. Пер.

(*) Магическими силами, конечно, не обладаютъ; но особенную, благодатную, молитвами Святыхъ, изображенныхъ на нихъ, сообщаемую имъ силу чудотвореній онѣ имѣютъ: такова должна быть Вѣра Православной Церкви Запада. Пер.

(**) Св. Церковь учитъ, что никто изъ рожденныхъ женами не изъятъ отъ первороднаго грѣха, кромѣ Господа Іисуса Христа. Пер.

Хлѣбъ для Евхаристіи употребляется въ Восточной Церкви *квасный*, въ Западной—*прѣсный*. И та и другая Церкви имѣютъ вполне достаточное апостольское преданіе для своего обычая (*).

Освященіе хлѣба и вина совершается въ Восточной Церкви во время *призыванія* Св. Духа, въ Западной—во время *произнесенія словъ установленія* (Таинства). Д-ръ Л. А. Гоппе («Die Epiklesis und der römische Consecrationscanon» Schaffhausen 1864) въ своемъ драгоцѣнномъ и основательномъ сочиненіи не могъ примирить практику той и другой Церкви. А наше мнѣніе объ этомъ предметѣ, нисколько впрочемъ не обязательное для другихъ, таково, что какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Церкви моментъ освященія можетъ (?) остаться безъ измѣненія, хотя нельзя не замѣтить, что и въ самой Литургіи Св. Ап. Петра еще видны слѣды употребленія призыванія Св. Духа, а въ Мозарабской литургіи (у Моисе), составляющей нѣчто среднее между восточными и западными Литургіями, слѣды эти даже очень ясны. Равнымъ образомъ по нашему, ни для кого опять необязательному мнѣнію, моментъ освященія зависитъ отъ того, *въ какомъ смыслѣ священникъ произноситъ извѣстныя слова*. Если онъ произноситъ слова установленія Таинства просто, какъ повѣствованіе (какъ это дѣлается въ Восточной Церкви), то онъ при этомъ не намѣревается совершить то дѣйствіе (освященіе Св. Даровъ), которое онъ ясно совершаетъ во время призыванія Св. Духа. Напротивъ, когда священникъ западной церкви произноситъ слова установленія Таинства и при этомъ мысленно ставитъ себя на мѣсто самаго Христа Спасителя и такимъ образомъ дѣйствуетъ съ Нимъ и во имя Его, то онъ совершаетъ актъ освященія этими словами.

(*) Каѳолическая Церковь всегда признавала употребленіе кваснаго хлѣба въ Евхаристіи. Пер.

Литургію (и вообще Богослуженіе) нужно совершать *на языкъ страны*, при живомъ участіи прихожанъ. Римское противленіе этому, которое оправдываетъ себя главнымъ образомъ тѣмъ, что живые языки измѣнчивы, до такой степени не состоятельно и хитро, что не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Развѣ латинскій языкъ не былъ живымъ во время появленія Христіанства? Развѣ латинская Библія не служитъ текстомъ, съ которымъ справляются переводы на новѣйшіе языки? Если дѣйствовать послѣдовательно, то и Библію слѣдуетъ читать въ церквахъ только на латинскомъ языкѣ. По истинѣ странно было бы думать, будто Іисусъ Христосъ и Апостолы желали того, чтобы вѣрующіе присутствовали въ церкви съ переводами въ рукахъ и духовенство отправляло бы Богослуженіе на непонятномъ языкѣ. Впрочемъ, упомянутая причина употребляется для прикрытія настоящихъ цѣлей, а настоящею и единственною причиною употребленія въ Римской церкви латинскаго языка служитъ властолюбивая римская централизація. Единый церковный языкъ составляетъ тонкіе, но крѣпкіе узы, связывающіе всѣ римско-католическія церкви съ папою.

Относительно *безбрачія и брака* священно-служителей должны остаться въ силѣ древне-каноническія правила. Только желательно было бы, чтобы подумали вотъ о чемъ: не можетъ ли Церковь, — такъ какъ священно-служителю до посвященія въ духовной санъ, по своей воли папѣ, не было предоставлено права жениться, — разрѣшить ему вступать въ бракъ, не обязывая его оставлять свой санъ? Такое разрѣшеніе собственно не нарушало (?) бы канонівъ, потому что папское зло-употребленіе слишкомъ достаточно оправдывало бы исключеніе изъ общихъ церковныхъ правилъ. По видимому, существующее въ Греческой и Армянской церквахъ каноническое постановленіе (*), по которому бѣ-

(*) Въ Православной Церкви нѣтъ такого постановленія. Пер.

ное духовенство *должно быть* женато, а безбрачные должны поступать въ монастыри, составляет такую же крайность, какъ и законъ римской церкви о вынужденномъ безбрачїи. Но если глубже заглянуть въ дѣло и взвѣснить домашнія обстоятельства римскаго духовенства, то дѣло покажется въ иномъ свѣтѣ. Если у целибата священника управляетъ хозяйствомъ мать или престарѣлая родственница, то все находится въ наилучшемъ порядкѣ. Но если целибатъ не имѣетъ такихъ родственниковъ (какъ по большей части и случается) и хозяйствомъ его управляетъ молоденькая особа, или служанка, то неминуемо начинается соблазнъ. Даже при честномъ поведенїи съ обѣихъ сторонъ, все таки существуетъ тайное чувство, что оба молоды и состоятъ изъ плоти и крови. Молодой священникъ въ кокетливой рясѣ (*),

(*) См. Charakterbilder von Beda Weber. Frankfurt A. M. 1853 p. 42: „При такихъ условїяхъ самая изящная одежда свѣтскаго челоѣка ничего не значитъ. Здравый смыслъ народа обращаетъ мало вниманїя на покрой; внутреннее достоинство челоѣка придаетъ красоту формѣ его платья. Самая изысканная, стройная и размѣренная одежда никакъ не можетъ замѣнить бѣднаго, дыряваго отъ ветхости кафтана честнаго деревенскаго священника. Только душевными качествами можно подчинить себѣ другую душу.“ По его мнѣнїю, священникъ долженъ быть одѣтъ всегда просто, скромно и не выдаваться своею одеждою. Онъ не могъ убѣдиться въ пользѣ точно-опредѣленной и узаконенной строгими правилами одежды для священника въ многоразличныхъ обстоятельствахъ его пастырской дѣятельности; разъ когда спросили его объ этомъ дѣлѣ, онъ съ живостью возразилъ. „Я не позволю, чтобы теоретическія словопренїя сбили меня съ толку въ томъ дѣлѣ, которое я знаю по опыту. Въ Италїи, гдѣ весьма строго опредѣлена для всѣхъ духовныхъ извѣстная форма платья и находится она во всеобщемъ употребленїи, я нашелъ, что чистота нравовъ и превосходныя качества далеко не распространены въ той же мѣрѣ въ духовенствѣ, и не удивлялся этому. Свѣжъ также въ памяти моей рассказъ о французскихъ аббатахъ временъ Людовиковъ XIV и XV которые подъ рясами самаго строгаго покроя скрывали удивительные образцы, тончайшей безнравственности. Изъ которыхъ нѣкоторые были даже первыми поджигателями революціи, между тѣмъ какъ презираемые ими бѣдные сельскіе священники, въ своемъ неформенномъ платьѣ, проливали кровь и жертвовали жизнью за церковь и короля. Въ подобныхъ случаяхъ обнаруживается не духовное, а недуховное начало. Челоѣкъ съ истинными внутренними достоинствами столько можетъ заботиться о внѣшности, сколько она того заслуживаетъ и только для того, чтобы неприличная внѣшность не уронила въ глазахъ народа значенїя и достоинства званїя. Въ этомъ отношенїи дальнѣе указаннаго предѣла идти не слѣдуетъ для того, чтобы тѣ несущественныя вещи, изъ которыхъ надѣются извлечь пользу для Церкви, не обратились въ орудїе лицемерїя. Благочестивая увѣ-

гораздо опаснѣе для молодой дѣвушки, чѣмъ военный въ красивомъ мундирѣ, такъ какъ званіе священника и вѣчная пропасть между нимъ и ею могутъ допускать больше интимности между ними. Если даже они оба благочестивы, то все таки хорошо извѣстно, какъ часто союзъ начинаютъ духомъ и оканчиваютъ плотью. Если же домохозяйка не возбуждаетъ съ этой стороны никакихъ подозрѣній, потому что обладаетъ болѣе, чѣмъ каноническою старостію и безнадежною физіономіей; то священникъ достоинъ сожалѣнія съ другой стороны, потому что ловкая домохозяйка пріобрѣтаетъ гораздо больше силы и вліянія, чѣмъ законная жена; — словомъ, какъ ни разсматривать домашнее положеніе священника целибата, оно во всякомъ случаѣ не выносимо. Поэтому епископъ Кеттелеръ въ то время, когда былъ еще священникомъ въ Вестфалии, попробовалъ было устроить киновіатскую жизнь съ другими приходскими священниками; но дѣло скоро разстроилось потому, что полумонастырь и полусвѣтъ — вещи несообразныя. И такъ единственнымъ убѣжищемъ для celibатовъ остается монастырь. — Деллингеръ («Kirche und Kirchen» p. 178) смотритъ на дѣло иначе. Женатое и безбрачное духовенство «не могутъ благополучно существовать рядомъ другъ подлѣ друга, потому что первое, по своей противоположности послѣднему, слишкомъ падало бы въ общественномъ мнѣніи; а потому и народъ обратилъ бы свое уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приношенія, только къ послѣднему. Прихожане, при замѣщеніи священническихъ мѣстъ, навѣрно всегда просили бы себѣ безбрачнаго». Не замѣчаете-ли нѣкоторой ироніи въ этомъ объясненіи? Будемъ понимать это объясненіе въ пользу Деллингера: никто не сочтетъ его на столько непроницательнымъ, что-

ренность въ томъ, что строгая форменность въ одеждѣ духовенства уничтожаетъ въ зародышѣ тщеславіе и кокетство, свидѣтельствуя о крайней наивности понятій въ пониманіи и знаніи свѣта. Форменное платье питаетъ и поддерживаетъ всякаго рода тщеславіе мірское и глупости. “

бы онъ не понималъ, что горсть избранныхъ и по призванію отказавшихся отъ семейной жизни celibатовъ слишкомъ ничтожна въ массѣ духовенства, которое ведетъ безбрачную жизнь не по призванію, и потому не можетъ назидать Церковь. За тѣмъ *совершенно не справедливо*, чтобы настоящій христіанинъ (за исключеніемъ молодыхъ дѣвушекъ и ханжей) предпочелъ celibата же-натому священнику; онъ выберетъ лучшаго и болѣе достойнаго изъ нихъ, а достоинство независитъ отъ безбрачія. При этомъ я бы спросилъ: на чемъ основываетъ Деллингеръ свои положенія? Пусть дѣйствуютъ вмѣстѣ женатый и безбрачный клирикъ: мы увидимъ, что въ личныхъ достоинствахъ, а не въ ихъ состояніи, заключается та сила, которая привлекаетъ къ нимъ прихожанъ. Напротивъ, можно съ гораздо болѣею справедливостію утверждать, что семейные люди, напр. на исповѣди, всегда будутъ каяться, съ гораздо болѣею откровенностію и довѣріемъ, предъ женатымъ духовникомъ. Въ этомъ призналась мнѣ одна достойная и почтенная мать семейства въ Палермо, которая, несмотря на то, что была католичкой, исповѣдывалась исключительно у женатаго греческаго духовника, объясняя, что женатые пользуются гораздо лучшимъ мнѣніемъ общества, чѣмъ латинскіе celibаты. Истинность такого признанія подтверждается и практикой Римской церкви, потому что здѣсь вдовецъ, поступившій въ духовное званіе, пользуется особеннымъ уваженіемъ у мірянъ и предпочтительно избирается въ духовники семейными людьми. А мнѣніе, что жена священника съумѣетъ вывѣдать у мужа тайны, открытыя на исповѣди, слишкомъ дѣтски-наивно. Дѣйствительно самые набожные католики не скрываютъ того, что противно и соблазнительно смотрѣть, какъ юные духовники рѣшаютъ самые щекотливые вопросы супружеской жизни. Чистому конечно все чисто; но чтобы ни говорили, юность всегда будетъ юностью; и дѣло все таки остается неприличнымъ

и несообразнымъ. Замѣчательно, что защитники безбрачія духовенства обходятъ то, что ясно, какъ на ладони и о чемъ говоритъ всякому здравый смыслъ и совѣсть, что женатый тутъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ не женатый. Духовникъ, напримѣръ, Русскаго Императора выбирается изъ семейнаго духовенства.— Мы въ высшей степени уважаемъ настоящаго celibата; но тѣмъ ниже стоитъ celibатъ не по призванію. Богу угодны, для блага и ради различныхъ нуждъ Его Церкви, какъ безбрачные, такъ и женатые священно-служители. Въ то время, какъ первые вполнѣ годятся для трудной жизни миссіонера, послѣдніе представляютъ своей поучительной семейной жизни вполнѣ благодѣтельный примѣръ для прихожанъ. Истинныхъ celibатовъ мы признаемъ блаженными и увѣщаемъ ихъ въ смиреніи сохранять даръ небесъ, такъ чтобы даръ, туне пріятый, по зависти діавола не привелъ ихъ къ гордости и не сдѣлался для нихъ гибелью.

Кандидаты священства, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ семейной жизни и для которыхъ бракъ имѣетъ значеніе болѣе высокое, чѣмъ просто закономъ дозволенное средство къ удовлетворенію извѣстныхъ человѣческихъ потребностей (а кто такъ думаетъ и чувствуетъ, тотъ не долженъ бы поступать въ священники, потому что онъ совсѣмъ не духовный человѣкъ), пусть во имя Божіе и съ Божіею помощію выбираютъ себѣ благочестивыхъ, нравственно— сильныхъ женъ, способныхъ воспитать дѣтей своихъ въ страхъ Божіемъ. Жена на пути къ спасенію столько же можетъ, какъ содѣйствовать мужу, дѣтямъ и всему приходу, сколько и препятствовать, смотря по тому, будетъ ли она имѣть духовное или недуховное направленіе.

Указывали на многія семейства протестантскихъ священниковъ, отличавшихся болѣе свѣтскимъ направленіемъ, чѣмъ весь ихъ приходъ, которому они должны были служить примѣромъ; къ сожалѣнію это обвиненіе не безъ основанія. Для избѣжанія этого свѣтскаго

направленія въ Россіи установился обычай, по которому кандидаты священства выбираютъ себѣ невѣстѣ духовнаго же званія, которыя, получивъ духовное воспитаніе, болѣе отвѣчаютъ идеалу жены Священника. Отсюда-то происходитъ то, что, сколько миѣ извѣстно, никогда еще не жаловались на то, что Русскія попадьи — свѣтскія дамы. И какъ въ этомъ обстоятельствѣ не къ чему придраться, то издѣваются надъ тѣмъ, будто Русское духовенство составляетъ касту.

Православная Церковь не знаетъ ни *инквизиціи*, ни *индекса* запрещенныхъ книгъ (*): подлинно это папскія изобрѣтенія, составляющія важнѣйшія пружины въ іезуитскомъ механизмѣ. Индексъ и инквизиція, если не по происхожденію, то по идеѣ, вполне однородны, и находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, какъ мысль и дѣло, какъ теорія и практика. Естественно, Церковь должна предохранять и ограждать своихъ чадъ отъ вредныхъ сочиненій; но весьма вредно, если церковная власть вздумаетъ вести имъ списки; потому что въ 1) это можетъ привести къ мысли, будто всякая книга, не занесенная въ индексъ, содержитъ въ себѣ здоровое ученіе; во 2) это можно скоро перенести изъ юридической области въ область фактическую, извѣстную одному Богу. Юридическая область отстоитъ, какъ небо отъ земли, отъ области практической. Іезуиты объявили притязанія со стороны папы на право рѣшенія въ дѣлѣ Янсенистовъ и тѣмъ доказали, что считаютъ несомнѣнными не только непогрѣшимость, но и всевѣдѣніе папы, проникающаго и въ сердца людей, безъ чего онъ конечно не могъ бы

(*) Срав. „The Mystery of the Indices expurgatorii“ въ мало знакомомъ сочиненіи: A treatise of the corruptions of scripture, councilis and fathers by the prelates, pastors and pillars of the church of Rome, for the maintenance of Popery Thomas James (старшій бібліотекаръ Бодлейянской бібліотеки въ Оксфордѣ). Revised and corrected from the editions of 1612 and 1688 by the Rev. John Edmund Cox, M. A. London 1843 p. 233—268. Хотя мы и не раздѣляемъ высказываемаго здѣсь мнѣнія, но факты существуютъ и ихъ не въ силахъ уничтожить даже и папа.

знать, какимъ образомъ, такъ или иначе, человѣкъ понимаетъ свои слова.

По самому существу дѣла, какъ показываетъ опытъ, только небольшое число избранныхъ можетъ имѣть истинное призваніе къ монашеской жизни, равно какъ и къ целибатству. Сильный папльвъ людей, не призванныхъ въ эти учрежденія, глубоко унизилъ ихъ, такъ что они сдѣлались не благословеніемъ, а проклятіемъ для христіанскаго міра. Ближе всматриваясь въ монастырскую жизнь, мы замѣчаемъ огромную разницу между Восточными и Западными монастырями. На Востокѣ эта жизнь осталась почти неизмѣнною, т. е. такою, какою она была при Василиѣ Великомъ. А на Западѣ самыя разнообразныя монашескія ордена выросли, какъ грибы послѣ дождя; большею частію они скоро увядали для того, чтобы удобрить собою почву для новыхъ произрастаній: это былъ непрерывный рядъ опытовъ и работъ, — вѣчное созиданіе и пересозиданіе. Во всемъ этомъ видятъ мертвый застой Восточной Церкви, противоположный свѣжей жизни *западной: самыя разнообразныя* учрежденія удовлетворяютъ самымъ разнообразнымъ потребностямъ. Но достойно замѣчанія, что западная церковь до XI ст. собственно знала только одинъ орденъ (преобразование монастыря въ Кіюньи не произвело никакого существеннаго измѣненія въ Бенедиктинскомъ ордѣ). Слѣдовательно въ доброе старое время, когда Западная церковь была еще Православною, когда по крайней мѣрѣ не было еще раздѣленія Церквей, довольно было и одного ордена для Западной церкви. А потомъ, когда механизмъ папства сталъ сложнѣе, потребовалось больше колесъ и колесокъ въ сложной машинѣ. Монашескія ордена всегда были орудіями папы; у епископовъ постепенно съумѣли отнять юрисдикцію надъ ними *и даже — едва ли не болѣе того*. Яростное соперничество орденовъ между собою приводило къ тому, что они зорко наблюдали другъ за другомъ и мѣшали ка-

кому либо одному ордену не въ мѣру окрѣпнуть. Если безбрачное бѣлое духовенство составляетъ у папы всегда готовую къ бою армію, то монашескіе ордена составляютъ его штабъ, дающій людей, способныхъ къ удовлетворенію все-возможныхъ пуждъ.

Православная Каѳолическая Церковь Запада, отказавшаяся отъ папы и отъ зависимости отъ него, должна имѣть одинъ орденъ, котораго ей вполне достаточно, — прекрасный, благословенный орденъ Бенедиктинцевъ, который всегда своими правилами предписывалъ *образованіе* ума и воздѣлываніе земли и который есть продуктъ Запада. Уставъ этого ордена обнимаетъ все. Всѣ потребности человѣка и христіанина находятъ въ немъ удовлетвореніе себѣ. Созерцательный умъ, разсудительная голова, дѣятельная рука находятъ въ орденѣ поле для своей дѣятельности. Прогрессъ науки и цивилизаціи, широкая истинно-евангельская свобода, которая даетъ полное значеніе болѣе важнымъ предметамъ, а незначительные считаетъ незначительными, которая любить духъ истиннаго внутренняго подвижничества, но не проповѣдуетъ, что оно имѣетъ само по себѣ силу оправдывающую и освящающую (*ohne ascetische Werkheiligkeit zu predigen*) составляютъ качества препод. Бенедикта. Братъ Игнатій старался ввести этотъ орденъ въ Англиканскую церковь, но, разумѣется у него вышла каррикатура на этотъ орденъ потому, что настоящая монашеская жизнь можетъ укорениться и развиваться только въ Каѳолической Церкви.

Въ заключеніе мы приведемъ драгоцѣнное слово Деллингера (*Kirche und Kirchen* p. 31) о томъ, какъ опасна машинальность въ церковной жизни: «Мы должны также признать и то, что ржавчина злоупотреблений и мертвой внѣшней обрядности снова проникаетъ въ церковь, что служители церкви не рѣдко по лѣности и неразумію, а народъ по невѣжеству, овеществляютъ

духовное начало въ религіи и такимъ образомъ унижаютъ, искажаютъ его и обращаютъ во вредъ себѣ. Поэтому истинный духъ улучшеній никогда не можетъ уничтожиться въ церкви; онъ долженъ періодически, съ новою силою проявляться и проникать въ сознаніе и дѣйствовать на волю духовенства.

Далѣе — Протестантство съ своей стороны должно доставлять членовъ Православной Каѳолической Церкви Запада. Мы считаемъ знаменіемъ времени церковное движеніе, обнаружившееся, особенно въ Лютеранской и Англиканской церквахъ, въ пониманіи той истины, что безъ твердой исторической почвы и личное пониманіе Библии невозможно. Много пишутъ и спорятъ о Церкви, ея существѣ, значеніи и устройствѣ и это показываетъ, до какой степени всѣ желаютъ найти Церковь и какъ серьезно стараются устроить ее въ самомъ лучшемъ видѣ. Но все философствованіе и богословствованіе здѣсь не помогутъ, потому что Церковь есть дѣло не рукъ человѣческихъ, а Божіихъ. Церковь *существуетъ*; ее можно *найти*, но не *учредить*. Потому въ этомъ дѣлѣ единственною руководительницею должна быть исторія: она съ одинаковою очевидностію покажетъ, до какой степени папство исказило Церковь и какъ чистота православнаго ученія сохранилась въ Восточной Церкви. Далѣе-мы видимъ отрадное явленіе въ томъ обстоятельстве, что Лютеранская и Англиканская церкви выступили противъ сектантства и піетизма, отвергающаго догматы Вѣры. Въ этомъ противусектантскомъ направленіи уже выражается расположеніе къ церковности: оно можетъ привести и къ Церкви. Наконецъ еще одно явленіе усиливаетъ наши надежды: оно относится по преимуществу къ Англиканской церкви, но имѣетъ мѣсто и въ лютеранствѣ. Это-все болѣе и болѣе развивающееся изученіе древнихъ *Литургій* и *Отцевъ Церкви* и воз-

растающее почитаніе ихъ. Живущій въ тѣхъ и другихъ истинный церковный духъ такимъ образомъ сообщится протестантскимъ общинамъ вѣрнѣе, чѣмъ посредствомъ богословской полемики, въ которой резонерскія головы всегда найдутъ лазейку для того, чтобы половчѣе увернуться. Великая заслуга Бунзена состоитъ въ томъ, что онъ старался сообщить Лютеранской церкви стремленіе къ изученію и усвоенію Литургій, существующее въ Англиканской церкви и затѣмъ въ томъ, что онъ въ своемъ молитвословѣ и пѣснословѣ обращался къ Отцамъ Церкви чаще, чѣмъ какъ это дѣлали прежде. Точно также Бунзенъ весьма правильно *далъ первое мѣсто* въ ряду другихъ Литургій Апостола Петра. Правда, идеи Бунзена имѣли такъ сказать центробѣжный, удаляющій отъ Церкви характеръ: его уніа должна была привести Римско-католическую церковь къ протестантству и подвергнуть ее здѣсь разложенію. Но не смотря на это, онъ болѣе способствовалъ успѣху добраго дѣла (единенія), чѣмъ въ настоящее время расположены признавать это; потому что для того, чтобы слить во едино Римско-католическую и Протестантскую церкви, онъ долженъ былъ прежде всего, во 1-хъ, сблизить ихъ, сколько это было возможно; 2-хъ возбудить въ нихъ взаимное вниманіе и 3-хъ познакомить ихъ одну съ другою. Но такъ какъ Римско-католическая церковь оставалась неподвижною на своемъ мѣстѣ, то Протестантская-должна была приблизиться къ ней. Правда, Бунзенъ не предвидѣлъ, что его предпріятіе можетъ кончиться тѣмъ, что протестантство расплывется въ Католической церкви; его религія будущаго немогла допустить этой возможности. Бунзена не умѣли цѣнить, на него нападали; и все таки это былъ благородный человѣкъ, исполненный высокихъ помысловъ, носившій въ душѣ своей великія мысли и широкія предначертанія. У него была благочестивая, вѣрующая душа, при всемъ разѣдающемъ критицизмѣ его ума. Но можно ли этотъ критицизмъ ставить ему въ вину? Онъ пользовался толь-

ко правомъ свободнаго изслѣдованія, какъ протестантъ. Если-бы Бунзенъ былъ православнымъ, онъ оставилъ бы послѣ себя великіе и прочные плоды и не имѣлъ-бы несчастія, на закатѣ своей жизни, видѣть развалины своихъ смѣлыхъ твореній.

Любезные протестантскіе братья! Взгляните на *Церковь*, которую Духъ Свякій основалъ въ день Пятидесятницы и которую Онъ будетъ наставлять *на всяку истину* до скончанія вѣка! Римъ искажилъ эту Церковь. Вы захотѣли очистить и преобразовать ее; но когда вы стали приводить важе желаніе въ дѣло, у васъ исчезла и самая Церковь. Взгляните на Востокъ съ Востока свѣтъ (*ex Oriente lux!*) Тамъ не было надобности прибѣгать къ опасному дѣлу очищенія; ибо тамъ Церковь пребыла такою же неизмѣнною въ своемъ Православіи, какою была изначала. Когда Римская церковь пошла своею дорогою, Православная ей не препятствовала идти. И лозунгомъ нашимъ пусть будетъ: не Римскій-католикъ, но католикъ !!

2007059782